

Воронежский университет
Центр коммуникативных исследований

Коммуникативное поведение
Вып.27

**Русское, литовское,
эстонское и латышское
коммуникативное
поведение**

Продолжающееся научное издание

Воронеж
2007

Данный сборник, выходящий в серии «Коммуникативное поведение», подготовлен в рамках совместного научного проекта Центра коммуникативных исследований Воронежского ГУ, Хельсинкского университета и славистов Вильнюса, Таллина, Нарвы и Тарту. Это первый в серии «Коммуникативное поведение» сборник, посвященный сопоставлению коммуникативного поведения и языкового сознания русских и народов Прибалтики.

Сборник предназначен для студентов, аспирантов и преподавателей русского, литовского, эстонского и латышского языков, деловых людей, бизнесменов, переводчиков, работников совместных предприятий.

Редакционная коллегия: проф. Стернин И.А. (Воронеж) – научный редактор, проф. К. Алликметс (Таллин), к.ф.н. Саломатина М.С. (Воронеж) – отв. секретарь, проф. Е.Протасова (Хельсинки - Нарва), проф. Э. Лассан (Вильнюс), доцент А. Лихачева (Вильнюс).

Научный редактор выпуска И.А. Стернин

Компьютерная верстка и оригинал-макет – М.А.Саломатина, И.А. Стернин

©Коллектив авторов, 2007

Исследование выполнено при финансовом участии Фонда поддержки ведущих научных школ ВГУ (НИЧ 5007).

Коммуникативное поведение. Вып. 27. Русское, литовское, эстонское и латышское коммуникативное поведение. Воронеж: изд-во «Истоки», 2007. - 237 с. Тираж 200 экз.

От редколлегии

Данное издание выходит в серии «Коммуникативное поведение», выпускаемой Центром коммуникативных исследований Воронежского университета как продолжающееся научное издание.

Предлагаемый вниманию читателя выпуск подготовлен в рамках совместного научного проекта Центра коммуникативных исследований Воронежского ГУ, Хельсинкского университета, славистов Вильнюса, Таллина, Нарвы и Тарту. Это первый в серии «Коммуникативное поведение» сборник, посвященный сопоставлению коммуникативного поведения и языкового сознания русских и народов Прибалтики. В российской коммуникативной лингвистике подобное исследование, посвященное сопоставлению особенностей общения народов Прибалтики с русским общением, насколько нам известно, предпринимается впервые.

Подготовка сборника представила для редколлегии определенную трудность – исследований и исследователей в области контрастивного коммуникативного поведения прибалтийских народов и России оказалось очень мало, в результате чего материал по коммуникативному поведению разных народов получился представленным в разном объеме. Литовское и эстонское коммуникативное поведение представлены более широко, латышское коммуникативное поведение – всего лишь одним материалом. Материалы по русскому коммуникативному поведению представлены в сопоставлении, а также в виде целостных описаний профессионального коммуникативного поведения руководителя, журналиста и филолога.

Не все публикуемые материалы равноценны в содержательном плане, особенно это касается материалов студентов из Нарвы об эстонском общении; тем не менее, редколлегия сочла целесообразным опубликовать основную часть поступивших материалов, лишь подвергнув их незначительному редактированию в направлении тематики сборника. Некоторые поступившие в редколлегию материалы не были связаны прямо с коммуникативным поведением, а затрагивали его косвенно. Тем не менее большая часть таких материалов также опубликована нами в разделе «Культурология и лингвокультурология». Общественно-политические взгляды авторов статей, нашедшие в прямой или косвенной форме отражение в публикуемых в сборнике материалах, представляют их личную точку зрения.

Мы рассматриваем материалы данного сборника как приглашение прибалтийским коллегам и российским ученым обратить внимание на важность и необходимость контрастивного изучения коммуникативного поведения наших народов, что, по нашему глубокому убеждению, будет способствовать более полному взаимопониманию наших народов, исторически связанных географически и психологически.

Сборник предназначен для студентов, аспирантов и преподавателей русского, литовского, эстонского и латышского языков, деловых людей, бизнесменов, переводчиков, работников совместных предприятий.

Редколлегия с удовольствием примет замечания, предложения, а также новые материалы по теме сборника от всех заинтересованных лиц для продолжения данной серии изданий (sternin@phil.vsu.ru).

Русское и литовское коммуникативное поведение

А.Лихачева

Об особенностях литовской коммуникативной культуры в связи с понятием «национальный характер»

«Почему представители одного народа в сходной ситуации поступают сходным образом (проявляя таким образом свойства «национального характера») и каким образом каждый народ сохраняет «лица необщее выражение», несмотря на то, что сами по себе люди весьма и весьма сходны?» (Лурье 2002).

В данной статье предпринимается попытка создания некоторого коллективного портрета этнических жителей Литвы с точки зрения взаимообусловленности их психического склада и национальной специфики общения. Кроме того, представляется важным определить «комплект» коммуникативно релевантных черт, связанных с национальным характером литовцев. Мы исходим из презумпции этнокультурной и социально-психологической детерминированности общения, выражающейся в связи коммуникативных особенностей с особенностями национального характера и национальной культуры (Петрова 2003). Часть национальной культуры, обуславливающую совокупность норм и традиций общения народа и реализуемую в его коммуникативном поведении, в исследованиях по проблемам коммуникации принято называть национальной коммуникативной культурой (см. Прохоров, Стернин 2002).

Описывая культурную специфику народов разных стран мира, американский исследователь Дин Фостер характеризует балтийские народы следующим образом: эстонцы известны как спокойные, склонные к интроспекции, сдержанные, чаще хмурые, стремящиеся к гармонии в отношениях; латыши более всего избегают разногласий и отличаются умением сплоченно работать для достижения общей цели (групповая ориентация); литовцы из всех балтийских народов считаются самыми открытыми и разговорчивыми, они охотно высказывают и хорошее, и

плохое мнение, более прямолинейны, теплее и эмоциональнее, чем латыши и эстонцы...» (Foster 2004, с. 208-209).

По нашему мнению, литовское коммуникативное поведение определяется двумя важнейшими чертами национального характера: сдержанностью литовцев и одновременно - их эмоциональностью.

«Так же, как и в менталитете, в национальном характере аккумулируются человеческие ценности, которые в чистом виде ни один исследователь не может нащупать, не может прикоснуться к ним, — они проявляются в формах конкретных чувств, в оформлении мыслей и особенно в поведении, деятельности. В осознании и описании того, и другого явления особая роль принадлежит не «своему», а «другому» миру. Только в сравнении с этим «другим» миром и благодаря его познанию национальный характер выводится из состояния «вещи в себе» и превращается в объект анализа...» (Grigas 2002a).

В нашем случае общим фоном для сопоставления национально-специфичных черт литовской коммуникативной культуры выступают поведенческие особенности русских (в отдельных случаях - некоторых других народов). Таким образом, все обобщения и выводы, формулируемые в этой статье, имеют относительный характер.

I. Итак, наиболее заметной чертой литовского характера и, соответственно, камертоном общения по-литовски может быть названа сдержанность (...*santūrus lietuvio charakteris*...) (ŠLTD)¹. Это проявляется, с одной стороны, в органичной внутренней установке литовцев на большую - по сравнению с русской — дистанцию в коммуникации, а с другой - в некоторой смягченности всей тональности общения.

Диапазон интонационного оформления литовской речи заметно сужен по сравнению с русской, поэтому речь литовца, особенно в отсутствии визуального контакта - например, по телефону или по радио, покажется русскому несколько тусклой и монотонной. Темп говорения также ниже, чем это присуще русской коммуникативной культуре. Мелодика литовской речи, как правило, прямо не коррелирует с эксплицированным или коннотативным смыслом высказываний: даже самые категоричные, инвективные или язвительные по содержанию суждения обычно облекаются в просодически смягченную форму.

Один из литовских исследователей отмечает существенный для понимания различий в русском и литовском характерах момент: «Даже сказки литовцы и русские рассказывают по-разному. Стиль литовских сказок отличает благородство и гораздо большая сдержанность. Литовцы — смиренны и даже самую жестокую реальность жизни передают мягко. Зло

¹ В работе называются те черты, которые сами литовцы считают определяющими в их национальном характере. В связи с этим мы используем фрагменты из высказываний ученых, журналистов, политиков, участников Интернет-форумов, где обсуждаются вопросы литовского характера и идентитета, в том числе и с элементами самоиронии.

надо оплакать, а не бороться с ним» (*...net tas pačias pasakas lietuviai ir rusai pasakoja skirtingai. Lietuvių pasakų stilius – kilnus ir daug santūresnis. Lietuviai – romūs ir net žiaurią gyvenimo realybę išreiškia švelniai. Blogį reikia apraudoti, o ne su juo kovoti*) (Saulytis)².

В то же время литовскому характеру присущи упрямство и подозрительность (*...kietas ir įtarus lietuvių charakteris...*) (LRS). Литовцы с трудом принимают чужую точку зрения, оставаясь внешне неагрессивными и учтивыми в общении. Выслушав чужие аргументы, литовец, не оправдываясь и не конфликтуя с собеседником, поступит по-своему, исходя из собственных потребностей и в соответствии со своими представлениями о тактической целесообразности.

Особенно неприемлемо для литовцев коммуникативное давление, вполне возможное у русских. «Носители русской коммуникативной культуры прибегают к вербальному и невербальному давлению на собеседника в различных сферах общения, причем даже такие компоненты ситуации, как более высокий или равный социальный статус собеседника или то, что участники общения практически незнакомы, не ограничивает коммуникантов в выборе вербальных средств воздействия» (Шилихина 2000).

Изменение собственной позиции под чужим давлением, так же как и вступление в конфликт, рассматриваются литовцами как риск, которого лучше избежать. В этом отношении литовцы сходны с эстонцами и латышами. По утверждению Д.Фостера, нелюбовь к риску свойственна всем балтам (Foster 2004, с. 207).

В общении литовцы ценят взаимную приветливость, стремятся к формированию и поддержанию «светлого коммуникативного пространства», обеспечивающего психологически комфортную проксемику и не предполагающего не только грубости в отношении друг друга, но даже и непочтительности или фамильярности между участниками общения. Иными словами, литовцы стараются вести себя так, чтобы никого не обидеть (*...kad tik nieko nejžeistume...*) (LL).

Обычно литовцы избегают прямого, непосредственного выражения собеседнику своих претензий, недовольства, осуждения, однако считают своим долгом и правом высказывать критику в отношении третьих лиц, не соответствующих, по их мнению, общественным представлениям о порядочности или о каких-либо других положительных качествах человека.

Согласно исследованиям, в русском коммуникативном поведении также принято «вмешиваться, помогать, совершенствовать деятельность и поведение остальных членов общества <...> Считается, что надо делать

² Цитаты из работ, связанных с описанием литовского характера и коммуникативного поведения литовцев, даются в моем переводе. Я также сочла целесообразным привести в скобках фрагменты оригинальных текстов.

замечания нарушителям общественных норм, обществененного порядка – причем и людям незнакомым <...> Русский человек может открыто, в лицо предъявить претензии как знакомому, так и незнакомому ему человеку, может потребовать соблюдения определенных норм и правил...» (Стернин 2004, с.15). Таким образом, русское коммуникативное поведение отличается прямой регулятивностью, в то время как в литовской коммуникативной культуре актуальные для литовцев представления о соблюдении приличий способствуют поведенческой самооценке и поощряют непрямую, чаще всего *post factum*, косвенную коррекцию поведения других.

В межличностном общении литовцы предпочитают говорить о проблемах на работе, о здоровье, отдыхе, детях, но все это как бы в общих чертах, без особых подробностей. Они не проявляют заметного любопытства, ненастойчивы в расспросах и от собеседника не ожидают чрезмерной, с их точки зрения, откровенности.

В отличие от литовцев, русские любят душевные разговоры, во время которых можно излить душу собеседнику, и обижаются, не встречая ответной откровенности. Если разговор по душам не складывается, русские могут оценить ситуацию как коммуникативную неудачу (см. Стернин 2004, с.17-18).

Для литовцев коммуникативной неудачей станет попытка собеседника навязать им избыточную искренность. Примером подобной ситуации может служить признание магистрантки Вильнюсского университета, шокированной вопросом родственницы, которая, придя в гости после большого перерыва, спросила у девушки: «Ну как, ты замуж еще не вышла?» (*Na kaip, dar neištekėjai?*).

Утверждать, что литовцы избегают сугубо личных, интимных тем, было не совсем правильно - скорее, они их органично «оглашают».

В то же время литовцы очень гостеприимны, любят принимать и угощать гостей, охотно общаются с друзьями – но не столько в большой компании, сколько с каждым в отдельности.

В литовской коммуникативной культуре понятие «дружба» занимает особое место. Именно с друзьями литовцы позволяют себе быть во многом откровенными. Специалисты называют литовцев персоналистами, жаждущими связи не со всеми, а с конкретными, близкими им людьми. «Для литовцев дружба имеет оттенок интимности <...> Не человечество, а та или иная личность находит путь к сердцу литовца. Литовец не может любить безликое человечество, для выражения любви ему необходим конкретный человек. Это явно видно в том, как литовцы участвуют в благотворительной деятельности. Анонимная щедрость не так популярна среди литовцев, как в других странах, например, в Германии и Соединенных Штатах. Литовская филантропия помогает не человечеству или народу, а конкретному человеку. <...> Как гуманист, ценящий дружбу и общение, литовец отличается от западного соседа - немца, а как

персоналист он сильно отличается от восточного соседа - русского. Последний любит человечество в целом. Персонаж одного из романов Ф.Достоевского прекрасно формулирует эту русскую черту: «Я так люблю все человечество, что мог бы умереть за него, но мне трудно целый день переносить человека в своей комнате»³.

Литовец, напротив, ищет человека, которому он мог быть открыт свое сердце и который хотел бы в ответ открыть свое. Русский может быть откровенным с целой толпой, а литовец – ни за что. Чувство общности гораздо более характерно для русских, чем для литовцев. <...> Литовское мировоззрение можно было бы назвать персональным гуманизмом» (*Lietuviams draugystės sąvoka turi intymumo atspalvį. <...> Ne žmonija, bet viena ar kita asmenybė atrakina lietuvių širdį. Lietuvis negali mylėti beveidės žmonijos; jam reikia konkretaus žmogaus savo meilei išreikšti. Tai aiškiai matosi iš to, kaip lietuviai dalyvauja socialinėje labdaroje. Anoniminis dosnumas nėra toks populiarus tarp lietuvių, kaip kitose šalyse, pavyzdžiui, Vokietijoje arba Jungtinėje Valstijose. Lietuvių filantropiškumas padeda ne žmonijai ar tautai, bet konkrečiam asmeniui. <...> Kaip humanistas, vertinantis draugystę ir bendravimą, lietuvis skiriasi nuo vakarų kaimyno vokiečio, o kaip personalistas, jis smarkiai skiriasi nuo rytų kaimyno ruso. Pastarasis myli žmoniją bendrai. Vieno F. Dostojevskio romano veikėjas puikiai įvardija šį rusų bruožą: „Taip myliu žmoniją, kad galėčiau už ją mirti, tačiau man sunku ištisą dieną pakęsti žmogų savo kambaryje“. Lietuvis, priešingai, ieško žmogaus, kuriam galėtų atverti širdį ir kuris norėtų jam atverti savąją. Rusas gali būti atviras su visa minia, o lietuvis – nė už ką. Bendruomeniškumas kur kas būdingesnis rusams negu lietuviams. <...> Lietuvių pasaulėžiūrą galima būtų pavadinti personaliniu humanizmu) (Saulytis).*

Описывая взгляд на литовцев со стороны Запада, один из литовских исследователей не без иронии пишет: «Гостеприимные хозяева могут задержать гостя до утра <...> Покажите им, что вы не бесчувственны. Включитесь в их духовные разговоры – это любимое времяпрепровождение (литовцев)» (*Vaišingi šeimininkai gali užlaikyti svečią iki paryčių <...> Parodykite, kad nesate bejausmiai. Įsijunkite į jų dvasingus pokalbius – tai mėgstamas laisvalaikio užsiėmimas) (Grigas 2002b).*

Действительно, литовцы не склонны к пустым, с их точки зрения, развлечениям, возможно, поэтому в литовской культуре не развиты анекдотный и другие юмористические жанры. Тем не менее, литовцы любят импортируемые телевизионные развлекательные программы, шоу, кинокомедии; они охотно принимают и понимают, в частности, русский юмор.

³ В цитируемой статье приводится краткое перифразирование диалога-размышления персонажей романа Ф.М.Достоевского «Братья Карамазовы» о понятии «деятельная любовь».

Общение литовцев так же, как и любого другого народа, безусловно, включает стандартный набор эмоциональных коммуникативных ситуаций. Так могут быть названы ситуации, которые имеют особую значимость для субъекта (или субъектов) общения и в которых личное отношение коммуникантов друг к другу, к теме или ситуации общения имеет более или менее явное внешнее выражение.

Психологи выделяют некоторые качественные характеристики эмоций, среди которых - в данном случае - существенны следующие: знак эмоции (положительный или отрицательный), модальность (удивление, радость, отвращение, негодование, тревога, печаль и др.), внешнее выражение эмоций (эмоциональная экспрессия, проявляющаяся, помимо мимики и пантомимики, в речи человека) (Психология 1990, с. 462).

И русские, и литовцы участвуют в социальных действиях, вызывающих положительные и отрицательные субъективные переживания, проявляющиеся в одинаковом для обоих народов наборе модальностей. Однако внешняя сторона общения - эмоциональная экспрессия - имеет существенные различия в русской и литовской коммуникативных культурах.

Важное несовпадение русской и литовской коммуникативных культур обуславливается уже тем, что их представители располагают неодинаковым по объему и разнообразию ассортиментом собственно языковых средств для выражения эмоций. В обобщенном виде это несоответствие сводится к следующей диспропорции: в литовском языке существует большое количество средств для речевой манифестации положительных эмоций (в сфере словообразования их число превосходит возможности русского языка), однако значительно меньшее по сравнению с русским языком количество средств для вербализации эмоций противоположного знака.

Разнообразные суффиксы уменьшительно-ласкательной семантики вносят в литовскую речь стилистические нюансы нежности, мягкости, оттенки незначительности, - т.е. выполняют эмоционально-оценочную функцию. В литовском языке диминутивы образуются практически от любого существительного, причем для литовского словообразования весьма характерно одновременное использование нескольких уменьшительных суффиксов (Paulauskienė 1994, с. 65-66).

Показательным, например, является семейный и телефонный этикет литовцев. Вплоть до взрослого возраста дети обращаются к матери «мамочка» (*mamyte*). Если по телефону вместо женщины-адресата отвечает ее сын или дочь, литовцы также часто просят «позвать (букв. 'пригласить') мамочку» (*pakviesti mamytę*). Вообще наиболее продуктивны уменьшительные образования от имен существительных женского рода. Так, различные специальные учебные заведения (по изучению иностранных языков, танцам, рисованию, пению и под.) для детей младшего возраста в Литве называют букв. «школочки» (*mokyklėlės*), а

занятия в них – букв. «урочки» (*patokėlės*); небольшие пекарни – букв. «пекаренка» (*kepyklėlė*); очень частотное название лиц женского пола по национальности с помощью диминутива: букв. «литовочка, полечка» (*lietuvaite, lenkaite*) и под. И количество таких образований в современном литовском языке имеет тенденцию к увеличению (Бразаускаене 2000, с. 24).

Специалисты обращают внимание и на то, что обилие диминутивов в литовской поэзии делает ее труднопереводимой, например, на «бездиминутивный» английский язык (Saulytis).

В то же время ограниченный ассортимент национальных языковых средств, способных маркировать отрицательные эмоции, оказывается недостаточным для удовлетворения коммуникативных нужд литовцев, что зачастую вызывает необходимость обращения к богатому в этом отношении русскому материалу. Активное присутствие русского сленга также восполняет лексические и концептуальные лакуны в речи литовцев, ощущающих недостаток социально-дифференцирующих и экспрессивных красок родного языка (об этом: Zavjalova 2002).

Долгое время ни общенная лексика, ни жаргонизмы не были объектом внимания литовских языковедов, но в последние годы специалисты перестали игнорировать наличие в реальном общении периферийной лексики, вследствие чего появились работы, анализирующие влияние иноязычной, в том числе русской, речевой стихии на коммуникативное поведение литовцев, особенно молодежи.

Русские вкрапления являются неотъемлемой частью местного сленга школьников и студентов, даже не владеющих русским языком. Основным источником подобной лексики для молодежи Литвы являются ретранслируемые литовскими телеканалами российские телепередачи и фильмы.

«В последнее время, когда в обществе значительно усилилась роль социальных наук, все более явной становится необходимость описания и исследования литовского жаргона, в первую очередь как социального явления, но и как языкового феномена» (Zaikauskas 2005). Языковеды заговорили о «законном» месте жаргонной лексики в структуре коммуникативного сознания литовского общества: «Жаргон не регулируется писаными правилами: решениями комиссии по языку, практическими рекомендациями по культуре речи, словарями и др. Однако неверно думать, что эта разновидность языка не обладает своими нормами. Существует внутренняя – потребительская – норма, регламентирующая не место конкретных языковых единиц в системе, а скорее - возможность употребления жаргона/нежаргона в определенных обстоятельствах, в определенном окружении. Например, ненормально, когда восьмиклассник вильнюсской школы на вечеринке («тусовке») говорит с приятелями («чуваками, кентами, корешами, дружбанами») на правильном литературном языке или каком-либо говоре, ну, разве что «по приколу», «с понтом», т. е. шутя» (...*Pavyzdžiui, nenormalu yra Vilniaus mokyklos aštuntos*

klasės mokiniui vakarėlyje („tūsovkėj“) šnekėti su draugužiais („čiuvakais, kentais, korišais, družbanais“) taisyklinga bendrine kalba arba tarmiškai, na, nebent „ant prikolo“, „ant ponto“, t. y. pokštaujant) (там же).

Профессиональные переводчики также вынуждены признать, что «бедность» литовского языка в плане жаргонизмов и особенно бранных слов заставляет их даже при переводе англоязычной литературы обращаться к русской лексике, хорошо известной литовцам (об этом: Kazijevaitė, Mikutytė 2004).

Одной из литовских газет была инициирована акция под названием «Хватит ругаться по-русски! Литовцы, давайте ругаться по-литовски!» (*Gana keiktis rusiškai! Lietuviai, keikimės lietuviškai!*); там же был приведен небольшой список исконной бранной лексики (L.T.). Однако собственный материал кажется литовцам «неконкурентоспособным» по сравнению с русским. Популярность русских ругательств в Литве обсуждается и на телевидении. «Этот русский язык - он такой выразительный! <...> Русские более выразительны, чем литовцы. <...> Литовцы, видимо, довольно нежноговорящий народ» (*Ta rusų kalba – jinai tokia išraiškina! <...> Rusai išraškingesni, negu lietuviai. <...> Lietuviai, matyt, gana švelniakalbė tauta*) (BTV), - говорили участники одной из телепередач, посвященной живучести русской бранной лексики в литовском обществе.

Таким образом, сами литовцы считают свой язык не предназначенным для манифестации негативных эмоций, направленных на другого, поскольку эти эмоции осуждаются литовской коммуникативной культурой. В то же время, по мнению психологов, брань представляет собой вербальную разрядку и вполне безопасный способ снятия агрессии, переполняющей человека (*...tai saugus kelias agresijai išlieti...*) (BTV).

Для русской коммуникативной культуры характерна открытая вербальная «эмоционально-экспрессивная реакция на неожиданные и неприятные события, слова, действия и т.п.» (Мокиенко 1994), и языковеды дают филологическое истолкование этого феномена. Так, анализируя проблему оязыковления человеческих эмоций, один из российских лингвистов остроумно замечает: «...тот дикарь, который первый при выражении своей оценки-эмоции возмущения вместо удара булыжником употребил бранное слово-инвективу, положил начало цивилизации, а заодно и инвективизации языковой личности» (Шаховский 1998, с. 62).

Умеренная, по сравнению с русской, эмоциональность литовцев, - это эмоциональность, чаще всего ограниченная представлениями о приличиях, о стандартах поведения в обществе. Переходя эти границы, литовцы испытывают стыд, неловкость, либо, будучи не в состоянии совладать с собой, все-таки проявляют «литовские эмоции - ярость, исступление» (*...lietuviškos emocijos – įtūžis, įniršis...*) (BTV).

В отличие от русской, литовская коммуникативная культура не поощряет открытых словесных столкновений, что обуславливается и

такими чертами национального характера, как нелюбовь к конфликтам, склонность к компромиссам, предпочтение худого мира доброй ссоре.

В ситуациях спора, принципиального несогласия с собеседником, литовцы, если оценивать их «изнутри» русской коммуникативной культуры, могут показаться конформистами, избегающими явного вербального противостояния. Во многом такое впечатление складывается из-за собственно языкового оформления несогласия.

Русские прямо указывают на моменты, вызывающие у них иную, чем у оппонента, оценку, отвергая контраргументы, а зачастую и высмеивая позицию собеседника. «В русской коммуникативной практике можно открыто, публично высказать свое несогласие с собеседником: «Я против!», «Я не согласен», «Я с вами никогда не соглашусь!» и под., что невозможно в большинстве западных культур (Стернин 2004, с. 18). В репликах с обеих сторон преобладает изъявительное или повелительное наклонение («Да ты/Вы просто не знаешь/-ете!», «Ты/Вы не прав/-ы», «Давайте посмотрим правде в глаза!»). Грамматической осью спора между литовцами является конъюнктив, «инкрустированный» вводными словами с модальностью неуверенности, напр.: «Я думал бы / я полагал бы, что нужно сначала, может быть, всестороннее проанализировать эту проблему» (*Manyčiau / galvočiau, kad reikėtų iš pradžių, gal būt, visapusiškai išnagrinėti tą problemą*). В споре литовцы гораздо чаще, чем русские, начинают фразы с формул типа «я бы сказал» (*sakyčiau*), «я был бы склонен думать» (*bučiau linkęs manyti*), «я не был бы так уверен» (*nebučiau tiek įsitikinęs*) и т. п.

Между тем, в коллективном споре или словесном конфликте национальные этикетные и риторические нормы часто нарушаются: выступая вместе с единомышленниками и ощущая их поддержку, литовцы ведут себя весьма активно. Например, наблюдения показывают, что в литовских телевизионных дискуссиях гораздо чаще, чем в русских, возникают ситуации, которые можно назвать «перекриком»⁴: это ситуации одновременного говорения на повышенных тонах, когда участники спора не слушают друг друга и ведущего. Оппоненты-литовцы часто не обращают внимания даже на гендерный показатель ведущего, что кардинально отличает их от русских коммуникантов. Обычно, если ведущей передачи является женщина, русские участники программ ведут себя в большем соответствии с этикетными нормами общения.

Тем не менее, демонстрация внутреннего состояния, каким бы оно ни было, не поощряется литовской ментальностью. «Эмоциональность, может, и украшала бы наш национальный характер, если бы ее уравнивали рациональные, хорошо интегрированные и

⁴ Это обозначение впервые использовано в бакалаврской работе О.Барановской, написанной под моим руководством и защищенной в Вильнюсском университете в 2005 г.

целенаправленные действия. Если бы эмоциональность литовца не проявлялась как всплески радости индивидуалиста, отмежевывавшегося от коллективного дела, или как другая крайность – причитания пессимиста...» (*Emocionalumas gal ir puoštų mūsų nacionalinį charakterį, jeigu jį atsvertų racionalūs ir gerai integruoti bei kryptingai organizuojami veiksmai. Jeigu lietuvio emocionalumas nepasireikštų nuo kolektyvinio veiksmo atsiribojančio individualisto džiugesio pliūpsniais arba kitu kraštutiniu – pesimisto aimana...*) (Grigas 2002b).

В целом соотношение эмоциональности и сдержанности позволяет вычленить некоторые разнонаправленные параметры русского (ср. Стернин 2004, с. 24-25) и литовского коммуникативного поведения:

стремление к эмоциональной оценке у русских высокое, у литовцев – среднее или низкое;

необходимость демонстрации положительных эмоций в общении у русских отсутствует, у литовцев приветствуется;

деловая улыбчивость у литовцев все больше укореняется и распространена шире, чем у русских;

невысокая табуированность тем и неэвфемистичность, характерные для русского общения, малопривлекательны для литовцев, для которых очень важна степень близости коммуникантов и ситуация общения.

«Русский человек, как правило, легко вступает в общение, очень легко знакомится. Вступив в общение, русские люди стараются быстрее преодолеть формальную процедуру знакомства и перейти к эмоциональному, искреннему общению» (там же, с. 10). Литовцы также довольно легко вступают в общение, но это общение этикетно-поверхностное, не ориентированное на развитие его эмоциональной фазы. Кроме того, эмоциональное общение для литовцев совершенно не синоним общения искреннего. Искренность в литовской коммуникативной культуре напрямую не ассоциируется с эмоциональностью и чаще сопровождается сдержанностью.

В социологических опросах литовцы, проявляя самокритичность, в качестве темных сторон национального характера называют завистливость (*pavydas*), жадность (*godumas*) и установку на материальные ценности (*materializmas*). Собственные осторожность (*atsargumas*), хитрость (*gudrumas*), амбициозность (*ambicingumas*) литовцы не квалифицируют как отрицательные черты, а к светлым сторонам национального характера относят приветливость (*svetingumas*), оптимизм (*optimizmas*), уверенность в себе (*pasitikėjimas savimi*), постоянство (*pastovumas*). Литовцы также считают себя веселыми (*linksmumas*), открытыми (*atvirumas*), деловыми (*verslumas*) (VVNP).

Наиболее неприятной характерной для них эмоцией сами литовцы считают зависть. «Диагноз – литовец: зависть» (*Diagnozė – lietuvis: pavydas*) ® – так был назван радиоанализ понятия «литовскость» (*lietuvybė*). Обратим внимание на то, что эта эмоция – по сути «немая»,

сопровождающаяся аффективными переживаниями и не предполагающая обязательной вербальной дискредитации объекта зависти. В этом случае еще раз проявляется установка литовской коммуникативной культуры на соблюдение определенной дистанции между коммуникантами.

В рассуждениях литовцев об идеальном национальном характере ключевыми являются понятия «нравственность», «мораль» (*dorovė, moralė*). В официальном и обыденном общении это должно проявляться в соблюдении определенных, одобряемых обществом, норм и приличий.

Для литовцев важно, чтобы те, с кем им приходится общаться, вели себя, «как положено», однако едва ли не более существенно для них самих не выходить за рамки приличий и научить этому своих детей. Например, литовка, с десятилетнего возраста живущая в Америке, куда эмигрировала ее семья, рассказывает в радиоинтервью, что с детства слышала от родителей разные варианты одного и того же наставления: «Ты литовка, поэтому должна вести себя примерно... Ты должна быть образцовой... Твое поведение должно быть образцовым» (*Tu esi lietuvaitė, tad turi elgtis pavyzdinčiai... Tu turi būti pavyzdinga... Tavo elgesis turi būti pavyzdingas*)[®]. Литовцы придают большое значение мнению о них окружающих. Забота об этом в большой степени детерминирует внесемейное общение и поведение литовцев (семейное, по-видимому, тоже, но это требует отдельного изучения) и серьезно ограничивает их эмоциональные проявления.

«По-настоящему культурный человек всюду и всегда ведет себя сдержанно, общается со всеми вежливо. Старается никому не надоедать, никого не обижать» (*Tikrai kultūringas žmogus visur ir visada laikosi santūriai, bendrauja su visais mandagiai. Stengiasi niekam neįkyrėti, kitų neužgaulioti*), - пишет на своем интернет-сайте учитель одной из литовских гимназий (Urbanavičius).

Всегда вести себя примерно - это и значит, по мнению литовцев, быть образцовым литовцем: нравственным, порядочным, доброжелательным человеком, соблюдающим этикетные нормы, не вызывающим претензий у окружающих.

По мнению социальных психологов, размышляющих о феномене национального характера, «хотя каждая этническая группа, рассматриваемая как целое, представляется уникальной, любая из ее типичных черт присуща не только ей одной, но характеризует также, в большей или меньшей степени, другие народы <...> ни одна из этих черт, взятая в отдельности, не является и не может быть уникальной <...> Уникальна структура характерологических особенностей нации. Но все элементы, входящие в эту структуру, являются общими» (Кон 2003).

Говоря об отражении национального характера в литовской коммуникативной культуре, мы имели в виду не некие уникальные, не обнаруживаемые у других народов проявления, а лишь степень их

значимости в общении литовцев между собой или с представителями других народов.

Бразаускене 2000 - *Бразаускене Е.* Грамматические особенности русского языка в Литве // Русский язык сегодня. Москва. С. 19-25.

Grigas 2002a - *Grigas R.* Šiolaikinio lietuvių nacionalinio būdo bruožai // Filosofija. Sociologija, №4; <http://images.katalogas.lt/maleidykla/fil24/F-09.pdf>.

Grigas 2002b - *Grigas R.* Šiuolaikinio lietuvių nacionalinio būdo bruožai: nerimą keliančios trajektorijos (Sociosofinė kritinė apžvalga) / XXI amžiaus horizontai №40; http://www.xxiamzius.lt/archyvas/priedai/horizontai/2002_40_40/03.html.

Zaikauskas 2005 - *Zaikauskas E.* Bausti negalima pasigailėti // Spectrum, №1; <http://www.flf.vu.lt/lkk/Apie%20zargona.htm>.

Zavjalova 2002 - *Zavjalova M.* Skoliniai iš rusų kalbos dabartiniame lietuvių žargone: jų semantinių „aura“ ir likimas // Liaudies kultūra. №2, p. 24–31.

Kazijevaitė, Mikutytė 2004 - *Kazijevaitė M., Mikutytė J.* Diena, kai inteligentams buvo oficialiai leista keiktis // Literatūra ir menas, 2004 №2996; <http://www.livs.lt/?item=58&lang=lt>.

Кон 2003 - *Кон И.С.* Национальный характер – миф или реальность? // Этническая психология. Санкт-Петербург. С. 139-144.

Лурье 2002 - *Лурье С.* В поисках русского национального характера // Отечественные записки №3; <http://www.strana-oz.ru/?numid=4&article=204>.

Мокиенко 1994 – *Мокиенко Б.М.* Русская бранная лексика: цензурное и нецензурное // Русистика, № ½, Берлин. С. 50-73; <http://www.philology.ru/linguistics2/mokiyenko-94.htm>.

Paulauskienė 1994 - *Paulauskienė A.* Lietuvių kalbos morfologija. Vilnius.

Петрова 2003 - *Петрова А.С.* Феномен общения с точки зрения этнопсихологии (к постановке проблемы) // Этническая психология. Санкт-Петербург. С. 223-228.

Прохоров, Стернин 2000 - *Прохоров Ю.Е., Стернин И.А.* Русское коммуникативное поведение. Москва.

Психология 1990 – Психология. Словарь / Под общей ред. А.В.Петровского, М.Г.Ярошевского. 2-е изд. Москва.

Saulytis - *Saulytis G.* Maža, bet plačios širdies tauta: refleksijos apie lietuvių tautinį charakterį // <http://search.delfi.lt/cache.php?id=152C051034AF14EE&m=txt>

Стернин 2004 - *Стернин И.А.* Основные особенности русской коммуникативной культуры // Коммуникативное поведение. Вып. 19. Коммуникативное поведение славянских народов. Воронеж. С. 10-25.

Шаховский 1998 - *Шаховский В.И.* Языковая личность в эмоциональной коммуникативной ситуации // Филологические науки, №2, С. 59-65.

Шилихина 2000 - *Шилихина К.М.* Коммуникативное давление в русском общении // Теоретическая и прикладная лингвистика. Выпуск 2. Язык и социальная среда. Воронеж. С. 103-108;
<http://tpl1999.narod.ru/WebTPL2000/ShilikhinaTPL2000.htm>.

Urbanavičius - *Urbanavičius A.* Karoliniškių gimnazijos mokytojo Algimanto Urbanavičiaus svetainė // http://ualgiman.dtiltas.lt/geras_zodis_ir_savitvarda.html

Foster 2004 - *Foster D.* Europos šalių etiketas. Vilnius.

L.T. – Laikraštis tau, 05.09.2006.

R – программы литовского радио 2006 г.

BTV – телеканал BTV, “Šeštadienio rytas”, 04.11.2006.

ŠLTD – Šiuolaikinė lietuvių taikomoji dailė;
http://ldmuziejus.mch.mii.lt/Naujausiosparodos/LTDdaile_Klaipedoje.htm

LRS - Lietuvos Respublikos Seimo puslapis;
http://www.lrs.lt/pls/inter/dba_intra.w5_show?p_r=4411&p_d=11272&p_k=1

LL - Lietuvių laimėjimai;
<http://www.veidas.lt/lt/leidinys.full/4541b689c17e9?veidas=58a9ee0d993c7b1>

VVNP - Virtualios visuomenės naujienų portalas;
<http://www.vtv.lt/content/view/5909/173/>

Lietuvių tautiniai bruožai. Pokalbių forumas pasaulio lietuviams;
<http://savokampas.nuxit.net/viewtopic.php?t=624&sid=5a9033839e07a1b322e8d40388ce17e8>.

Й.Паужа

Особенности русского и литовского коммуникативного поведения в ситуациях проявления речевого этикета

В последние годы происходит смена лингводидактических ориентаций в новой парадигме методики как науки: усиливается интерес не только (и не столько) к языку, сколько к стоящей за ним культуре, национальной коммуникативной культуре, культурной среде и культурным стереотипам данного общества (Леонтьев 2004, с.16; Митрофанова 2004, с.24; Стернин, 2004, с.33).

Естественно, это имело место и раньше (ср. термины *страноведение*, *лингвострановедение*). Но культурологический, лингвокультурологический подход требует большего внимания к соотношению родной и изучаемой культуры и, в частности, к коммуникативному поведению как отражению действительности в языковом сознании человека. Отсюда вытекают требования к формированию у учащихся *социокультурной компетенции* и соответствующей ей *коммуникативно-речевой компетенции*. Внимание к вопросам межкультурной, международной коммуникации особенно важно сейчас «когда смешение народов, языков, культур достигло невиданного размаха и когда остро встала проблема воспитания терпимости к чужим культурам, пробуждения интереса и уважения к ним, преодоления в себе чувства раздражения от избыточности, недостаточности или просто непохожести других культур» (Тер-Минасова 2000, с.9).

Понятие *культура* в лингводидактическом понимании включает информацию об обычаях и культурных традициях, о культурных стереотипах в ситуациях адаптации к данному обществу, информацию о нормах поведения и речевого этикета и т.д. Термин *коммуникативное поведение* понимается как совокупность норм и традиций общения народа (Стернин 2004, с.32).

В данной статье нами анализируются вопросы моделей речевого поведения в рамках речевого этикета, понимаемого как особая система устойчивых традиционных формул вербального общения. При отборе материала в статье использован многолетний опыт обучения литовскому языку как государственному в разноязычной аудитории носителей славянских языков и лиц, владеющих русским языком.

По числу изучающих литовский язык как государственный можно отметить такую количественную градацию учащихся и курсантов: русские, украинцы, репрессированные и реабилитированные литовцы, родившиеся в ссылке в смешанных семьях, лица, владеющие русским языком и проживающие некоторое время в Литве (поляки, украинцы, белорусы, латыши, евреи, армяне, молдоване и др.).

Общее количество лиц, подготовленных нами к экзамену для получения категорий по государственному языку – свыше 500. Вся эта разнонациональная аудитория владела русским языком и, в большей или меньшей степени, одним из западных языков, в большинстве случаев – английским или немецким. Эти данные мы приводим как лингвистические предпосылки излагаемого нами материала. Опираясь на описание особенностей изучаемых языков и варьируя разные переменные (напр., способы изложения материала, типы упражнений) мы пытались проследить, как переход на обычаи литовской среды помогает овладеть особенностями культурно-речевых стереотипов литовского языка.

В силу близости культур соседних народов речевой этикет во многих случаях различается не столько по содержанию, сколько по форме.

Довольно часто высказываются те же мысли, употребляются адекватные и близкие (но не эквивалентные) по своему значению слова, однако они употребляются в другом порядке или в других словоформах. Существенно то, что лишь тогда, когда мы придерживаемся национальных требований выражения этикета и по содержанию и по форме, мы этим выражаем уважение к иноязычному собеседнику и его родному языку, что выражается в положительной реакции собеседника. Умение воспользоваться вербальными и невербальными моделями (правилами) поведения в определенных ситуациях является основой взаимопонимания, эффективной межкультурной коммуникации.

В лингводидактическом аспекте при анализе национального коммуникативного поведения важно учесть общеизвестную теорию переноса (Gage, Berliner 1994, с. 246 – 250). Т.В.Елизарова в труде по культурологической лингвистике акцентирует следующее: «Поскольку влияние родного языка и репрезентированных в нем культурных ценностей на человека настолько велико, что мы не осознаем условностей, согласно которым мы говорим и ведем себя, как мы не осознаем воздуха, которым дышим, перенос «родных» культурных представлений на общие на иностранном языке неизбежен» (Елизарова 2002, с.117).

В процессе культурологического направления освоения языка внимания требует реализация русских и литовских моделей речевого поведения в учебных и реальных ситуациях общения, напр., в случаях приветствия, привлечения внимания, обращения к знакомому или незнакомому, в ситуациях извинения, высказывания просьбы, пожелания, благодарности, одобрения, комплимента, прощания и др.

В программах и учебных пособиях эти задания формулируются как *обучение выражению коммуникативных интенций* на изучаемом языке (Valstybinės kalbos mokymo programa 1997; Ramonienė, Vilkienė 1998) и реализуются в виде разнообразных заданий – в текстах для чтения, в картинках по ситуативному говорению, в учебных текстах типа монолога, диалога, спора и т.п. Предоставить эти задания в данной статье не представляется возможным в связи с ограниченностью ее объема. Поэтому мы остановимся на лингводидактическом анализе учебного материала в сопоставительном плане изучения языков, обращая внимание на особенности коммуникативного поведения в зависимости от норм и традиций общения народов.

В целях избежать повторения описания лингводидактических приёмов, подчеркнем, что на занятиях изучаемый здесь материал реализуется моделированием коммуникативных ситуаций с помощью представленных в учебных пособиях заданий и, как правило, закрепляется в постоянно возникающих реальных ситуациях общения. В школьной практике эта область изучения родного и иностранного языков понимается как изучение слов вежливости и формирования соответствующих речевых компетенций.

Приступая к описанию особенностей литовского коммуникативного поведения, мы не упускаем из виду «дилемму этнолога», т.е. положение, что описать культуру объективно невозможно, так как описывающий всегда оценивает другую культуру с точки зрения своих знаний и привычек. Поэтому в принципиальных положениях мы опираемся на оценку литовского этикета и коммуникативного поведения представителями других культур. На наш взгляд, такой подход может объяснить, почему представители разных культур (в данном случае русской и литовской; литовской по сравнению с другими балтийскими и соседними странами), являясь такими близкими и похожими, могут быть столь разными в коммуникативном поведении.

Например, американец Деан Фостер, описывая балтийские культуры (Эстонию, Латвию и Литву) подчеркивает разницу этих относительно маленьких, но столь разных этносов: «Вероятно, под воздействием католического влияния литовцы среди балтов считаются самыми откровенными и разговорчивыми - они могут высказать своё хорошее или плохое мнение о чём-либо, являются более прямолинейными, тёплыми и эмоциональными». И рядом он отмечает: «Эстонская культура в основном обозначена морем. Их язык принадлежит к угро-финской группе и для латышей или литовцев является совсем чужим. Эстонцы славятся как спокойные, интроспектные, сдержанные, довольно угрюмые, стремящиеся к согласию – их установки близки к родственным им финнам по другой стороне моря» (Деан Фостер 2004, с.208 – 209).

Приступая к анализу примеров коммуникативного поведения литовцев и славян, мы учитываем длительные связи Литвы с Польшей (156 лет Объединённого Польско-Литовского государства – Речи Посполитой) и то обстоятельство, что в некоторых районах Литвы, в особенности в Вильнюсском краю, в разном количественном соотношении проживают русские, поляки, белорусы (Михальченко 1984, с.51), а в северных районах Литвы – латыши; в приграничных местностях Латвии проживет немало литовцев. По словам Деана Фостера, во всех балтийских государствах проживает немалое количество балтов соседних национальностей (Деан Фостер 2004, с.206). Такой этнический состав поселения является той макроструктурой, которая определяет отбор материала для его анализа в данной статье.

Самому типичному выражению приветствия *Здравствуй! Здравствуйте!* В литовском языке соответствует *Sveikas (-a)! Sveiki!* В обоих языках эта единица речевого этикета этимологически обозначает пожелание здоровья.

Эквивалентным этому выражению приветствия в русском языке является *Доброе утро! Добрый день! Добрый вечер!* Перечисленные русские приветствия содержат слово *добрый* в устаревшем, фразеологически связанном значении *хороший* (Формановская 1982, с.63). Русским словам *хороший, добрый* в литовском языке соответствуют две

лексические единицы – *geras, labas* (Lemchenas, Macaitis 2000, с.158, 876). Однако слово *добрый* не может быть передано литовским словом *geras*, а передается словом *labas*.

В литовских приветствиях *Labas rytas! Laba diena! Labas vakaras!* имеется старый балтийский корень **lab-**, общий в литовском и латышском языках, который в современном литовском языке употребляется обычно только в формах приветствия или прощания (*Viso labo!*) Поэтому уже общепринятому теперь переводному *Viso gero! (Всего хорошего! Всего доброго!)* следует предпочитать сочетания с корнем **lab-**: *Viso labo!* (Kučinskaitė 1990, с.23).

В литовском языке приветствие может быть выражено и одним словом *Labas!*, но такое выражение имеет оттенок фамильярности. В ситуациях официального приветствия *Labas rytas! (diena! vakaras!)* ответом может быть повторение слова *Labas, labas!* Такая ответная форма приветствия употребляется в функции снятия официальности, установления дружеских или даже фамильярных отношений.

В русском и литовском языках, как и во многих европейских языках, в поздравлении, выявляются: 1) пожелания, связанные с временем суток (доброе утро – *labas rytas*, добрый день – *labas diena* и т.п.) и 2) фразы, связанные с пожеланием здоровья. В статье мы рассмотрим только расхождения коммуникативного поведения в русском и литовском языках в сопоставительном плане.

Прилагательные *sveikas, sveika, sveiki, sveikos* и *labas* в формулах приветствия отличаются разной степенью десемантизации: в слове *labas* уже потеряна функция номинации, оно – только знак этикета и, видимо, является только междометием. Слово *sveikas(-a)* в приветствии еще сохранило значение и грамматическую форму прилагательного (*sveikas* – *здоровый*) и функцию номинации, но его значение также меняется и оно превращается в знак начала общения. Это проявляется и в народных формах приветствия *Sveikas gyvas! Sveika gyva! (Жив здоров! Жива здорова!)*, где эти слова – только знак приветствия, хотя в них еще сохранилась форма прилагательного.

Изучив в сопоставительном плане формулы приветствия в русском и литовском языках, можно заметить, что в русском языке значительно шире, выражена эмоциональная сторона в контактоустанавливающей функции речевого этикета.

Например:

1) русскому *Привет!* стилистически сниженному, свойственному непринужденному общению хорошо знакомых людей, в литовском языке соответствует стилистически немаркированное, нейтральное в любой ситуации общения *Sveiki! (Здравствуйте!)*;

2) русскому *здорово!*, стилистически сниженному, грубовато-просторечному, значительно реже используемому женщинами, чем мужчинами (Формановская 1982, с.64) и обладающим определенным не

женственным обликом, в литовском языке также соответствует только нейтральное во всех отношениях *Sveikas! Sveiki! (Здравствуйте!)* (Lemchenas, Macaitis 2000, с.224). Этому своеобразному символу грубоватой мужественности (*здорово!*) в литовском языке нет вполне адекватного соответствия;

3) приветствия сопровождаются определенными жестами, которые могут служить и невербальными знаками приветствия, замещая соответствующие формулы; они также отличаются по степени эмоциональности русских и литовцев. Интенсивность рукопожатия, тем более встряхивание сомкнутых рук, жесты объятий более свойственны русским, при этом только русские мужчины похлопывают друг друга по плечам (так, например, приветствуют друг друга встретившиеся фронтовые друзья) (Формановская 1982, с.70 – 80).

В формулах приветствия, даже в формально совпадающих формулах этикета, проявляются особенности народного менталитета. Например, литовцы, встречая гостя, приветствуют *Sveiki atvykę!* (буквально *Здравствуйте, прибывшие!*). Эта формула выражает радость встречающих хозяев по поводу, что гости прибыли живы и здоровы. Только после этого ритуала литовцы переходят к следующей фазе общения – к выражению гостеприимства и проговаривают: *Prašom užėti (Проходите!), Maloniai kviečiame (Приглашаем!)* и т.п.

В русских и латышских формулах встречи не упоминается об уже прошлом путешествии, а сразу подчеркивается гостеприимство, приглашение погостить *Добро пожаловать!* (лат. *Laipni lūdzam!*). Эти фразы как будто подчеркивают, что для русских и латышей, отличающихся большей эмоциональностью, более важен настоящий момент радости, а пройденное, уже испытанное, не актуализируется (Šeraitienė 2002, с.48).

В русском языке именование по имени-отчеству на *-ович, -евич, -ич, -овна, -ична, -инична* – давняя традиция этикета, окончательно сложившаяся в XIX-XX вв. По этой традиции русские «обязательно навеличивали, не забывали о родительской чести», а «называние одним только именем [...] нехорошо неуважительно считалось» (Еремеев 2001; с.208). Обращение по имени-отчеству является формулой выражения определенной степени уважения к взрослому человеку. Для русского человека (носителя русского языка) это вполне естественно, привычно. Поэтому русский, изучающий литовский язык, в ситуациях употребления речевого этикета сталкивается с психологическим барьером при отсутствии такого обращения-эквивалента в литовском языке, даже если ему это объяснено, теоретически понятно.

Как говорят сами обучаемые, носители русского языка, в речи на литовском языке они испытывают некоторую неловкость в ситуации обращения к преподавателю, к уважаемому собеседнику в силу возможности употребить только одну формулу обращения – обращение на

«Вы». Учащиеся поляки, не имея в своем языке обращения по имени-отчеству, испытывают подобную трудность в силу отсутствия в литовском языке эквивалента польскому *пан, пани* (польск. *pan, pani*). Важно также учесть случаи, когда формы *pan, pani* в предложениях не являются приложениями и по сути выполняют функцию местоимения, а не существительного, подобно как в литовском языке слово *tamsta* (Tomiczek 1996, с.268 – 269).

Специалисты по этнолингвистике указывают, что речевой этикет прямо связан с культурой народа и принятыми форм общения (Gudavičius 2000, с.115). Высказывается мысль, что обращения–существительные или обращения–местоимения являются отражением своеобразия восприятия мира каждым народом (Skwarska 2000, с.137). Поэтому в целях адаптации к литовскому коммуникативному поведению на занятиях мы используем моделирование коммуникативных ситуаций, например, уместное обращение к учительнице русского языка: *Валентина Петровна!*, но обращение к учительнице литовского языка: *Mokytoja!*

В ситуациях извинения, обращения, привлечения внимания непременно присутствует оттенок значения просьбы. Но формулы выражения этого оттенка этикета в русском и литовском языках имеют свои специфические особенности. В русском языке: *Простите (извините, скажите), пожалуйста, как проехать до вокзала?* В литовском: *Atsiprašau (prašom pasakyti), kaip nuvažiuoti iki geležinkelio stoties?* Само же по себе *пожалуйста* не является синонимом слов *простите, извините* и в функции привлечения внимания в русской речи не используются (Формановская 1982, с.20). Многочисленные ошибки *Pasakykite, prašau; Pakvieskite, prašau; Sėskit, prašau* связаны именно с неверным употреблением форм речевого этикета, вызванным интерференцией. В русском речевом этикете вначале произносится слово, называющее действие, лишь затем – слово вежливости: *Скажите, пожалуйста...* Такое речевое поведение свойственно и некоторым западным языкам – английскому, немецкому, французскому: *Give me a book, please, sagen Sie, bitte; nennen Sie, bitte.*

Видимо, под влиянием других языков в ошибочных формулах *Duokite, prašau... Palaukite, prašau...* слово просьбы (*prašau*) здесь превращено в вводное, а глагол *prašau* является не формой вежливости, а глаголом повелительного наклонения, что вообще чуждо литовскому речевому этикету. Следует отметить, что вставлять *prašau* после глагола становится модно в разнообразных телевизионных шоу, в переводных сериалах и спонтанных, неподготовленных концертах, где ведущим нет дела до традиционного этикета, как и до культуры своего народа вообще.

Литовец просьбу или пожелание начинает словом вежливости *prašom, prašau, prašyčiau*, лишь потом произносит слово, называющее действие. Напр., *Prašom pasakyti, kelinta dabar valanda. Prašyčiau praleisti, aš noriu praeiti.*

Обращаясь с просьбой, литовец произносит: *Prašau parodyti... Prašau pasakyti...* В данном случае моделью литовского речевого этикета являются: слово вежливости + глагол, выражающий действие в неопределенной форме (не в форме повелительного наклонения, так как это звучало бы невежливо, грубо с оттенком приказа) (Kučinskaitė 1990, с.43). С точки зрения литовского коммуникативного поведения, обратный порядок слов и повелительное обращение нарушают общепринятый порядок; это напоминает ситуацию, в которой человек позабыл вежливо обратиться и, лишь спохватившись, вставил слово этикета (Šepaitienė 1990, с.30; пер. авт.).

Для литовцев самым привычным и употребительным является слово просьбы *prašom* (не *prašome*). Это усеченная форма, происходящая от глагола настоящего времени 1-го лица множественного числа – *prašome* (*prašom* < *prašome*). В современном литовском языке форма *prašom* по значению близка к междометию и не выражает множественного числа. Словом *Prašom!* выражается пожелание от имени нескольких лиц, в том числе и от себя. Напр., если кто-то постучал в дверь избы, в которой сидит, допустим, лишь один человек, услышим приглашение *Prašom!* (не *Prašau!* не *Jeikit, prašau* и не *Jeikit!* как это становится модно в городе в наши дни) (Šukys 2003, с.293). Слово речевого этикета *prašom* означает приглашение от имени всех проживающих здесь, ср. с выражением вежливости при обращении на *Вы* к одному человеку.

Обобщающая форма множественного числа *prašom*, по мнению некоторых ученых, отражает склонность литовцев к коллективизму, а индивидуализм проявляется реже и часто оценивается как черта человека, разрушающая общность людей (Kavolis 1993, с.323; Šepaitienė 2002, с. 49).

Prašom уместно употребить и тогда, когда мы подаем, протягиваем собеседнику какую-то вещь: в данной ситуации выражается не воля, приказ, а пожелание (Kučinskaitė 1990, с.39). *Prašau* в литовском языке употребляется также при выражении просьбы с оттенком приказа: *Prašau dėmesio!* (Прошу внимания!). *Prašau* вообще имеет оттенок официальности: *Prašau atsiųsti registruotu laišku* (Прошу прислать заказным письмом).

Как в русском, так и в литовском языках обращение на «Вы» выражает подчеркнутую вежливость или официальные отношения. При дружеских отношениях иногда сохраняется обращение на *Вы* среди людей среднего и старшего поколения, интеллигентов.

В ситуациях обращения к собеседнику, в ситуациях привлечения внимания, при выражении просьбы в некоторых говорах Литвы (жемайтийском и северных) иногда употребляется местоимение гибридного происхождения *tamsta, tamista* (< *tavo mylista*, от польск. *twoja miłość, wasza miłość* – ваша милость). Это слово, появившееся во времена Речь Посполитой (объединенного польско-литовского государства, существовавшего в 1569 – 1725 гг.) было результатом сильного влияния

польского языка (в 1697 г. введенного в государственных учреждениях как государственного) и дворянского этикета. Нетрудно заметить, что обращение *twoja miłość*, напоминающее преувеличенное выражение вежливости, подобно русскому *Ваше превосходительство!* не было широко принято и в литературном литовском языке не является популярным. В особенности неприемлемо употребление *tamsta* в значении приложения к звательному падежу. Чаше обращаются *Mokytoja*, чем *Tamsta mokytoja* (Šukys 2003, с.296).

В современном литовском языке *Tamsta* и *Jūs* (Вы) не являются абсолютными синонимами: местоимение *Tamsta* имеет оттенок бóльшей официальности, сигнализирует более холодные отношения, а местоимением *Jūs* выражаются не столь официальные, но подчеркнута вежливые отношения. Наблюдаются случаи, когда люди, общающиеся на *ты*, поссорившись и подчеркнута прерывая бывшие тёплые отношения, начинают говорить собеседнику *Tamsta* (но не местоимение *Jūs*).

Носителям многих языков, в том числе и русского, трудно научиться обращаться формой звательного падежа – *Jonai! Direktoriau!*, а не формой *Jonas! Direktorius!* (именит.п.). Причина трудности здесь в том, что форма звательного падежа имеется в балтийских языках (литовском, латышском) и только в некоторых славянских, ср. лит. *Broli! Tėve!*, латв. *Brali! Vadītāj!*, польск. *Pani konduktorko!* белорусск. *Družā! Brace!* В других языках формой обращения является именительный падеж. Поэтому в литовском языке официальной формой обращения является *Pone ministre, pōnia Brazauskiene*, а формы именительного падежа *ponas ministre, poniā Brazauskiene*, хотя и не являются непонятными или ошибочными, но считаются грубоватыми, не соответствующими литературной норме литовского языка.

По мнению некоторых ученых, грамматические формы отражают характерные черты коммуникативного поведения народа, его менталитет. В данном случае предполагается, что специальная форма обращения (*Vocātīvus*) сохранилась в языках тех народов, для которых обращение было исключительно важным элементом этикета (Šeraitienė 2002, с.48).

В русском языке, наряду со словом *товарищ*, привычным стало и обращение *гражданин*. Оба они популярны как в официальной, так и в так называемой уличной речи. Нередко на автовокзале, в автобусе можно услышать: «Гражданин Петров, вас просят подойти к кассе; Гражданка, передайте...» В литовском языке такое обращение не принято и слово *pilietis* (гражданин) употребляется обычно только юристами в области права.

В обиходной бытовой сфере, особенно в сфере обслуживания, в том числе торговли, иногда как в русском, так и в литовском языках применяется форма *Девушка! (Mergaitė!)*, *Женщина! (Moteris!)*. Такое обращение стилистически снижено (если это почти безотносительно к возрасту, то не всегда безотносительно к семейному положению). Поэтому

в литовском этикете совершенно не принято обращение *Panele* (*panele pardavėja!*), *Põnia* (*ponia pardavėja!*). Обращение в значении *põnia*, *panele* популярно только в тех районах Литвы, где они употребляются в другой языковой среде. Напр., выпускницы Шяуляйского университета, работающие в Вильнюсском краю, часто упоминают, что к обращению *пани* (польск. *pani*) и к соответствующему литовскому варианту *panele* они относятся как к непривычному и долгое время не могут адаптироваться к такой речевой традиции. Видимо, здесь существенным является значение этих слов-обращений в польском языке (*pan* - пан, господин; *pani* - госпожа, барыня, девушка), где эти слова наряду с «универсальностью» лексического значения имеют еще и дополнительное, специфическое для этого языка значение, эквивалентное «Вы» в обращении (Vaitkevičiūtė, 1964).

Особенностями национального менталитета и национального характера (эмоциональностью, открытостью одних (славян) (Вежбицкая 1999, с. 166 – 167) и сдержанностью других (литовцев) можно объяснить, почему в Вильнюсском краю, где большую часть населения составляют поляки, белорусы и русские, живут «паны» и «пани», «дедушки», «дяденьки», «тётенки», «бабушки», «сынки», «доченьки», а в других районах Литвы – «соседи», «дяди», «тёти», «сыновья», «дочери», «внуки».

Слово *товарищ* не стало словом литовского этикета. Одна из причин – безэквивалентность его значения в литовском языке по сравнению с русским или латышским языком.

В русском языке имеются слова *друг* и *товарищ*, в латышском – *draugs*, *draudzene* и *biedrs*, -*ē* (Latvių-lietuvių kalbų žodynas, 2003), где одно слово выражает дружеские отношения, другое – лишь сигнализирует вежливость.

В литовском языке имеется лишь одно слово *draugas*. Для литовца *draugas* – это человек, с которым его связывают какие-то глубокие душевные, эмоциональные связи, общность взглядов, интересов и т.п. Литовскому языку чуждо принужденно подброшенное ему советское значение этого слова, которое предлагалось в области речевого этикета для официального, уважительного представления лица, занимающего высокий пост (все остальные назывались делегатами, членами и т.п.) или для обозначения незнакомого лица (напр., в газетном тексте). Отсюда – известные литовские каламбуры, напр., “*Šitie draugai mums ne draugai*” (эти товарищи нам не товарищи) или анекдотическое употребление этого слова, напр., рассказ с концовкой: «*Nuo to karto aš buvau tarp jų ne draugas Aškinis, o tikras draugas – lygus tarp lygių*» (После этого случая я стал среди них не товарищем Ашкинисом, а настоящим товарищем – равным среди равных).

Русскому слову благодарности *спасибо* в литовском языке соответствуют два междометия *ačiū*, *dėkui*, которые в современном литературном и разговорном языке считаются абсолютными синонимами

(Kučinskaitė 1990, с. 33). Однако только от одного из них можно образовать глагол благодарения: *dėkui* > *dėkoti* и производные слова *padėka* (благодарность), *dėkingas* (благодарный) и т.п.

Для усиления значения благодарности в литовском языке употребляется повторение наречия *labai* (очень): *labai labai ačiū*, *labai labai dėkui*. В данном случае *labai labai* считаются сращением и не может соединяться союзом *ir* (и).

В русском и литовском языках (как и в других «соседних» языках) по-разному может выражаться благодарность, просьба и другие ситуации речевого этикета. В литовском языке в данных случаях употребляется глагольная конструкция – *nuoširdžiai dėkoju*, *labai prašau* (сердечно благодарю, очень прошу) и т.п. Такая конструкция имеется и в польском языке, однако место наречия в нем «свободно»: оно может стоять и перед глаголом, и после него: *bardzo dziękuje*, *proszę bardzo*.

В русском, латышском, немецком языках благодарность выражается не глагольной конструкцией, а конструкцией существительного, поэтому рядом со словом благодарности ставится прилагательное, а не наречие: *Большое спасибо!* *Sirsnīgs paldies!* *Vielen Dank!* и т.п. Следует обратить внимание, что в русском языке слово *спасибо* (как и в литовском слова *ačiū*, *dėkui*) – междометия, однако со словом *большое* оно согласуется как существительное. Видимо, в данном случае функция выражения этикета перешагнула границы языковой системы.

В литовском языке слова *ačiū*, *dėkui* – междометия, а не имена существительные, поэтому они не сочетаются с именами прилагательными. Русскому выражению *Большое спасибо* в литовском языке соответствует *labai ačiū*, *labai labai ačiū* (не *didelis ačiū*) (Malakauskas 1994, с.63; Šeraitienė 1990, с.32; 2002, с.49).

Подобное можно сказать о выражении формулы этикета встречи: в русском языке они выражаются конструкцией прилагательного (*я очень рад*), а в литовском – глагольной конструкцией (*aš labai džiaugiuosi*).

В области речевого этикета достаточно ярко выступают различия языков, которые принято называть категорией коммуникативной оценки (Серебрякова, 1999; Попова, Стернин 2003, с.30).

Иногда в эмоционально-экспрессивной речи русских можно услышать преувеличенное выражение благодарности, образованное при помощи необщепринятых определений: *огромное спасибо*, *громадное спасибо* или комплимент *замечательный доклад*, обычно снабженное восклицательной интонацией. Русские приветствуют и ценят такое общение, обычно после того, как достигнут некоторый этап во взаимоотношениях (Richmond 1992, с.109). Но такое речевое поведение не свойственно литовскому общению, отличающемуся сдержанностью.

В лингвистике менталитет понимается как совокупность принципов существования суждений и оценок (Попова, Стернин 2003, с.10), как совокупность особенностей характера и психического поведения народа

(Гудавичюс 2000, с.151). С точки зрения национального менталитета и национального характера литовцы, видимо, должны согласиться с мнением, что «эмоциональные комплименты в русском языке более популярны, чем рациональные» (Попова, Стернин 2003, с.33). В литовском языке – наоборот. Литовец вместо «замечательный доклад» скорее всего про себя буркнет «неплохой доклад», а в официальном общении выскажет рациональный комплимент: «хороший доклад», «интересный доклад». На этом фоне, видимо, следует самокритично принять мысль о том, что «такие русские коммуникативные категории как *общение, разговор по душам, выяснение отношений* отсутствуют в коммуникативном сознании других народов (по крайней мере, европейских)» (Попова, Стернин 2003, с.32).

Если эстонцы, говоря о своих привычках общения, применяют понятие «отрицательная вежливость» (Алликметс 2004, с.508), то литовцы, видимо, в данном случае могут о себе сказать «осторожная вежливость» или «сдержанная вежливость».

Сами литовцы в области деловой коммуникации, бизнеса и даже повседневного общения относят себя к представителям более формальных культур и отмечают свою склонность к формальному общению даже в ситуации неофициального общения (Almonaitienė 2001, с.209). Они отмечают свою склонность к обращению по фамилии, титулу, занимаемой должности, званию. Не имея такой специальной формы выражения уважения как русское наименование по имени-отчеству, литовцы формальное обращение считают одним из важнейших способов выражения уважения. Напр., *Daktare Staškau!* (Доктор Сташкус!). При этом степень сдержанности, «маска солидности» формального общения обычно зависит от статуса личности и является более «обязательной» для мужчин, менее – для женщин.

В литовской художественной литературе описаны даже такие ситуации, когда, например, мать, встречая сына, ставшего священником, обращается к нему на «Вы» с упоминанием его титула: *Tai jau sulaukėm kunigėlio, - kalbėjo motina. – Prašom į vidų. Nuvargot per tikią ilgą kelionę.* (Так уже дождались батюшку, - говорила мать. – Пожалуйста, входите. Устали в таком далеком пути) (Mykolaitis-Putinas 1967, с.42). Существенно здесь то, что мать вернувшегося в отпуск Людаса принимает не как любимого сына, а как уважаемого человека в его новом статусе.

В отношении экспрессивности коммуникации литовцы ценят сдержанность, спокойный тон, паузы в речи, умолчание, тщательный подбор слов. Наоборот, резкая жестикуляция, тем более перебивание собеседника (его выступления, сообщения, доклада) какими-то «поправляющими» или «вспомогательными» репликами для литовца являются признаком, что человек (если он не иностранец и не представитель другой культуры) чуточку «тронутый».

Нетрудно заметить, что в русском языке, по сравнению с литовским, более многочисленно представлены слова, направленные на подбадривание собеседника, на создание у него хорошего настроения. Напр., к словам *исключительный, проницательный, маститый, знаменитый, отзывчивый, великолепно, превосходно, превосходный* иногда трудно подобрать в литовском языке лексические эквиваленты, регулярно используемые при переводе, или подобрать контекстуальные соответствия в конкретном акте речи, в ситуативном употреблении. В конкретных ситуациях общения нетрудно заметить, что многие оттенки близких по значению слов русского и литовского языков не совпадают, что нетрудно проследить по обилию вариантов перевода в двуязычном русско-литовском словаре (Lemchenas, Macaitis 2000).

Среди слов прощания в литовском языке следует выделить те традиционные слова, которые являются особенностью речевой традиции литовского этикета. Традиционным словом прощания в литовском языке является слово *sudiev* (с Богом) с вариантами *sudievi* (из-за тесного сращения пишется слитно) или *sudie*. В советское время слово *sudiev* в официальном употреблении было строго запрещено. Это объяснялось упоминанием Бога, пропагандой религии, хотя русские слово *спасибо* (лит. *ašīū*), происходящее от спаси Бог (лит. *gelbėk Dievė!*) употребляли и им, видимо, в голову не приходило отказаться от своего традиционного этикета. Видимо, этимология слова *спасибо* < *спаси Бог* – стерлась в сознании русскоговорящих. В литовском языке взамен *sudiev* было взято переводное *Viso gero! (Всего хорошего! Всего доброго!)*, которое насильно внедрялось в официальную речь. Интересным является факт, что, защищая свою культуру и употребление слова *sudiev*, литовцы опирались на употребление в русском языке слова *спасибо* (Kučinskaitė 1990, с.21).

С точки зрения коммуникативной специфики слова интересным является тот факт, что даже во времена изгнания из школ слова *sudiev* оно употреблялось, напр., на похоронах, и было употреблено в газетном некрологе, посвященном Сталину, так как в данной ситуации замена его переводным *Viso gero! (Всего хорошего! Всего доброго!)* звучало бы странно.

Слова прощания *Viso labo! Viso gero!*, содержащие в себе скрытые пожелания, являются в литовском языке стилистически нейтральными, употребительными. Однако в печати появляются предложения (Šukys 2003, с.295) вернуться к традиционному *sudiev*. Оно употребительно в семейном и общественном общении, в школе, и приемлемо для всех – верующих и неверующих, так как оно – лишь междометие, в котором значение Бога (еще неизвестно какого – христианского или дохристианского) стерто.

Можно заметить, что иногда даже абсолютно адекватное иноязычному выражение этикета отражает особенности менталитета народа. Так, литовское слово *sudiev* считается привычным в любой ситуации общения.

Но латыши соответствующую форму *ar dievu!* обычно употребляют, только провожая покойника, а в других случаях приветствуют и прощаются одним словом – *sveiki!* (*здравствуйте!* в значении *оставайтесь здоровыми! до свидания!*). Эта разница слов прощания чувствуется и в каждодневном общении. Напр., описаны случаи, когда хорошо знающий литовский язык латыш на прощание *sudiev!* ответил: “Хорошо было бы еще и на этом свете встретиться.” (Šeraitienė 2002, с.48).

По подсчетам специалистов в современном обществе среднестатистическая языковая личность отводит на аудирование 45% времени, на говорение – 30%, на чтение – 16% и на письмо 9% (Хватов 2004, с.409). Лингводидактическим выводом из этого явились методы обучения – аудиолингвальный, аудиовизуальный. Нетрудно заметить, что в целях изучения коммуникативного поведения людей разных этносов большое значение играет моделирование коммуникативной ситуации, при котором общение обусловлено паравербальными средствами общения. Например, слушание (восприятие) как вид речевой деятельности обусловлено (облегчено) использованием других, невербальных знаков этикета – мимики, в особенности взгляда, жестикуляции, наблюдаемой слушателю артикуляцией, интонацией отдельных фраз, общим тоном речи и др. При методике тестирования навыки такого типа не выносятся в специальные задания, но контролируются имплицитно в рамках теста по говорению. При этом в рамках речевого этикета проявляются такие черты коммуникативного поведения разных народов, как, напр., общительность, эмоциональность, оценочность русских или сдержанность, “замкнутая вежливость” других, в том числе балтов.

Элементы социокультурной и, в частности, речевой компетенции, в зависимости от интересов учащихся и коммуникативных целей, являются основой формирования межкультурной коммуникации, проблемам которой ныне посвящаются многие исследования, см., напр., материалы международной научной конференции «Русский язык в языковом и культурном пространстве Европы и мира: Человек. Сознание. Коммуникация. Интернет» (Варшава, 2004).

Многолетний опыт обучения литовскому языку в разноязычной аудитории убедил нас в том, что переход на обычаи литовской среды, на реальное ситуативное общение значительно повышает достоверность обстановки, погружает учащихся в особенности культурных стереотипов литовцев. Такой подход может быть социокультурным подспорьем в усвоении речевых стереотипов изучаемого языка. Исследование коммуникативного поведения помогает в разноязычной аудитории представителям разных этносов понять собственную культуру (по принципу контрастивного анализа «со стороны видней»), что важно с точки зрения межкультурной коммуникации и взаимопонимания людей.

Алликметс К.П. Особенности коммуникативного поведения русских и эстонцев в ситуации «гость-хозяин» // Человек, сознание, коммуникация, интернет. Варшава, 2004, с. 506 – 510.

Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. Москва, 1999.

Елизарова Г.В. Культурологическая лингвистика. Санкт-Петербург, 2002.

Еремеев П. Обиход. Цит. по: Балакай А.Г. Словарь русского речевого этикета. Москва, 2001, с. 208.

Леонтьев А.А. Предмет лингводидактики глазами филолога и методиста // Человек, сознание, коммуникация, интернет. Варшава, 2004, с. 13 - 18.

Митрофанова О.Д. О методическом сопряжении родной и изучаемой культуры в практическом курсе русского языка как иностранного // Человек, сознание, коммуникация, интернет. Варшава, 2004, с. 24 - 32.

Михальченко В.Ю. Проблемы функционирования и взаимодействия литовского и русского языков. Вильнюс, 1984.

Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. Воронеж, 2003.

Серебрякова Р.В. Особенности восприятия комплиментов в русском общении // Язык и национальное сознание. Вып. 2. Воронеж, 1999.

Стернин И.А. Основные особенности русской коммуникативной культуры // Человек, сознание, коммуникация, интернет. Варшава, 2004, с. 32 – 55.

Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. Москва, 2000.

Формановская Н.И. Употребление русского речевого этикета. Москва, 1982.

Хватов С. А. Формирование моделей речевого поведения студентов-филологов в рамках деловой коммуникации // Человек, сознание, коммуникация, интернет. Варшава, 2004, с. 405-412.

Almonaitienė J., Antinienė D. Bendravimo psichologija. Kaunas, 2001.

Čepaitienė G. Kalbos etiketas ir mokykla. Šiauliai, 1996.

Čepaitienė G. Kalbos etiketas kaip tautos mentaliteto atspindys // Mokslo darbai: Liaudies kultūra. 6 (87), 2002, p. 46 – 49.

Čepaitienė G. Participinių įvardžių vartojimo tendencijos kreipiantis į adresatą // Filologija, 10, 2005, p. 20 – 25.

Dian Foster. Europos šalių etiketas. “Algarva”, 2004.

Gage N.L., Berliner D.C. Pedagoginė psichologija. Vilnius: Alna-litera, 1994.

Gudavičius A. Etnolingvistika. Šiauliai, 2000.

Kavolis A. Lietuviai, komunizmas ir tautinis charakteris.// Metmenų laisvieji svarstymai. Vilnius, 1993.

- Kučinskaitė A. Lietuvių kalbos etiketas. 2-asis pataisytas ir papildytas leidimas. – Vilnius:Mokslas, 1990.
- Latvių – lietuvių kalbų žodynas (sud. A.Butkus). Kaunas, 2003.
- Lenkų – lietuvių kalbų žodynas (sud. V.Vaitkevičiūtė). Vilnius, 1964.
- Malakauskas A. Taisyklinga ir netaisyklinga padėkos raiška // Kalbos aktualijos. T.2. Šiauliai, 1994.
- Mykolaitis – Putinas V. Altorių šešėly. Vilnius: Vaga, 1967.
- Ramonienė M. Valstybinės kalbos mokymo programa. Vilnius, 1997.
- Ramonienė M., Vilkienė L. Po truputį. (Lietuvių kalbos vadovėlis pradedantiesiems). Vilnius, 1998.
- Richmond Yale. From nyet to do: understanding the Russians. Yarmouth, Main. USA, 1992.
- Rusų-lietuvių kalbų žodynas (sud. Lemchenas Ch., Macaitis J.) Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 2000. 939 p.
- Skwarska K. Tykáni a jeho zdvořilejšek v češtině a polštině. Obraz světa v jazyce. Praha, 2000, p. 137 – 145
- Šukys J. Kalbos kultūra visiems. Kaunas, 2003.
- Tomiczek E. Sprechakt: Andrede im Deutschen und im Polischen. Orbis Linguarum: Legnickie Rozprawy Filologiczne 5. Legnica, 1996, p. 267 – 278.

И.А.Стернин, А.Лихачева

Заметки о некоторых особенностях литовского академического общения

Общение в вузе

Для преподавателей литовских вузов, по сравнению с российскими преподавателями, характерна более сдержанная манера академического общения и поведения.

Преподаватели литовских высших учебных заведений предпочитают во время лекции стоять, они более статичны, чем русские преподаватели, меньше движутся по аудитории во время занятий. Используют во время занятий мало жестов, их лекции производят впечатление более сухих, строгих, чем лекции русских преподавателей.

При чтении лекций большим потокам студентов литовские преподаватели чаще всего предпочитают монологический стиль. Практически не принято вести во время лекции диалог со студентами. В связи с этим некоторые студенты говорят о своей симпатии к русским преподавателям из-за более распространенной у них диалогической манеры ведения занятий. Но есть и такие, которые не приемлют русскую манеру чтения лекций: такая лекция, по их мнению, – это «солирование» преподавателя, в то время как задача студентов – добросовестное

конспектирование речи преподавателя. В этом отношении литовские студенты близки, например, к финским, для них в целом тоже характерна пассивная стратегия при получении информации, но все-таки студенты-литовцы более отзывчивы и подвижны во внешнем проявлении эмоций, чем финны. В литовских вузах много лет подряд были группы финнов, приезжавших изучать литовский и русский языки. Они были очень старательными, но и очень заторможенными (за редким исключением). На их фоне литовцы казались сверхэмоциональными.

Роль юмора во время занятий невелика, юмора в лекционной аудитории почти нет. Вообще литовские студенты менее открыто, чем русские, проявляют свое отношение к тому, что слышат в аудитории, поэтому шутка преподавателя может быть воспринята довольно сдержанно, что, тем не менее, не значит, что чувство юмора преподавателя останется не оцененным.

Так же сдержанно, как должное, студенты воспринимают малопонятные фрагменты лекций, почти никогда сами не переспрашивают, не просят что-либо уточнить или разъяснить.

К некоторым преподавателям, особенно молодым, студенты обращаются по имени (обращение по имени-отчеству в литовской коммуникативной культуре вообще не принято), это обычно происходит в тех случаях, когда сам преподаватель представляется именно так. Обычным и соответствующим литовской академической традиции является обращение *преподаватель, преподавательница*.

Считается нормальным, если кто-то из преподавателей хвалит коллегу при его студентах, это не считается нескромным.

Литовские вузовские преподаватели в общении со студентами гораздо строже, чем русские, соблюдают дистанцию, что проявляется в том числе и в темах неформального общения.

Например, русские преподаватели почти всегда в курсе личных проблем студентов и сами могут поделиться с ними своими проблемами. Преподаватели-литовцы в своих контактах со студентами обычно ограничиваются обсуждением сугубо учебных или научных тем.

Научное общение

Литовские ученые перед началом выступления обычно не представляют себя, перечисляя все собственные заслуги. Не принято аплодировать при объявлении оратора.

Докладчики выступают в основном по написанному тексту, слегка отрываются от него, но не импровизируют; требуют внимания к своему выступлению - во время научного доклада даже могут постучать по столу, чтобы их внимательно слушали.

Риторический стиль научного доклада, как и литовский лекционный стиль – монологический, мало импровизации, высокая привязанность докладчика к письменному тексту.

Регламент уважают. Нередки случаи, когда во время выступлений на конференциях докладчики просто прерывают свой доклад и уходят с трибуны, услышав от председательствующего предупреждение вроде: «У вас осталось две минуты».

В процессе доклада принято, чтобы слушатели невербально выражали положительную оценку – улыбались, кивали.

Роль шутки в речи ученого небольшая, юмора в научной традиции практически нет.

Слушатели не разговаривают во время пленарных и секционных докладов. Недовольны, если их соседи разговаривают, но обычно не делают соседям словесные замечания.

Аплодируют обычно докладам ведущих ученых, специально приглашенных докладчиков на пленарных заседаниях.

Вопросы после научного доклада желательны, их отсутствие – свидетельство отсутствия интереса к докладу и докладчику. Письменных вопросов докладчику не задают, это не принято.

Несогласие с докладчиком выражать можно. В дискуссии по докладам можно возражать докладчику, даже в довольно резкой и неприятной для него форме, это допустимо. У литовских ученых нет тенденции избегать публичного спора по научному докладу.

Оценивать доклады чаще принято в частном порядке – соседи по залу скажут вернувшись с трибуны докладчику «Очень интересно!», или подойдут в перерыве и скажут то же самое. Возможна оценка в «поэтизмах», в превосходной степени.

Специальных требований к понятности научного доклада нет, но понятность оценивается положительно. При этом нет традиции высоко оценивать доклад, содержащий много непонятных аудитории терминов.

Руководители научных школ выступают в своих коллективах с докладами, сомнения-вопросы в их адрес со стороны сотрудников вполне возможны.

Кулуарное общение на конференциях сводится преимущественно к похвалам в адрес друг друга. Малоознакомые или незнакомые участники конференций общаются приветливо, корректно и коротко.

После защиты диссертации проводится банкет, но по сравнению с банкетами, организуемыми русскими, он носит суховатый характер, проходит чинно, без проявления заметных эмоций, без юмора. Юмор используется в гомеопатических дозах.

Литовские ученые обычно продолжают заниматься одной научной проблемой всю жизнь, до недавнего времени не было традиции организации работы по научным проектам, последовательно сменяющим друг друга, как во многих западных странах, но в последние годы участие

в проектах считается престижным и поощряется научной общественностью.

Р.Чичинскайте

Риторические страсти в коммуникативном поведении студентов – литовцев и русских

Риторику в современном ее понимании – как науку о корректном коммуникативном воздействии и взаимодействии - в Вильнюсском университете и за его пределами я преподаю уже около пятнадцати лет. Только за последние пять лет этот курс прослушало около пятисот человек. Слушателями были студенты-филологи, философы, юристы, библиотековеды, специалисты по информатике, менеджеры, а также бизнесмены и учащиеся русской воскресной школы.

Содержание курса корректировалось с учетом специальности, направленности обучения. Кроме того, дисциплина читается на литовском и русском языках - в зависимости от языка обучения и/или национального состава слушателей. Принимается во внимание и гендерный состав аудитории.

Перед тем как перейти к рассмотрению более узкого предмета, поделюсь своими наблюдениями общего характера относительно одного аспекта коммуникативного поведения студентов- литовцев и русских. Как известно, различия в коммуникативном поведении обуславливаются прежде всего менталитетом человека. Менталитет участвует в формировании идентичности личности, на осознание идентичности оказывают влияние такие факторы, как возраст, национальная принадлежность, пол, воспитание, образование, профессия, образ жизни, окружение и т.д.

Литовцы, живущие на родине (примерно треть населения Литвы за шестнадцать лет эмигрировало), не испытывают, как правило, трудностей с национальным самоопределением. Исключение составляют те случаи, когда в семье говорят на двух языках. Основным показателем здесь является язык, который человек считает родным.

Одним из факторов, определяющих национальную самоидентификацию русских, проживающих в Литве, является отношение к родному языку и знание государственного литовского языка, соответственно и отношение к нему. По этим параметрам можно выделить несколько категорий русских (напомним, что наши наблюдения касаются прежде всего студентов и лишь в малой доле свободных слушателей курса риторики):

1. Русские, не сомневающиеся в своей национальной идентичности:

1а. Родным языком они считают русский, литературным языком владеют безупречно, с любовью и уважением относятся к русской

культуре, но подчас критически - к политике России. Они владеют литовским языком, участвуют в культурной жизни Литвы, знают и ценят литовский язык и культуру, создаваемую и транслируемую на этом языке. Они считают своей родиной Литву.

1б. Родным языком они считают русский, литературным языком владеют плохо, в их речи встречаются просторечные слова, полонизмы и литуанизмы. Русских, проживающих как в Литве, так и в России, они называют своими, используя местоимение *мы*, литовцев – чужими, используя местоимение *они*. К родному языку относятся как к данности, но не как к ценности. Литовским языком владеют плохо, стесняются этого или бравируют этим. Они смотрят только российское телевидение, литовской культурой не интересуются, особое внимание обращают на негативные явления в общественной жизни Литвы, жалуются на ущемление прав национальных меньшинств.

1в. Родным языком они считают русский. Некоторые безупречно владеют литературным языком, некоторые - плохо. Литовским языком владеют плохо. К России относятся с уважением, но критически. Литву считают своей родиной, испытывают комплекс вины из-за плохого владения литовским языком. Предпочитают смотреть российское телевидение, но изредка смотрят программы на литовском языке. Избирательно относятся к литовской культуре. Некоторые не любят того, что носит яркую национальную окраску, например, литовских народных песен и т.д. Некоторые подчеркивают, что они патриоты Вильнюса.

2. Русские, сомневающиеся в своей национальной идентичности:

2а. Они говорят на русском и литовском языках. Окончили литовскую школу. Современную Россию знают плохо. Достаточно равнодушны к событиям, происходящим как в России, так и в Литве. Считают себя гражданами Европы. Многие хотят уехать в Европу учиться или работать.

2б. Они говорят на русском и литовском языках. Окончили русскую школу, но подчеркивают, что по матери или отцу они украинцы, евреи, белорусы и т.д. Они испытывают интерес к литовской, русской и к той культуре, к которой себя причисляет один из родителей. Говорят обычно на литовском и русском языках.

В гендерном отношении более четкой национальной самоидентификацией отличаются юноши, девушки чаще сомневаются. Так как мои наблюдения основываются на общении со студентами и на беседах с ними, предложенная мною типология носит характер предварительных набросков. Я попыталась наметить лишь контуры картины, которую, на мой взгляд, необходимо иметь в виду, когда речь пойдет о коммуникативном поведении студентов, оценивающих или выражающих то, что в классической риторике называлось *страстями*.

Задача данной статьи – зафиксировать один частный, но чрезвычайно важный, с моей точки зрения, аспект, позволяющий выявить, как коммуникативное поведение связано с оценочно-волевыми установками

оратора в публичной речи. Под оценочно-волевыми установками я подразумеваю пафос речи, или страсти, как переводят это греческое слово русские риторы.

Наряду с этосом и логосом, пафос является основной риторической категорией, способствующей созданию образа оратора. Напомним, как определяет пафос Аристотель: «Страсти – все то, под влиянием чего люди изменяют свои решения, с чем сопряжено чувство удовольствия или неудовольствия, как например, гнев, сострадание, страх и все этим подобные и противоположные им [чувства]» (Аристотель 1979, с. 72).

Для того чтобы объяснить, что такое страсти, Аристотелю понадобились два важнейших для построения риторического определения топа – топ сущности и топ вида. Сущность – это то, без чего невозможно представить предмет: под влиянием страстей люди меняют свои решения, а если они их не меняют, значит, страсти в речи были неправильно использованы или не были отчетливо выражены; в таком случае предложения оратора не повлияют на решения слушателей. Гнев, сострадание, страх суть разновидности страстей. Во второй книге «Риторики» этим и другим страстям уделяется чрезвычайно много внимания.

Сравнивая российские и литовские риторики, я обратила внимание на то, что пафосу здесь отводится неодинаковая роль. В наиболее авторитетной на сегодняшний день монографии по риторике, написанной специалистом в области классической филологии Р. Коженяускене, слово *пафос* упоминается лишь один раз и то с модальностью предостережения.

Автор выделяет три группы современных речей, различающихся по выполняемой им функции – информационные (с доминирующей функцией сообщения), воздействующие (с доминирующей апеллятивной функцией) и эмоциональные (с доминирующей эстетической функцией). Эмоциональные речи делятся на речи по случаю и развлекательные.

В речах по случаю выделен жанр благодарственных речей, вот здесь мы и находим совет избегать излишнего пафоса: «Благодарственная речь особенно ответственна. Вначале необходимо поблагодарить за оказанную честь, но кратко и искренне. В поздравительных речах принято подчеркнуть исключительность личности, поэтому необходимо найти такие слова, которые слегка *снизили бы пафос* (курсив наш - Р. Ч.) и показали, что мы только простые смертные, только часть всех собравшихся, что мы просто продолжаем труд, начатый другими» (Koženiauskienė 1999, с. 72).

Как видно из сказанного, автор подчеркивает значимость этоса оратора; об этом свидетельствует совет воспользоваться приемом самоуничижения, умаления своих достоинств, когда в ответ на поздравление оратор произносит благодарственную речь. Таким образом оратор демонстрирует одну из важнейших своих добродетелей – скромность. Сильный пафос, как предполагает, наверное, автор, в данном случае может разрушить этос.

Возникает вопрос: действительно ли в эмоциональной речи нужно снижать пафос, если он является основным модалным показателем речи этого жанра? Очевидно, что под пафосом здесь понимается известный стереотип, появившийся в то время, когда слово *риторика* воспринималось как одиозное (см. Аверинцев 1996). Я ни в коем случае не утверждаю, что автор неправильно понимает слово *пафос*. Я только хочу подчеркнуть, что в процитированном тексте оно используется не терминологически, а как слово, обросшее негативными коннотациями.

Жанр эмоциональных речей предполагает пафос, который «работает» здесь не на усиление или ослабление аргументации (избыток рациональных аргументов только портит эмоциональную речь), не на содержательность речи, а на образ оратора в первую очередь. Верно, что в благодарственной речи нужно использовать пафос самоуничтожения, но это не значит, что в других жанрах его вообще нет. Замалчивание пафосности речи чревато не меньшими последствиями, чем разрушение основополагающих ценностей культуры любого народа.

Невнимательность к пафосу в литовских учебных и научных трудах по риторике (мы привели только один пример, но проверили все, что было опубликовано на литовском языке по риторике) мне показалась симптоматичной, и я решила проверить это предположение, предложив студентам оценить пафос нейтральных и «острых» высказываний, которые широкая общественность Литвы могла слышать по радио, телевидению, прочитать в газетах.

На лекциях и практических занятиях я обычно сопоставляю положения литовских, российских, американских риториков. Особенно часто обращаюсь к российским риторикам, так как Россия является страной с чрезвычайно богатым риторическим опытом. Пафосу в российских риториках придается очень большое значение. Обратимся лишь к одному учебнику, наиболее глубоко, на мой взгляд, анализирующему категорию страстей. Автор учебника А.А.Волков утверждает, что «в аргументации пафос имеет определяющее значение». Приведем все его доводы:

Во-первых, проявление индивидуальности ратора возможно только через пафос: высказывание отличается от других и выделяется в общем потоке речи не новыми идеями, которые возникают редко; не приемами обоснования, которые воспроизводятся в аргументации; не этичностью, которая уподобляет ратора аудитории; но именно пафосом, побуждающим аудиторию переживать предмет речи и предложение ратора.

Во-вторых, риторическая аргументация всегда имеет дело с предметами, относительно которых возможны различные мнения. Никто не станет обсуждать проблему, к которой безразличен, и никто не примет предложение, которое неинтересно.

В-третьих, присоединение означает готовность к действию. Чтобы действовать, нужна воля, а воля пробуждается эмоцией – стремлением к цели (Волков 2003, с.19).

Усилим аргументацию риторика, приведя дополнительные доводы. То, что в риторике называется пафосом, М. М. Бахтин, противник риторики в догматическом ее понимании, называл «эмоционально-волевым тоном», тоном личности. Не окрашенное эмоционально-волевым тоном высказывание является просто предложением без автора и без конкретного адресата. Живое слово всегда пафосно.

Приведем рассуждения мыслителя из трактата «К философии поступка»: «< ...>живое слово, полное слово не знает сплошь данного предмета, уже тем, что я заговорил о нем, я стал к нему в некоторое не индифферентное, а заинтересованно-действенное отношение, поэтому-то слово не только обозначает предмет как некоторую наличность, но своей *интонацией* (*действительно произнесенное слово не может не интонироваться, интонация вытекает из самого факта его произнесения*) (курсив мой – Р. Ч.) выражает и мое ценностное отношение к предмету, желательное и нежелательное в нем < > *Все действительно переживаемое переживается как данность-заданность, интонируется, имеет эмоционально-волевым тон<...> Эмоционально-волевым тон – неотъемлемый момент поступка, даже самой абстрактной мысли, поскольку я ее действительно мыслю, т.е. поскольку она действительно осуществляется в бытии, приобщается к событию* (курсив мой – Р. Ч.). Все, с чем я имею дело, дано мне в эмоционально-волевом тоне, ибо все дано мне как момент события, в котором я участвую» (Бахтин 1994, с.35).

Бахтинский термин *эмоционально - волевым тон* позволяет более четко и зримо представить, что имеется в виду, когда мы говорим о страстях, или пафосе речи. Необходимо прислушаться к эмоционально-волевому тону философа, чтобы уловить интимную интонацию его и только его речи, неповторимой, не отвлеченной, а живой и ответственной. Речь, по мысли Бахтина, это поступок, а поступок не может быть ничей. Если же он чей-то, значит он страстен.

Приведу примеры высказываний, меру ответственности которых, определяемую наличием или отсутствием пафоса, оценивали студенты. Литовское радио («*Žinių radijas*») транслирует дискуссию на тему «Что ожидает Литву в будущем?». Раздается звонок радиослушателя. Его реплика звучит следующим образом: *литовский народ теряет свои национальные корни из-за ассимиляции. Какой-нибудь Иванов женится на –айте*» (-айте - это окончание девичьей фамилии литовки – Р. Ч.). *Я осуждаю такие браки.*

Вопрос к студентам: корректна ли данная реплика или здесь нарушается какая-либо норма? Ответ русских (юношей): *это высказывание нарушает этическую (моральную) норму, так как возбуждает неприязнь к русским.* Некоторые литовцы дают такой же ответ, но есть и ответы другого рода: *каждый волен высказывать свое мнение; но ведь это правда, о каком пафосе здесь речь.* Наиболее «беспафосен» ответ студентки (литовки): *высказывание никакой нормы не нарушает, наоборот, если литовец*

женится на русской или литовка выходит замуж за русского, они нарушают моральную норму. Нельзя так поступать.

Студентка была удивлена, когда я сказала, что в ее ответе очень сильно звучит пафос нетерпимости. Она настаивала на том, что высказала свое мнение спокойно и сказала правду. В данном случае следует обратить внимание на два обстоятельства.

В литовских СМИ часто утверждается, что в Конституции Литвы есть положение о том, что каждый гражданин имеет право высказывать свое мнение. К мнению, как известно, неприложим критерий истины и лжи. Но мнение всегда содержит оценку и обращено к адресату. Статус мнения не снимает с высказывания ответственности за него. Студенты, как оказалось, понимают это только в том случае, когда это задевает их лично. Поэтому русские восприняли реплику радиослушателя как оскорбление, а некоторые литовцы не заметили или заметили, но не восприняли это как оскорбление, потому что присоединились к некорректно высказанному мнению.

Пафос (все, что связано с эмоционально-волевыми установками речи), как и этос (все, что связано с доверием к оратору), и логос (все, что связано с содержанием речи), располагает своей номенклатурой аргументов (неполный перечень таких аргументов можно найти, например, в учебном пособии А. В. Филиппова и Н. Р. Романовой «Публичная речь в понятиях и упражнениях»).

Под аргументами от пафоса подразумеваются психологические приемы воздействия, получающие свое выражение в речи. Выпад против личности (*ad hominem*), демагогический прием (*ad populum*), аргумент к жалости, к тщеславию студенты в речи узнают, но почти всегда удивляются, что пафосной является почти любая обращенная к кому-либо фраза. Обычно тонко пафосность речи анализируют русские, национальная идентификация которых описана в пункте 1а. Русские, национальная идентификация которых описана в пункте 1б, отличаются категоричностью суждений, особенно если предлагается непривычная для них интерпретация явлений.

Со студентами пытаемся выяснить вопрос о пафосе новостных сообщений. Перед тем как высказать что-то, обращенное к другому, мы спрашиваем себя: почему мы об этом говорим именно таким образом, кому мы это говорим и зачем мы это говорим? Выбор номинации предмета в речи, коннотации, сопровождающие номинацию, порядок слов и интонация создают тот или иной пафос. Можно ли в речи обойтись без пафоса? Как русские, так и литовцы отвечают: да, можно. Информационная речь, выполняющая функцию сообщения, беспафосна.

Я привожу пример информационного сообщения: *в Литве уже второй раз проводится национальный диктант. Желающих намного больше, чем в прошлом году. Подобные мероприятия способствуют укреплению с помощью языка духа патриотизма, пробуждению интереса к родной*

культуре. Такой диктант популярен во Франции, Голландии, Польше. Пафосно ли данное сообщение?

Студентки отвечают: да. Юноши сомневаются. Студент- литовец рассуждает таким образом: *описательные высказывания, к которым приложим критерий правды и лжи, беспафосны. Если это описательное высказывание, а именно так я и думаю, в нем нет никакого пафоса.* Студентка (русская) возражает: *если преследуется цель оказать воздействие на слушателей, тогда в высказывании пафос есть* *Какая цель преследуется данным сообщением? Здесь отчетливо звучит пафос утверждения национальных ценностей, хотя диктор произносит это бесстрастно. Пафос здесь содержится в подборе знаковых имен, составляющих риторический идеал литовца: родной язык, которым гордится каждый литовец, культура, транслируемая на этом языке, Родина, в которой живут люди, говорящие на этом языке.*

Те, студенты, которые воспринимают культуру как данность, а не как ценность, не заметили никакого пафоса. В таком случае сообщение не имеет своего конкретного адресата: пишут диктант французы, пишут и литовцы; еще одно мероприятие, за проведение которого кто-то поставит себе галочку. Девушка восприняла сообщение как обращенное к ней, поэтому и смогла его амплифицировать.

Почему важно говорить о пафосе, которым окрашены мнения и так называемые бесстрастные высказывания – новостные, официальные сообщения? Приведу еще один пример мнения, которое было высказано одним из самых уважаемых общественных деятелей Литвы в телевизионной передаче «Be rukšio» («Без гнева») (эта передача считается наиболее интеллектуальной на литовском телевидении).

Речь идет о политике России. Ведущий обращается к уважаемому гостю передачи с вопросом: *скажите, профессор, что ждет Россию?* Ответ: *Россия потерпит крушение. Оно прогнило. Есть, конечно, там люди, но... В России растет новое поколение фашистов.* Ведущий никак неотреагировал, наверное, потому что уважаемый человек просто высказал свое мнение. Позволю себе горькую иронию: пафос мнения не подлежит осуждению (и обсуждению). Сказано без гнева (?), но с пристрастием. Нужны ли здесь комментарии?

Когда человек не усматривает пафоса в информационных сообщениях, он воспринимает информацию как анонимную и безадресную.

Для публичных выступлений перед аудиторией студентам обычно предлагаются вызвавшие общественный резонанс, острые, актуальные темы, такие, как: *можно ли разрешить усыновление литовских детей иностранцам? Осторожно! Эмансипированная женщина. Мой вклад в борьбу с хамством водителей на дорогах. Не слишком ли дорого мы платим за демократию? Навязываемые модой стандарты красоты калечат женщин и т.д.* Такие темы обычно предлагаются студентам нефилологического профиля обучения. Студенты с энтузиазмом

разбирают темы, а потом я наблюдаю следующую картину. Юноша (литовец) воодушевленно рассказывает о том, что механизмы демократии не срабатывают из-за нечетко продуманного закона о выборах. На доске он чертит схему, которая подтверждает его тезис о том, что у избирателя очень мало шансов выбрать действительно достойных политиков: *кого мы хотим видеть у власти? По моим грубым подсчетам, примерно 10% населения Литвы – асоциальные люди; 80% - мы с вами; оставшиеся 10% - светила науки и культуры, Личности с большой буквы. Ради них я и участвую в выборах. Но шанс, что самые достойные люди будут управлять страной, почти равен нулю. Если после всего, сказанного мною, вы подумали, что пафос моей речи направлен против демократических ценностей, вы зря потеряли время. Я говорю о болезнях, преследующих демократию, и ни в коем случае не утверждаю, что болезни эти неизлечимы.*

Речь чрезвычайно эмоциональная, с риторическими вопросами, сентенциями, иронией. Аудитория реагирует очень живо, раскрасневшегося оратора приветствуют аплодисментами. К сожалению, таких речей бывает мало. Обычно студенты, не смущаясь, берут информацию из Интернета, читают чужой текст и даже не краснеют. Когда я спрашиваю у студентов, почему они так поступают, они отвечают: *если кто-то сказал лучше, чем об этом могу сказать я, если уже есть законы, регулирующие, например, усыновление детей, зачем я буду изобретать велосипед?* По моим наблюдениям, чаще всего так поступают студенты, считающие, что мнение *нельзя* осуждать, даже если оно оскорбительно для кого-то, и что так называемые информационные сообщения беспافосны. Пафос принадлежит личности, а если высказывание бесстрастно, то оно не является ничьей собственностью, поэтому им может пользоваться каждый.

Юноша (литовец) произносит речь «за феминизм». Зная, что в Литве не так много мужчин, уважительно относящихся к эмансипированным женщинам, я спрашиваю у оратора, действительно ли он разделяет либеральные взгляды феминисток. Он отвечает, что ему было интересно ознакомиться с информацией, потому что он раньше имел очень поверхностное представление о феминизме, но некоторые их идеи для него неприемлемы. Тогда я спрашиваю у студента, почему же он так горячо в своей речи отстаивал эти идеи? Он отвечает, что воспользовался в своей речи статьей феминистки, но никакого пафоса не заметил.

Чтобы уловить пафос, необходимо очень тонко чувствовать слово. Поэтому в речах студентов-филологов более отчетливо звучит личностная нотка. Студенты-нефилологи пафосную речь называют неконкретной, бессодержательной. Некритически воспринимают чужие «объективные» высказывания студенты, не обращающие внимания на культуру речи, плохо владеющие как литовским, так и русским литературным языком.

Страсти имеют непосредственное отношение к соблюдению в публичных речах политической корректности. Пример: в *Литве* проходил

чемпионат по спортивным танцам. Особенность этого чемпионата в том, что танцевали люди с ограниченными возможностями (политовски- *neįgalieji*). Одно из политически некорректных слов – инвалид. Как выяснилось в ходе беседы со студентами, изменение номинации по соображениям политической корректности одобрительно воспринимают девушки – и русские, и литовки. Юноши (литовцы) не во всех случаях одобряют правила политкорректности. Русские не одобряют. Студент отреагировал на мой пример следующим образом: *зачем отказываться от слова инвалид? Нормальное слово. Всегда так говорили. Никакое оно не обидное. Человек не станет здоровым, если его перестанут называть инвалидом.* Студента не убедило возражение, что в слове *инвалид* звучит оскорбительная нотка.

Политическая корректность предполагает выбор имен, не ущемляющих достоинство человека. Если какое-то наименование обросло отрицательными коннотациями, оно заменяется другим. Политическую корректность рекомендуется соблюдать прежде всего в публичных речах. Так, в официальных сообщениях на литовском и русском языке все чаще звучит слово *ромы* (*romai*)- вместо слова *цыгане* (*čigonai*), *люди с ограниченными возможностями* (*neįgalieji*) вместо слова *инвалиды*, *потребители наркотиков* вместо слова *наркоманы*.

Бывают курьезные случаи, когда слово, в литовском языке звучащее политически корректно, на русский язык переводят некорректно, например, номинация *žmonės su psichine negalia* (не совсем корректный перевод - люди с психическими заболеваниями) в новостях на русском языке переводится как *люди с психической немощью*. Соблюдение правил политической корректности необязательно предполагает смену наименования, главное здесь - уважительное отношение к *другому*, проявление терпимости к тому в других людях, что человеку может не нравиться, что он считает чужим, а не своим, нетрадиционным, непривычным. Политическая корректность связана с усвоением человеком новой идентичности. Именно эти идеи звучат в публичных выступлениях литовских интеллектуалов, как например, в упоминавшейся выше передаче «Без гнева». Мифологическую оппозицию *свой – чужой*, конструировавшую идентичность человека традиционного общества, сменила оппозиция *я-другой*, которая знаменует становление новой идентичности современного человека.

Студентам была предложена выдержка из статьи Л.П. Лобановой «Система общих мест и политическая корректность». В этой статье автор рассматривает проблему соответствия традиционных для русского человека национальных топосов навязанным, как считает автор, американской культурой нормам политической корректности. Автор категорически отрицает эти нормы, считая, что они представляют опасность для русской культуры, потому что разрушают складывавшиеся веками ценностно-смысловые структуры. Уточним, что топосами в

риторике называют практически то же самое, что исследователи коммуникативного поведения называют принципами.

Свою позицию несогласия с оппонентами автор облекает в «риторические одежды»: «Принципиальные позиции политической корректности эгалитарность и антиэгалитарность: все люди, все культуры, все религии, все группы, правда, разные, но никакая из них никаким образом и ни в каком отношении не хуже другой (конечно, за исключением белых европейцев гетеросексуальных мужчин). Действует правило: различия можно констатировать, но никогда нельзя давать какую-либо оценку. *Не бывает, например, человек хороший или плохой, бывает «другой».* Из этого с необходимостью следует (курсив мой – Р. Ч.), что убийцы, воры, прелюбодеи, лгуны и лжесвидетели никак не хуже соблюдающих духовную мораль, они «просто другие». Тем самым отвергается духовная мораль, а вместе с этим становится невозможным испытывать свою совесть и совершенствоваться духовной моралью (Лобанова 2003, с.49).

Я спросила у студентов, согласны ли они с этими высказываниями? Выражение страстей здесь увидели все студенты. Подбор наименований с отрицательной коннотацией, приписывание оппоненту странной, с точки зрения здравомыслящего человека, логики подведения отрицательных персонажей под норму, подчеркивание угрозы, исходящей от такой логики, духовной морали – все это создает сентиментальный пафос, пафос негодования по поводу страшной опасности, скрывающейся за политической корректностью.

После того как студенты распознали пафос, я спросила у них, разделяют ли они этот пафос? Некоторые юноши ответили: да, конечно. *А то защищают всяких наркоманов, педерастов, лесбиянок, их же лечить надо.* Ответ симптоматичный. Автор процитированного пассажа добился своей цели. Из глубин сознания всплывают персонажи, пополняющие галерею отрицательных «других». Аудитория, разделяющая пафос процитированного пассажа, с готовностью вспомнит – кто цыган, кто евреев, кто русских, кто литовцев, кто поляков, кто лиц кавказской национальности, кто феминисток, кто черномазых, кто чурок.

Девушки сказали, что они не разделяют пафоса высказывания, *потому что это софистика, т.е. подмена. Политкорректное высказывание применимо к «другому», который понимается как человек, отличающийся от остальных прежде всего не по своей воле. Мы можем осуждать вора, но мы не можем осуждать человека за то, что у него нет детей или что он болен, за то, что он грузин, например, или за то, что у него другой, чем у нас, цвет кожи.* В литовском языке в этом случае используется слово *tolerancija*, в русском – терпимость (слово *толерантность* воспринимается русскими как несколько чуждое, непривычное).

Мы обязаны относиться корректно (терпимо, толерантно) к тем, кто не разделяет наших убеждений, у кого другая национальность, другой цвет

кожи и т.д. и т. п. Обычно интеллигентные люди понимают, что нельзя называть человека именем, которое оскорбляет его достоинство, навешивать ярлыки и т.д. И это вопрос пафоса. Действительно, что изменится от того, что мы будем называть цыган ромами? Содержательно, по логосу (позволю себе риторический жаргон), казалось бы, ничего. Имя *цыган* несет в себе заряд пафоса пренебрежения.

Называя человека политически корректным словом, мы меняем пафос, убираем все негативные коннотации, которые несет старое наименование. Можно сказать, что в литовской культуре есть явление политической корректности и пока незаметно каких-либо перегибов, но усвоение этого явления носителями литовского языка еще не произошло. Пока что об этом говорят специалисты по этике, культуре речи, социологи и т.д. Из бесед со студентами можно сделать вывод, что девушки безболезненно и с готовностью усваивают нормы политической корректности, юноши-литовцы и русские (с небольшими исключениями) пока не собираются отказываться от любимых стереотипов.

Как утверждают авторы монографии «Русские: коммуникативное поведение», «в русском коммуникативном поведении нет такого коммуникативного явления как «политическая корректность» (Прохоров, Стернин 2006: 59). Означает ли это, что в России представителей других национальностей все еще называют *чурками*, *лицами кавказской национальности*, людей с другим цветом кожи - *черномазыми*? Если это так, то пафос статьи Лобановой производит более чем странное впечатление. Разве имеет значение, в какой стране это явление было названо соответствующим термином, не важнее ли, какую цель преследуют люди, используя этот термин, какие явления стоят за этим термином?

Статья Лобановой завершается симптоматичным, на мой взгляд, выводом: «Впрочем, как мы видели выше, поборники политической корректности и не скрывают, что они ведут борьбу с европейской культурой, стремясь положить конец европейской культурной гегемонии (Лобанова, см. 50). С этим выводом никак нельзя согласиться, ибо соблюдение норм политической корректности приветствуются едва ли не во всех странах Европы. Принцип толерантности подробно расписан в новой Конституции ЕС. Конституцию, правда, приняли еще не все страны, но едва ли поправки будут касаться принципов терпимости к *другому*.

Мне бы хотелось завершить эту статью выводами социологов относительно менталитета людей, не соблюдающих норм политической корректности, позволяющих себе высказывать мнения, чреватые последствиями для морального климата общества, не замечающих пафоса в эмоционально сдержанных высказываниях.

В книге американского социолога В. Каволиса (литовского эмигранта) «Мастерская культуры» рассказывается о любопытных результатах, полученных антропологом О. Льюисом в 1965 году в ходе исследования

менталитета тех американцев, которых ученый называет представителями «культуры нищеты». Рассказывая студентам о том, как ментальные стереотипы влияют на коммуникативное поведение человека, я обычно перечисляю признаки «культуры нищеты». Студенты испытывают шок, потому что все они, и литовцы, и русские, узнают в себе ментальные стереотипы, обнаруженные сорок лет назад у живущих в нищете пуэрториканцев.

Еще в большее замешательство приводят студентов слова В. Каволиса о том, что признаки «культуры нищеты» можно обнаружить и у некоторых литовских интеллектуалов. Пора назвать эти признаки: недостаток весомого участия в основных общественных институтах; недоверие к правительству, полиции и ко всем людям, занимающим высокие должности, включая Церковь; минимум социальной организованности за пределами семьи и вне родственных отношений; отсутствие безопасного детства; наличие матрицентрических семей из-за того, что отцы не заботятся о детях, мужья - о женах; авторитарные отношения; чувство неполноценности, зависимости, беспомощности; недостаток самообладания; резигнация (покорность, фатализм – Р. Ч.); уверенность в том, что мужчины более совершенны, чем женщины; терпимость к психологическим патологиям; провинциальность; слабо развитое чувство истории». О. Льюис утверждает, что люди с таким менталитетом «знают только свои собственные беды, узкие частные интересы, лишь свой собственный образ жизни» (Kavolis 1996, с.30). В почти бесстрастных словах исследователя звучит сильнейший критический пафос, заставляющий молодых людей, проживающих, как они с гордостью говорят, в самом центре Европы, задуматься о своем менталитете, о своем идентитете и о пафосе своих речей и речей своих соотечественников. Первоочередная задача современного нового европейца, как утверждают социологи, философы и историки в Литве, – освоение и усвоение современной идентичности, неотъемлемой частью которой, на мой взгляд, должна быть терпимость и страстность - сознательная, корректно выраженная эмоционально-волевая установка личности.

Kavolis V. Kultūros dirbtuvė. Vilnius, 1996.

Koženiauskienė R. Retorika. Iškalbos stilistika. Vilnius, 1999.

Аверинцев С. С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. Москва, 1996. Аристотель. Риторика // Античные риторика. Москва, 1978.

Бахтин М. М. К философии поступка // Бахтин М. М. Работы 20-х годов. Киев, 1994. Волков А. А. Основы риторики. Москва, 2003.

Прохоров Ю. Е., Стернин И. А. Русское коммуникативное поведение. Москва, 2006.

Лобанова Л. П. Система общих мест и политическая корректность // Риторика в современном обществе и образовании. Сборник материалов III-V Международных конференций по риторике. Москва, 2003.

Э. Лассан

О коммуникативном поведении СМИ России и Литвы при изображении «своих» президентов

Россия и Литва – страны с разным конституционным строем и традициями отношения к власти. Думается, что президентская республика в России и парламентская республика в Литве в известной степени соответствуют политическим традициям двух стран, складывающимся на их территориях в течение веков. Определенное отношение к власти – ее «сакрализация» – считается одной из констант русского национального самосознания, унаследовавшего вместе с православием из Византии идею божественного происхождения царской власти («всякая власть от Бога»): «Самодержавие для России – это не только идеология или проективная модель, но историческая реальность, просуществовавшая (если исчислять ее с момента официального провозглашения монархии Иваном IV в 1547 г. и до отречения от престола последнего императора Всероссийского) – 370 лет» (Новикова, Сиземская 2000, <http://www./biblio/arhiv>).

Литва как независимое государство обладает меньшим периодом зрелой государственности – в сущности, мы, очевидно, являемся свидетелями одного из этапов ее становления (я не говорю о периоде Великого Княжества Литовского, характеризовавшегося симбиозом этносов и конфессий, сложными отношениями между княжескими династиями). Бесспорно, однако, что Литва не знала централизованной монархии, а католицизм подчинял королей и удельных князей воле Ватикана, лишая их одновременно божественного ореола.

Для современной России характерно многообразное отношение к оптимальным формам правления, однако нельзя пройти мимо того обстоятельства, что осуществившая себя в прошлом идея единоличного правления жива в умах самых просвещенных носителей русской культуры, и тяга к патернализму все так же сильна в русском народе (Ермоленко 1999), естественность которого иногда обосновывают необъятностью русских просторов и хранящихся в их недрах природных богатств, являющихся общенациональным наследством и в силу этого требующих справедливого распределения (Ремизов 2005) .

Очевидно, соответствие идее сильного «сакрального» правления задавало и задает определенное эстетическое решение резиденции власти. В России – это величественный Кремль, находящийся на возвышенности и за высокой зубчатой стеной, символизирующей отделенность власти от ее подданных, пребывание ее в верхней части общественной вертикали

(следует сказать, что ледовые шоу 2006 года у стен Кремля на Красной площади размывали границы между «сакральным» и «профанным» пространством, с одной стороны, придавая особую величественность происходящему действию, а с другой - явно демократизируя пространство власти).

Литва – страна маленькая, и причины, по которым патернализм признается некоторыми политологами необходимым для России, в Литве не срабатывают. Отсюда идея сакральной, всеведущей и отвечающей за все власти для нее менее органична. Видимо, и эстетико-архитектурное решение места пребывания власти отражает отсутствие представлений о ее «неземной» сущности. Президентура, где глава государства проводит свой рабочий день, располагается на небольшой площади – вдоль резиденции власти каждый день проходят сотни студентов, чья Alma mater находится в десяти шагах от рабочего места Президента. Здание настолько не отчуждено от «профанного» пространства, что несколько лет назад случился непристойный инцидент – один из иностранцев, будучи навеселе, решил проблему отсутствия общественных туалетов в центре столицы, помочившись на стены президентуры.

Гипотеза, возникающая естественным образом при размышлении о различном отношении к идее верховной власти в странах с разными политическими традициями, заключается в том, что и в современном мире институты, формирующие отношение к этой власти, должны вести себя в этих странах несколько различным образом, используя разные средства изображения этой власти. Разумеется, я говорю о самом могущественном инструменте формирования общественного мнения в современном мире – средствах массовой информации. Говоря об изображении власти средствами «четвертой власти», разумеется, нельзя не учитывать политической ангажированности средств массовой информации, их позиции pro и contra властных структур. Однако автор придерживается того мнения, что при любых политических установках срабатывают бессознательные механизмы «исторической памяти», обуславливающие ту или иную форму коммуникативного поведения в социуме. Проявление этих механизмов автор полагает возможным продемонстрировать на способах изображения президентов России и Литвы средствами массовой информации «своих» стран.

Итак, объект исследования – заканчивающие президентское правление 80-летний Валдас Адамкус и 51-однолетний Владимир Путин в зеркале СМИ.

Адамкус внешне, несмотря на почтенный возраст, сухощав (выше среднего роста), строен, элегантен, с волной хорошо уложенных седых волос (его тщательно причесанная голова иногда становится объектом нападок тех, кто к нему нерасположен); Путин – спортивен, моложав, коренаст, коротко стрижен. Таково внешнее впечатление, формирующееся

на основе телевизионных изображений. Итак, **телевизионная подача образа президентов.**

Путин появляется на телевизионных экранах практически каждый день в новостных передачах на разных российских каналах – страна видит президента обычно сидящим за столом в своем кабинете и выслушивающим отчет (доклад) своего собеседника, чиновника высокого ранга. Путин смотрит на собеседника – камера фиксирует крупным планом глаза, меняющие выражение в зависимости от характера воспринятой информации, и улыбку, бесспорно, обаятельную. Создается образ главы государства, осуществляющего контроль за многообразной деятельностью подчиненных и осведомленного в самых разных вопросах российской жизни (медицина, жилищные проблемы, энергетика, социальное обеспечение и т.д.)

Валдас Адамкус появляется на экранах реже своего российского коллеги – при сообщениях о международных встречах (президент по литовской конституции ответствен прежде всего за международную политику – сфера его участия в вопросах внутренней жизни государства весьма ограничена) или при посещении президента членами правительства и парламента.

Находясь на международных встречах или в стенах парламента, президент периодически становится «добычей» журналистов, ставящих В. Адамкуса перед необходимостью отвечать на неожиданные и порой острые вопросы. Будни литовского президента обычно изображаются так: президент выходит из кабинета и энергичным рукопожатием приветствует гостей (зритель не может не отметить подтянутость, элегантность и энергию 80-летнего главы государства). Далее двери кабинета закрываются, и зритель остается в неведении относительно происходящего ТАМ. Ход беседы, имевшей место в президентском кабинете, как правило, освещают пресс-секретари президента или лица, побывавшие в кабинете в качестве гостей. Можно говорить, что таким образом президент несколько отчуждается от сограждан.

Таким образом, если виртуально дистанция между В. Путиным и зрителем, допущенным в кабинет, сокращается (при реальном жестком разграничении пространств), то между В. Адамкусом и литовским зрителем, при отсутствии реального разграничения пространств, виртуально дистанция увеличивается. Адамкус пребывает один в своем пространстве и тогда, когда отвечает на вопросы журналистов – спрашивающие обычно остаются за кадром, президент смотрит на невидимых зрителю собеседников или в камеру, продолжая пребывать один в своем закрытом пространстве.

Значит ли сказанное, что российский президент в телевизионном изображении предстает более открытым и диалогичным, нежели литовский президент? Возможно, российское телевидение добивается именно эффекта открытости, однако, опираясь на собственные ощущения, могу сказать, что, несмотря на допуск в святая святых – кабинет

президента, изображение В. Путина в беседе с чиновником высокого ранга оставляет у меня впечатление «клановости» происходящего. Пространство беседы, открытое взору, тем не менее обладает статусом экстерриториальности – зрителю отводится роль созерцателя, «соглядатая», в то время как говорящий в камеру Адамкус, глядя в глаза каждому, расширяет коммуникативное пространство, создавая впечатление непосредственного речевого общения.

Таким образом, каждая из технологий представления главы государства, в независимости от установок, своими средствами создает эффект открытости при одновременном (или побочном?) эффекте закрытости (сакральности) верховной власти.

Речевые акты глав государств

Согласно оригинальнейшему мыслителю XX в. Ойгену Розенштоку-Хюсси, человек дан в тройственной природе слов: «монологе, в котором человек думает вслух; диалоге, с которым он обращается к своим слушателям; плеологе... – речи, сказанной для того, чтобы будущее удержало это в своей памяти» (Розеншток-Хюсси 1994, с.76).

Два первых способа речевого проявления Адамкуса и Путина косвенно были охарактеризованы выше. Видимо, можно говорить, что, президент Литвы общается виртуально с более широким кругом сограждан, так как смотрит с экрана в глаза каждому телезрителю, а не представителям одной из ветвей власти. Очевидно, и «думанье» вслух у президента Литвы явлено в большей степени, чем у президента России: появляясь на экранах почти каждый день, В. Путин часто показан в ходе своих официальных выступлений, где он зачитывает составленный ранее текст – в таком случае непосредственное «думанье», сопряженное с сомнением и неуверенностью в выборе слов, не открыто зрителям; В. Адамкус чаще появляется перед зрителями в процессе незапланированных интервью, и мысль президента, его эмоции, вызванные неожиданным или неприятным вопросом, обнажены перед широкой аудиторией. Позволю сказать, что российский президент более защищен телевизионной камерой от проникновения в процесс порождения текста, нежели президент Литвы.

Обратимся к третьему моменту – как *президентское говорение отзывается в будущем?* Под будущим я понимаю два момента: 1) то, что о сказанном узнают завтра – то есть те, кто не является непосредственным созерцателем сказанного, кто спустя время – от нескольких часов до столетий – обратится к источникам информации. И здесь весьма важным является, как пишущие о президентском говорении, обозначат его: через *воскликнул* или *рассердившись*, *потребовал*, через *приказал* или *попросил*. (Фрумкина:2006,с.3). Сравним два описания одних и тех же действий президента России:

Президент ... России Владимир Путин в беседе с Зурабовым выразил удовлетворение результатами ... его работы (ЦПКР www.ancentr.ru/portal/gate.html?name=Fow&id_vypusk=24),

12 марта президент России Владимир Путин встретился с министром здравоохранения Зурабовым и запутал его судьбу в глазах общественности (Коммерсант. Издательский дом.
<http://www.kommersant.ru/books/books-page.html?id=629061>).

История, согласно американскому специалисту по вопросам сознания Х. Уайту, чья книга «Метаистория» (1973) сравнительно недавно вошла в научный обиход читающих по-русски и привлекла внимание лингвистов (Фрумкина), не есть передача фактов, а только их языковая интерпретация, «лингвистическая форма» (Уайт), что иллюстрирует приведенный выше пример – читатели различных изданий по-своему истолкуют ситуацию российского министра здравоохранения.

Будущее, по Розенштоку-Хюсси, связано со звучащими сегодня императивами: «будущее отдано на волю всевозможных повелений, владеющих нашей жизнью, начиная от простого «Будь умницей» и кончая самым главным «Делай как должно». <...> Будущее зависит от того, существуют ли императивы в настоящем» (Розеншток-Хюсси 1994, с. 85, 132).

Если разговор с будущим определяется через лингвистически избранные формы, в частности, связанные и с изображением императивности, устремленной в завтра, посмотрим, какие речевые акты в изображении СМИ характерны для президентского дискурса. Приведу анонсы российских интернет-изданий, сообщающих о речевых действиях российского президента.

Путин **приказал** компенсировать пенсионерам возросшие расходы на лекарства (Новости Саратовской губернии),

Путин **приказал** разобраться (NewsTech),

Путин **приказал** правительству следить за военными квартирами (Lenta.ru),

Путин **приказал** увеличить военные расходы (Газета.RU),

Путин **приказал** помочь рядовому Сычеву (Новый регион),

Путин **приказал** создать Большую Российскую Энциклопедию (Roskoncert),

Путин **приказал** продолжить вывод российских войск из Грузии (Шахты),

Путин **приказал** обуздать инфляцию (Клерк.ру),

Путин **приказал** разобраться на рынках с иностранцами (Lenta.ru).

Из приведенных анонсов следует:

1) всесторонний охват российской жизни главой государства. Обратим внимание на широту проблем, потребовавших участия президента – жилье, социальное обеспечение, собственно военные вопросы, судьба отдельного человека и т.д. Подобное отражение деятельности В. Путина коррелирует с отмеченным выше телевизионным освещением работы российского президента; 2) характер производимых директивных актов (приказ).

Отмечу, что сам президент не употребляет перформативного глагола *приказываю*. К перформативу, конечно, может быть приравнена подпись под президентским указом – именно об указе президента, касающегося организации деятельности по изданию энциклопедии, шла речь в сообщении, имевшем достаточно спорный по уместности заголовок «Президент приказал...» Остается неясным, то ли издательское дело буксует без вмешательства президента, то ли любое президентское речевое действие директивного характера расценивается СМИ как приказ.

Нужно сказать, что сама информация о президентских речевых действиях, помещенная в тексте статей, редко содержит глагол *приказать* – чаще *поручить*, *призвать*, *дать указание*: напр., анонс «Путин приказал правительству...» открывает сообщение, в котором речевой поступок характеризуется глаголом призвать («Путин призвал правительство не допустить роста цен на жилье»), а прямая речь президента вообще включает другой глагол: «Я опасаюсь, что это может привести к удорожанию жилья» (Lenta.ru). Почему же из разнообразия перформативов, вводящих побудительные речевые акты, избирается обладающий наибольшей иллокутивной силой глагол *приказать*? Разумеется, я не обладаю столь сильной эмпатией, чтобы объяснять речевые действия журналистов, но, переформулировав вопрос: что дает такая характеристика речевых актов президента, – я могу попытаться на него ответить. Ниже будет показано, что литовский президент употребляет глагол *требую* – этот перформатив также вводит речевой акт достаточно высокой иллокутивной силы, однако различие между перформативами, вводящими директивные речевые акты, заслуживает того, чтобы остановиться на нем подробнее и, возможно, через его посредство охарактеризовать специфику создания образа власти в СМИ.

Требую – побуждение выражено достаточно энергично (высокая иллокутивная сила), однако глагол не подчеркивает иерархии адресанта и адресата (требовать могут рабочие у работодателей).

Поручаю – адресат занимает более высокую позицию на общественной вертикали, вместе с тем неисполнение поручения не связано с представлением о непреложных карательных мерах, которые могут быть предприняты поручающим.

Приказываю – глагол, подчеркивающий и иерархическое положение говорящего, и ответственность адресата за неисполнение приказа: «Когда требуют исполнить приказ, то получивший приказ должен воспринять как отданный ему, он... должен взять на себя ответственность за исполнение приказа. В наши дни, солдат, принимая и подтверждая приказ, произносит «Есть» (Розеншток-Хюсси 1994, с.131). Отмечу в приведенной цитате два момента: 1) наличие принимающего приказ, должного ответить «Есть»; 2) наличие фигуры солдата, то есть человека в форме, символизирующего беспрекословное исполнение приказа.

В информационных сообщениях с анонсом «Путин приказал...», помещенных в Рунете, в ряде случаев присутствует фигура берущего под козырек:

Анонс: *Путин приказал обуздать инфляцию.*

Путин потребовал от правительства подготовить комплекс мер...

«Это своевременная инициатива» – выслушав пожелание президента, отрапортовал министр финансов Алексей Кудрин.

На мой взгляд, в избранной представителями СМИ лингвистической форме есть некоторые несообразности:

а) приказ, как правило, отдается в четкой форме, лишенной метафоричности, – здесь же в анонсе инфляция предстает живым существом, требующим, подобно строптивому коню, укрощения. Вообще инфляция есть сложившаяся в силу определенных экономических причин ситуация, ликвидация которой требует тщательного обдумывания, обсуждения, но не срочно принимаемых мер, способных привести к еще большему осложнению рыночной ситуации. Отмечу, что приказ не рассчитан на отложенный результат – нельзя приказать построить дамбу через год, но можно приказать приступить к строительству дамбы, с тем чтобы закончить его в течение года. Таким образом, видимо, придется оставить выражение *приказал обуздать инфляцию* на совести пишущих – другой вопрос: что в духе времени побуждает их использовать такой глагол? – требует, на мой взгляд, осмысления, и не только со стороны лингвистов;

б) принимающий приказ министр финансов «рапортует», то есть, не будучи военным, совершает речевой акт, характерный для речевых действий нижестоящего по отношению к вышестоящему в ситуации военной дисциплины, не допускающей обсуждения приказов. И вот тут мы подходим к принципиально важному моменту: многочисленные анонсы «Путин приказал...» создают ощущение армейской атмосферы, в которой неисполнение приказа карается твердой и сильной рукой. В. Путин действительно является главнокомандующим, а значит, его приказы выглядят совершенно уместными в ситуации военного взаимодействия: *Путин приказал продолжить вывод российских войск из Грузии*, – однако интонация армейского приказа вряд ли уместна в ситуации книгоиздательства (*Путин приказал издать ...энциклопедию*). Подобное обозначение речевого акта президента тем более неуместно, что в ситуации нет принимающего приказ, единственное обстоятельство, мотивирующее выбор такой лингвистической формы – это, как отмечалось выше, наличие препятствий на пути книжного дела, которые президент берется устранить. Именно такая смысловая импликация осуществляется читателем, не посвященным в специфику стиля СМИ, повествующих о речевых действиях президента. Полагаю еще раз нужным отметить, что высказывания главы российского государства не побуждают к

интерпретации в терминах приказа осуществляемых им речевых актов: так, в беседе с М. Зурабовым, анонсированной «Путин приказал компенсировать...», российский президент употребил перформатив *прошу* (*Вас...*).

Чем же обусловлено, или какую цель (пусть неосознанно) преследует подобное коммуникативное поведение СМИ? Хотелось бы отметить, что во всех анонсах с глаголом *приказать* глава государства обозначается именем собственным — *Путин* — и весьма редко через номинацию должности в российской государственной иерархии (*Президент приказал*). Формула *президент приказал* встречается по отношению к чужим президентам — президенту Украины, президенту Узбекистана, президенту Ирана.

Было бы неточным говорить, что российский президент в анонсах совсем не приказывает, но формула *президент приказал* скорее употребляется в ироническом контексте, склонном подчеркнуть пассивность других ветвей власти, не способных действовать без приказа. Видимо, чаще таким обозначением пользуются средства массовой информации, известные «стебом» как доминирующей стилевой интонацией или находящиеся в некоторой оппозиции к российской верховной власти: «Президент приказал размножаться» — о послании президента Федеральному собранию в отношении демографической ситуации (<http://www.utro.ru/articles/2006/05/11/546519.shtml>), «Президент приказал копать» — «Московский комсомолец» о внезапном обновлении дорог после высказанного пожелания президента (<http://www.mk.ru/numbers/2455/article86243.htm>).

В целом же можно говорить, что именно Владимиру Путину как личности приписывается способность отдавать приказы и через императивные высказывания приближать будущее: «Всякое приглашение в будущее... требует определенных интонаций. Кто не знает, что на то, чтобы обрести командирский голос, без срывов и усилий, без крика и смущения, голос, внушающий доверие, уходят годы» (Розеншток-Хюсси 1994 : 135). Борис Ельцин в изображении СМИ такого голоса не имел: «*Пожури*в банкиров на памятной встрече, Ельцин *сказал несколько слов упрёка* в адрес молодых коллег» (ЛГ 1997, №39). В. Путин в изображении СМИ входит в будущее **человеком приказывающим**, способным на императивные интонации, видимо, отвечающие пожеланиям значительной части общества.

Литовский коллега В. Путина в свете осуществляемых речевых актов, данных в интерпретации литовских СМИ, выглядит иначе. Вообще, говоря об изображении литовскими средствами массовой информации нынешнего президента Литвы Валдаса Адамкуса, видимо, нельзя пройти мимо того факта, что в недалеком прошлом — в бытность президентами бывшего лидера литовских коммунистов А. Бразаускаса и подвергнувшегося процедуре импичмента Р. Паксаса — литовская пресса почитала хорошим тоном не

столько сакрализовать власть, сколько понизить ее авторитет. Не буду останавливаться на политических причинах указанного положения вещей – сегодня, скорее, важно другое – традиций почитания власти практически не создано, они творятся сейчас. Приведу пример – макетировщик одной из газет, имеющих строго выдерживаемую национальную концепцию (“Voruta”), получил замечание за то, что фотография президента, принимающего гостей, по размеру оказалась недостаточно большой. В этой же газете на первой странице, естественно, очень крупным шрифтом сообщается о визите В. Адамкуса в Румынию – причем делается это в весьма торжественных интонациях, на мой взгляд, не соответствующих важности поездки: *Первый полет Президента Литвы Валдаса Адамкуса в Румынию* (Pirmasis Lietuvos prezidento Valdo Adamkaus skrydis į Rumuniją).

С моей точки зрения, эти факты достаточно красноречивы – они свидетельствуют о концепции создания авторитета власти средствами ее невербального изображения. Интересно, что попытки «сакрализации» верховной власти, символизирующей государственность, осуществляются в одном ряду с продолжающимися выпадами в ее адрес в оппозиционных газетах, происходящими порой в бранной форме: так, Адамкус может именоваться «еще тем авторитетом», похожим на «впавшего в детство старика» (“Laisvas laikraštis”). При разнообразии отношения к власти, зафиксированного в российских средствах массовой информации, мне не пришлось наблюдать такой полярности избираемых средств, как это имеет место в литовских СМИ. Повторюсь, возможно, это связано с формирующимися формами изображения власти в стране, стремящейся воплотить свободу слова так, как это представляется тем, кто находится в начале пути освоения европейских демократических ценностей.

Однако вернемся к характеристике речевых действий В. Адамкуса в литовских СМИ. Президент Литвы никогда не *приказывает* (*įsako*), но довольно часто *требует* (*reikalauja*) и *просит* (*prašo*):

Adamkus reikalauja neskriausti mokslo ir švietimo / Адамкус **требует** не обижать науку и образование (www.lrt.lt/news.php?strid=5042&id=1071580),

Prezidentas reikalauja premjero paaiškinimų apie Vyriausybės nuveiktus darbus stabdant nelegalias statybas / Адамкус **потребовал** от премьера пояснений о проделанной работе по приостановке нелегального строительства (<http://www.president.lt/lt/news.full/6737>),

Adamkus pirmadienį paprašė KT paaiškinti šio Teismo nutarimą, susijusį su Seimo sudaromomis laikinosiomis tyrimo komisijomis bei jų veikla / Адамкус **попросил** пояснить решение суда (search.delfi.lt/search.php?c=dns&q),

V.Adamkus nurodė dar penkis metus šalies policijai vadovausiančiam komisarui dabartinius policijos sistemos trūkumus ir paprašė imtis reikalingų reformų / Адамкус указал руководителю полицейских служб на существующие недостатки и **попросил** предпринять необходимые реформы (www.vpp.lt/print.php?type).

Если российский президент избегает в своих высказываниях директивных перформативов *требую* и *приказываю*, отдавая на волю прессы трактовать характер его речевых актов, то литовский президент сам употребляет перформатив *требую*: *Adamkus pareiškė: "Reikalauju, kad būtų pradėtas išsamus tyrimas"* / Адамкус заявил: «Требую, чтобы было начато всестороннее исследование...»

(www.delfi.lt/news/daily/lithuania/article.php?id).

Как отмечалось выше, глагол *требую* не связан ни с представлением об иерархическом ранге говорящего, ни с имплицированием обязательного исполнения требования. Тем не менее, подобное обозначение речевого акта указывает на желание говорящего придать высказываниям императивные интонации и внести лепту в изменение существующей ситуации, а значит – в определенное оформление будущего. Правда, сама же пресса иногда снижает иллокутивную силу акта требования, помещая этот глагол в неадекватный контекст: напр., *Адамкус не без повода рассердился и потребовал / Адамкус потребовал головы двух министров. Явная разговорность (головы министров)* или соединение с описанием человеческих страстей (*рассердился*), не совместимых с требуемой беспристрастностью президентских поступков, способствуют «десакрализации» власти, для которой оказывается не чуждым все человеческое.

О глаголе *просить*. В. Адамкус достаточно часто употребляет этот перформатив, а пресса выносит его в анонсы как обозначение речевого действия президента, создавая тем самым впечатление равно общающихся голосов в диалогическом пространстве властных отношений. Для сравнения: В. Путин в своих высказываниях употребляет глагол *просить* в первом лице, однако анонсов сообщений с этим глаголом как обозначением речевых действий российского президента в Рунете практически нет – обычно просят Путина: «Путину ежемесячно просят о помиловании, «Из Белого дома звонили и просили Путина...» и т.д.

Подведем итоги.

Нынешний президент России предстает в зеркале СМИ не столько в процессе порождения текста, сколько в процессе высказывания заранее оформившихся суждений по очень разнообразному кругу вопросов – так создается впечатление широкой осведомленности и твердости излагаемых позиций.

В. Адамкус, отвечая на неожиданные вопросы в ходе незапланированных интервью, транслируемых телевидением, предстает в процессе порождения текста, сопряженного с сомнениями и выбором словесных форм. Такая подача образа в меньшей степени работает на «сакрализацию» власти, нежели принятая в российской практике изображения В. Путина.

Путин в телевизионном изображении чаще других форм общения осуществляет диалог с определенной, четко очерченной аудиторией государственных чиновников. В этих случаях подчеркивается роль

ведущего (президента) и ведомых (его подчиненных). В случае общения с государственными деятелями других стран Путин предстает дружески расположенным собеседником – однако «кастовый» характер беседы сохраняется.

Аудитория В. Адамкуса неопределеннее в силу того, что его собеседники чаще всего не показываются камерой. Поэтому в данном случае «свита» не «играет короля» – эту роль он должен исполнить один.

Российский президент в гораздо большей степени, нежели литовский, обладает императивными интонациями в зеркале СМИ, что не может не играть на образ сильной и властной руки.

В. Адамкус интонациями приказа не владеет, что, с одной стороны, может быть связано с особенностями литовского государственного устройства, а с другой – с личными свойствами нынешнего президента, дающими повод нерасположенным к нему согражданам упрекать Адамкуса в отсутствии деятельности.

В целом же думается, что коммуникативное поведение СМИ в двух странах коррелирует с традициями отношения к власти в них.

Ермоленко Т.Ф. Патернализм в России: (Опыт культурно-исторического анализа). Отв. ред. А.Н. Ерыгин; Изд-во Рост. ун-та, 1999.

Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Три модели развития России, 2000.

Ремизов М. Проект «Государство-цивилизация» // Конституция России. Новый строй. Москва: ИНС, 2005.

Розеншток-Хюсси. Речь и действительность. Москва, 1994.

Уайт Хейден. МЕТАИСТОРИЯ: Историческое воображение в Европе XIX века / Пер. с англ. под ред. Е.Г. Трубиной и В.В. Харитоновой. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002

Фрумкина, Р. Лингвистика и критика социальных наук. // Изв. РАН. 2006, т. 65, №1,.

В.В. Макарова

О некоторых отличительных чертах политического дискурса России и Литвы

В лондонской газете “Metro” от 2 августа 2006 г. были процитированы следующие слова Тони Блэра по поводу ситуации на Ближнем Востоке: “This war ... can only be won by showing our values are stronger, better and more just, more fair than the alternatives”. Данное высказывание примечательно тем, что оно в эксплицитном виде представляет установку любого политического строя: наши ценности лучше. Вопрос же, чем и почему они лучше, часто остается без ответа.

Данная статья посвящена исследованию различий в двух политических культурах – России и Литвы. В истории обоих народов есть длительные периоды сосуществования в пределах единого государства, сегодня обе страны провозглашают курс на демократическое развитие общества, но – при общности номинаций, используемых для обозначения политического строя и партий, наличии ряда общих мест в политических программах и установлении целью деятельности власти в обоих государствах процветание страны – очевидно, что российская и литовская политические культуры – разные. Каковы же те ценности, которые «лучше и справедливее», и способы их трансляции в двух странах? В данной статье предлагается ответ на этот вопрос.

В качестве *tertium comparationis*, т. е. третьего для сравнения, нами была использована модель, состоящая из двух параметров: лежащие в основе порождения текстов бинарные базовые оппозиции и концептуальные метафоры. В основе такого выбора лежала мысль о том, что когнитивно-риторический анализ (по методу Э. Р. Лассан 1995), т. е. установление базовых оппозиций и концептуальных метафор, позволяет установить ценностные ориентиры субъекта дискурса. Материалом исследования послужили, во-первых, ежегодные послания российского президента В. Путина Федеральному собранию, ежегодные выступления литовского президента В. Адамкуса и тексты лидеров победивших на последних выборах в Думу российских партий (Единая Россия, КПРФ, ЛДПР) и прошедших в Европарламент литовских партий (Союз Отечества, Партия Труда, Партия социал-демократов).

К анализу были также привлечены материалы литовских газет «Lietuvos rytas» и «Республика» (а именно: освещение в них процесса отстранения от должности президента Р. Паксаса) и информационный бюллетень «Новости интеграции» (имеется в виду интеграция Литвы в Евросоюз).

Анализ бинарных оппозиций, лежащих в основе порождения исследованных текстов, позволил сделать вывод о том, что, во-первых, в культурах двух стран по-разному осмысливается антитеза Восток – Запад. Во-вторых, в оппозиции демократия – справедливость позитивной ценностью в литовской культуре является первый член (демократия), в российской – второй (справедливость). В-третьих, призывы литовских политических деятелей сделать Литву европейским государством, а российских – создать сильную державу, позволяют отметить различие в политических культурах двух стран по параметру европейская страна – сильная страна. Остановимся подробнее на каждой из выявленных пар ценностей.

Восток – Запад

В российской политической культуре первый, положительный, член данной оппозиции соотносится с Россией, второй, негативный, – с международным сообществом, странами с высокоразвитой экономикой, США, НАТО. В политическом дискурсе прослеживается

противопоставление ценностей чужих, западных, их, западного пути развития и своих, наших ценностей, особого пути России.

Партийные лидеры призывают основываться в решении государственных задач на *традиционных этических ценностях: уважении к своим корням, Родине*. Используемые в предвыборной агитации лозунги также строятся на топосах национальных ценностных ориентиров: *Мы верим в Россию, в ее народ! Мы гордимся нашей историей и уверенно смотрим в будущее!* А «западные стандарты в России, – как говорит лидер российской партии ЛДПР, – просто не проходят». Примером не только осознания различия в ценностных установках, но и их конфронтации, могут послужить цитаты из Посланий Федеральному собранию президента страны, закономерностью в которых является выражение мысли о необходимости сотрудничества с другими странами, но одновременно с этим делается оговорка о противостоянии России и других стран: *Холодная война осталась в прошлом, но и по сей день приходится преодолевать ее тяжелые последствия. Это – и попытки ущемления суверенных прав государств под видом «гуманитарных» операций...* Утверждается также, что ведущие экономические державы мира угрожают не только материальному, но и духовному благополучию России: *Сможем ли мы сохраниться как нация, как цивилизация, если наше благополучие вновь и вновь будет зависеть от <...> благосклонности лидеров мировой экономики?*

В литовской политической культуре, наоборот, Восток наделяется негативной коннотацией, а Запад – положительной: *Integracija į euroatlantines struktūras sugrąžino mūsų tėvynę į Europą... Tai pirmosios mūsų valstybės pavasario gėlės, kurias būtinai saugoti nuo šalno, grasinančių tams iš Rytų.* / *Интеграция в евроатлантические структуры вернула нашу родину в Европу... Это первые весенние цветы нашей страны, которые нужно уберечь от заморозков, грозящих нам с Востока.*

Из данной цитаты следует, что Литва осознается естественной частью Европы, из которой на некоторое время Литва была исключена, Восток же представляется источником угрозы. Лидер литовских консерваторов предупреждает избирателей в ходе кампании по выборам в Европарламент об опасности, исходящей от *русских денег / rusiški pinigai, российского олигарха / rusų oligarchą, ориентированных на Литву денег кремлевских стратегов / Kremliaus strategų orientuoti į Lietuvą pinigai*, и в то же время данные тексты носят отпечаток предшествующей эпохи, когда Литва относилась к восточному миру. Об этом свидетельствуют использование знаменитого выражения *подписанный не чернилами, а кровью / ne rašalu, bet krauju rašytas*, намеки на раскрытие *предательств / išdavystes*; написание слова *Родина / Tėvynė* с заглавной буквы (что не характерно для представителей иных литовских политических партий).

Спустя год после референдума, на котором большинство граждан Литвы проголосовало за членство в Евросоюзе, политические лидеры продолжали

доказывать отличие восточной модели союза от западной, т. е. Советского Союза от Евросоюза: *Totalitarinė Sovietų Sąjunga buvo unitarinė valstybė. ...Europos Parlamentas pastatytas ant kitų pamatų. <V>ienos partijos diktatorė. / Тоталитарный Советский Союз был унитарным государством. ...Европарламент стоит на другом фундаменте. Никакого диктатора одной партии нет.*

Однако Евросоюз точно так же, как и Советский Союз в былые времена, представляется семьей народов. В обращении Партии Труда к народу говорится, что их представители в Европарламенте позаботятся о том, чтобы *гарантировать нашему государству подобающее место в европейской семье / garantuoti mūsų valstybei deramą vietą Europos šeimoje*. Существенным обстоятельством при этом является то, что в европейской семье литовский народ занимает позицию зависимого члена: *Не нужны мы будем Европе грязными, запущенными / Europai mes nebūsim reikalingi šiukšlini, apsileidę*, – так, например, обосновывается литовскими социал-демократами потребность привести в порядок свалки. Таким образом, очевидно, что для Литвы одобрение Европы и ее готовность к сотрудничеству является важным обстоятельством.

Итак, если в российской политической культуре Восток является позитивной ценностью и соотносится с Россией, то в литовской политической культуре позитивной ценностью является Запад, причем сама Литва прототипическим западным государством не представляется.

Справедливость – демократия

В российской политической культуре важное место занимает ценность справедливости, о чем свидетельствует высокая частотность и положение в сильных частях текста слова *справедливость*: лозунги (*Порядок и справедливость – вот стержневые основы нашей политики!*), а также названия некоторых политических движений («Справедливая Россия») демонстрируют приверженность ценности справедливости.

В текстах от имени партийных лидеров о справедливости говорится как об одном из ценностных ориентиров субъекта политического дискурса: *На наших знаменах будут написаны слова – ...законность и справедливость*. Однако субъекты дискурса не раскрывают, что они подразумевают под данными номинациями и каковы пути достижения желанных ценностей. В отличие от партийного дискурса, в президентском дискурсе наблюдается попытка объяснения, что включает говорящий в понятие справедливости, – это *равенство возможностей, правовые гарантии*, существование некоего контролирующего субъекта (*профессиональный контроль за справедливостью трудовых контрактов*).

В отношении функционирования прилагательного *справедливый* можно отметить следующее: в дискурсе российских партий признак *справедливый* сочетается с существительными *общество, будущее, зарплаты и пенсионная система*, которые называют цель деятельности. В дискурсе

президента признаком *справедливый* наделены средства достижения справедливости: *доступ к образованию, борьба с преступностью, законы, отношение государства к предпринимателям*. Причем, если в отношении общества и зарплаты признак *справедливый* возможно заменить синонимом (*справедливое общество* – это общество, где все равны; *справедливая зарплата* – зарплата, адекватная трудовым затратам), то наделение законов и борьбы с преступностью признаком *справедливый* этого сделать не позволяет: какой должна быть борьба с преступностью, чтобы считать ее справедливой?

В литовской политической культуре о справедливости говорится редко, в политической риторике преобладает апелляция к ценности демократии, на чем мы подробнее остановимся ниже. Тут же хотелось бы отметить то, что в дискурсе президента Литвы, в отличие от литовских партийных лидеров, наблюдается обращение к обеим ценностям: как к демократии, так и к справедливости. Справедливость литовским президентом обозначается и как цель деятельности власти (*strateginis tikslas... – socialinis teisingumas / стратегическая цель... – социальная справедливость*), и как средство в достижении иных целей (*Viena... pasitikėjimo sąlyga – ...socialinis teisingumas / Одно... из условий доверия (народа к власти. – В.М.) – ...социальная справедливость*). Однако содержание понятия справедливость им не раскрывается.

Наибольшим престижем в литовском обществе обладает ценность демократии. Например, обосновывая решение поддержать начало войны в Ираке в 2003 г. власти Литвы апеллировали именно к ценностям демократического строя: *Prisiėmėme demokratinių valstybių atsakomybę ginti civilizacijos vertybes. Lietuva... kartu su senos demokratijos valstybėmis ...Gins Europos ir pasaulio saugumą. / Мы принимаем ответственность демократических стран защищать ценности цивилизации. Литва... со странами с устоявшимися демократическими традициями ... Будет обеспечивать безопасность Европы и мира.*

В качестве довода (или вместо одного) достаточно было прибегнуть к «парольному» слову *демократия*, используемому также во множестве других политических тезисов: так, в настоящее время невыдача Литве опального литовского политика В. Успасских, укрывающегося от преследований в России, именуется *оскорблением Литвы как демократического государства*. Из текстов литовских партий следует, что ценность демократии уже присуща литовскому обществу, однако литовскую демократию следует укрепить / *sustiprinti Lietuvos demokratiją*, что является целью деятельности партий. Образцом в достижении этой ценности служит Запад: *įsijungsime į Vakarų demokratijos gynybos bendriją / включимся в западное сообщество защиты демократии*. Препятствием на пути к окончательному построению демократии является создание *искусственной демократии* / *daro demokratiją dirbtinę*.

Выделение различных видов демократии не ново: еще при советской власти существовало противопоставление демократии подлинной и буржуазной, а в сегодняшней России говорится о различии демократии суверенной и западной.

При анализе текстов литовских партий попыток показать, что понимает говорящий под *демократией*, не обнаружено. В дискурсе же президента Литвы вербализируется понимание сущности демократии – это права и свобода человека, доверие народа к власти, гражданское общество, общие нравственные ценности и принципы. Как и в случае функционирования термина *справедливость* в дискурсе российского президента (справедливость как равенство возможностей, закон и контроль), повторение литовским президентом общих мест о сущности демократии не позволяет ясно представлять содержание данной ценности и пути ее достижения.

В российском политическом дискурсе к ценности демократии апеллирует президент страны: в его посланиях Федеральному собранию утверждается, что ценность демократии *не противоречит нашей самобытности и патриотизму, приверженность демократическим ценностям продиктована волей нашего народа*, однако следует *найти собственную дорогу к строительству демократии*, демократия провозглашается *целью государственного строительства*. Однако содержание понятия демократии в ежегодных посланиях главы государства не раскрывается. Лидеры российских политических партий в предвыборной агитации вообще не апеллируют к ценности демократии. Тут нужно отметить то обстоятельство, что в период думских выборов еще не использовался введенный позже, в начале 2006 г., термин «суверенная демократия». Введение этого термина открывает возможности вербального размежевания понятий западной и суверенной демократии, что, в свою очередь, может привести к возрастанию частотности упоминания ценности демократия – в словосочетании *суверенная демократия* – в российской политической культуре.

При сравнении двух культур были установлены две закономерности в порождении текстов от имени партий и от имени президентов.

В дискурсе как российских, так и литовских партий наблюдается однозначное тяготение к одному из ценностных полюсов: или к справедливости и равенству – в России, или к демократии и свободе – в Литве, сущность же данных ценностных категорий субъектами дискурса не раскрывается. Отношение говорящих от имени партий к «непопулярной» ценности (демократии в России и справедливости в Литве) таково: в анализированных текстах литовских партий упоминает о справедливости социальной один из членов одной партии, в текстах иных партий речь идет лишь о справедливости в юридическом смысле (в лит. яз. значения лексемы *teisingumas* – 1. справедливость, 2. правосудие). Исключением является партия экс-президента Литвы Р. Паксаса,

отстраненного от должности в результате политического скандала, девиз которой – «Порядок и справедливость». Партия имеет представителей в Сейме, следовательно, эти ценности находят отклик у определенной части электората в Литве. В дискурсе российских партий имя «непопулярной» ценности встречается чаще, но используется оно с негативной коннотацией: *эта «демократия», слащавая речь ... демократия.*

В дискурсе президентов России и Литвы ценностные ориентиры *справедливость* и *демократия* совмещаются в одном текстовом пространстве. Частотность упоминания обеих ценностей сходна, но если понимание «популярной» ценности говорящим эксплицируется, то на долю «непопулярной» выпадает просто констатация ее важности для говорящего. Установленное в текстах президентов сходство, возможно, обусловлено стремлением соответствовать ожиданиям как можно большего числа адресатов внутри и за пределами страны или эклектичностью мышления субъекта дискурса.

Сильная страна – европейская страна

В российской политической культуре часто говорится о необходимости построения (возрождения, укрепления) сильной страны, державы (Державы), высокой частотностью и положением в сильных частях текста обладают лексемы *сила* и *сильный*. Для иллюстрации приведем примеры из посланий президента, центральной оппозицией в которых является оппозиция *сила – слабость*.

Безусловно, положительной коннотацией наделяется первый член данной оппозиции – понятие силы. В посланиях констатируется необходимость и неотвратимость достижения ценности силы: *Единственным же для России реальным выбором может быть выбор сильной страны.* Предпочтительность ценностного полюса силы в отличие от полюса слабости обосновывается от противного, демонстрацией негативных последствий от проявления слабости: *Во все периоды ослабления страны <...> вставала угроза распада.* Что же подразумевается под словосочетанием *сильная страна*?

В текстах посланий российского президента утверждается, что, во-первых, сильная страна самостоятельно решает экономические проблемы: *Долгое время мы выбирали: опереться на чужие советы, помощь и кредиты или – развиваться с опорой на нашу самобытность, на собственные силы.*

Во-вторых, сильная страна способна удержаться на мировом рынке: *В период слабости – нашей слабости – многие ниши на мировом рынке нам пришлось уступить.* Два этих признака связаны с экономической стороной развития общества.

Третий признак, по которому определяется сильная страна в анализируемом корпусе текстов, – это наличие подготовленной армии: *Россия будет сильной страной – с современными, хорошо оснащенными и мобильными вооруженными силами.*

Четвертый признак сильной страны – это наличие гражданской, политической и экономической свободы в стране: *Но наша позиция предельно ясна: только сильное, эффективное, если кому-то не нравится слово «сильное», скажем эффективное государство и демократическое государство в состоянии защитить гражданские, политические, экономические свободы, способно создать условия для благополучной жизни людей и для процветания нашей Родины.* Данная цитата показательна следующим: в ней говорящий поясняет, что он имеет в виду под определением «сильный»: *эффективный и демократический* – эти слова могут, по мнению говорящего, выразить смысл ‘сильный’.

Словосочетание *эффективное государство*, по-видимому, подразумевает *эффективное управление государством*. Перифраза *демократическое государство*, на наш взгляд, не способствует прояснению смысла понятия «сильное государство», т. к. и *демократия*, и *демократический*, выполняющие в современном политическом дискурсе роль симулякров, сами нуждаются в пояснении, что они означают.

Наше внимание в приведенной выше цитате привлекли также следующие моменты. Во-первых, оговорка: *если кому-то не нравится слово «сильное», скажем эффективное...* Такая поправка говорящего свидетельствует об осознании им факта, что адресат может не только задаться вопросом, что означает «сильное государство», но и не согласиться с подобной формулировкой.

Во-вторых, обращает на себя выбор говорящим глагола «защитить» – *защитить гражданские, политические, экономические свободы* – при возможном выборе из целого ряда подходящих тут по смыслу глаголов: свободы волею субъекта можно *обеспечивать, нестовать, уважать*, свободы и сами по себе могут *быть, существовать*. Выбор в данном случае лексемы *защитить* имплицитно означает, что некто посягает на эти свободы, раз они нуждаются в защите. Причем, если на экономическую свободу гражданина могут посягать, например, владеющие капиталом лица, то ограничивать гражданскую и политическую свободу человека может в первую очередь не кто иной, как само государство.

В-третьих, хотелось бы обратить внимание на написание в данной цитате слова «родина» с заглавной буквы (что в отношении одного литовского политического лидера было интерпретировано нами выше как бессознательная трансляция отвергаемых говорящим на вербальном уровне ценностей). В одной работе исследователя И. Волковой об анализе речевого поведения президента в спонтанных устных выступлениях отмечается такой используемый президентом прием воздействия на аудиторию, как вовлечение в речь идентифицируемых с советским прошлым образов. Как пишет автор работы, данные отсылки направлены «на восстановление связей с идейным наследием, прерванных в ельцинское правление» (Волкова 2000).

Пятым, последним из обнаруженных нами признаков, приписываемых сильной стране субъектом дискурса, является территориальная целостность государства: *Весь наш исторический опыт свидетельствует: такая страна, как Россия, может жить и развиваться в существующих границах, только если она является сильной державой.* Необходимость непрямого сохранения очертания государственных границ доказывается при помощи апелляции к истории: *Именно таков тысячелетний исторический путь России. Таков способ воспроизводства ее как сильной страны.* В дискурсе партий в призывах к строительству сильной страны также наблюдается обращение говорящего к духовным ценностям: *Для того чтобы возродить сильную Державу... Воссоединить разделенный русский народ. Восстановить историческое братство наций... Для того, чтобы всем нам жить в справедливом обществе... Восстановить физическое и духовное здоровье нации.*

В литовской политической культуре не популярна апелляция к ценности силы, здесь целью является становление не сильной, а европейской страны, органической части содружества остальных европейских стран, что обосновывается и собственным желанием, и исторической необходимостью такого решения. Многие путеводители по стране начинаются с данных о том, что Литва является географическим центром Европы, на литовских автомагистралях стоят указатели о направлении и расстоянии до него. Вступление Литвы в Евросоюз именуется «возвращением» страны в свое естественное пространство, к своему натуральному пути развития. Таким образом, и географические, и исторические свидетельства призваны демонстрировать естественность выбора Литвы быть европейской страной. После подписания на саммите в Афинах в 2003 г. договора о предполагаемом вступлении Литвы в Евросоюз, данное событие в политическом дискурсе стало именоваться «историческим моментом», важность которого подчеркивалась точным указанием часа подписания договора: *16 часов 36 минут.*

В агитационной кампании перед референдумом о вступлении в Евросоюз, когда население должно было выразить свое отношение к потенциальному членству своей страны в Евросоюзе, заголовки газет пестрели словами «праздник» и «праздновать». Народ был проинформирован о том, какие празднества проходили на Мальте, в Словении и Венгрии в связи с согласием большинства пришедших на референдум граждан вступления их стран в Евросоюз. *Будем ли и мы праздновать?* – задавался вопрос со скрытой пресуппозицией, что только совпадение результатов голосования с вектором официальной пропаганды может являться причиной для радости.

Через год после референдума праздник в Литве действительно состоялся: по поводу вступления в Евросоюз на улицах, превращенных в день веселья и ликования в плацдарм для торговли угощениями и концертов, наблюдалось великое столпотворение (такое же

столпотворение, однако, можно было видеть у международных билетных касс и вокзалах с международными рейсами). В период дебатов о степени важности членства Литвы в Евросоюзе и после претворения этого плана в жизнь по столичным улицам ездили троллейбусы с надписью: “*Būkime europiečiai!*” («Будемте европейцами!»), что сначала могло трактоваться как призыв к правильному голосованию, а после принятия решения – как призыв быть достойными европейскими гражданами. Как же в литовской политической культуре понимается европейскость, какой должна быть Литва, чтобы с полным правом называться европейским государством?

Сущность понятия «европейская страна» содержит, как показывает исследованный корпус литовских текстов, два аспекта: духовный и материальный. В частности, это можно видеть по ежегодным выступлениям президента Литвы. Так, им утверждается, что в Европе, в первую очередь, уважают человеческую личность: *Žmonės yra didžiausia Europos vertybė ir pagrindinis Europos Sąjungos tikslas* / Люди – величайшая европейская ценность и основная цель Евросоюза, – цитирует президент коллег из Лиссабона. Президент Литвы неоднократно и практически во всех своих выступлениях апеллирует к ценностям прав и свободы человека, законности, гражданского общества, например: *Mūsų priimta Europos konstitucinė sutartis žmogaus teisių apsaugą iškelia į naują lygmenį. Piliečių teisės ir laisvės, visų lygybė prieš įstatymus turėtų būti svarbiausias valstybės prioritetas.* / Принятый нами Европейский конституционный договор поднимает на новый уровень защиту прав человека. Права и свободы граждан, равенство всех перед законом должны быть важнейшим государственным приоритетом.

Однако не духовный, а материальный аспект содержания понятия «европейская страна» имеет больший вес и в президентской, и в целом в общественно-политической риторике Литвы. Президент провозглашает благополучие и достижение приемлемого экономического уровня важнейшими целями государственного строительства по образцу европейских стран: *Pagrindiniai mūsų siekiai – priartėti prie Europos Sąjungos ekonominio lygio vidurkio. Основные наши устремления – приблизиться к среднему экономическому показателю Евросоюза.* Причем европеизация Литвы скажется не только на благополучии, но также и на безопасности существования: *Narystė Europos Sąjungoje <...> istorinė galimybė ir geriausia prielaida siekti strateginių tikslų – gerovės ir saugumo.* / Членство в Евросоюзе историческая возможность и лучшая предпосылка для достижения стратегических целей – благополучия и безопасности. Достижение «стратегической» цели, т.е. повышение уровня жизни до желаемой отметки, президент призывает осуществить в установленный срок – пятнадцать лет.

То, что европейские материальные ценности имеют большее значение для литовского общества, нежели европейские духовные ценности, можно еще четче представить на материале проевропейской агитации в Литве –

это подробное изложение, каких размеров дотации и инвестиции рассчитывает страна получить из европейских финансовых структур, прогнозы темпов роста доходов населения и ВВП. Под заголовками «Европа для нас» и «Польза от вступления Литвы в Европейский Союз для различных общественных групп» можно увидеть ряды цифр и инструкции по улучшению благосостояния.

Таким образом, пути достижения материального благополучия относительно ясны, но средства приобщения литовского общества к европейским духовным ценностям не столь понятны, т. к. в политической культуре Литвы им уделяется меньшее внимание. Частотность упоминания материального аспекта в строительстве европейской страны, Литвы, приводит к тому, что в иерархии ценностных ориентиров духовные ценности начинают занимать в литовском обществе подчиненное положение.

В качестве иллюстрации можно привести пример аргументации из академической жизни: в 2006-2007 гг. в Вильнюсском университете осуществляется реформа, одним из результатов которой будет являться сокращение штата сотрудников, причем целесообразность увольнения работников с научными степенями обосновывается также и тем, что увольнение ассистентов не принесло бы столь ощутимой экономической выгоды.

Таким образом, еще одно отличие в политической культуре России и Литвы заключается в том, что в России государственная деятельность ориентирована на ценность сильной страны, при этом апелляция к духовным и материальным ценностям по частотности и престижности сходна. Литва провозглашается европейской страной, при этом большим престижем пользуются в обществе материальные ценности.

Политика – это борьба. Политика – это путь.

В политической культуре и России, и Литвы многие тексты строятся на развертывании концептуальных метафор БОРЬБЫ и ПУТИ, что представляется закономерным, т.к. обе эти метафоры характерны для политического дискурса многих стран.

Наиболее частотны в политической культуре обеих стран следствия из метафоры БОРЬБЫ. Как пишет Е.И.Шейгал, «фактором «милитаризованности» политического дискурса является сущностная агональность его объекта отражения, поскольку суть политики – борьба за власть» (Шейгал 2000, с.305).

Наряду с метафорой БОРЬБЫ в основе порождения многих текстов лежит метафора ПУТИ, при этом направление пути определяется как *путь вверх* и *путь вперед*, согласно ориентационным метафорам, определяющим, что хорошее, как правило, находится наверху, а будущее – впереди (Lakoff, Johnson 2003). И в российской, и в литовской лингвистике проблемам политической метафоры уделено достаточное внимание (напр., Баранов, Караулов 1994; Чудинов 2003; Cibulskienė 2006), поэтому в

рамках данной статьи хотелось бы остановиться на одном особом, присущем политическому дискурсу Литвы, моменте – это порождение текстов на основе педагогической метафоры.

Политика – это экзамен

Осмысление политических процессов в терминах ЭКЗАМЕНА является отличительной чертой литовской политической культуры. Так, в предвыборных текстах используется школьная лексика: *Pakso krizės pamokos* / уроки паксовского кризиса («паксовский» образовано от фамилии экс-президента Литвы Роландаса Паксаса). Вынесенный в название одной статьи вопрос от имени Союза Отечества – *Sдаст ли экзамен демократическая коалиция?* / *Ar demokratiją koalicija išlaikys egzaminą?* – подразумевает, что коалиции представляются учащимися, а кто экзаменатор, Евросоюз или другие институты, умалчивается.

В текстах социал-демократов учащимися представляются избиратели: голосующие «правильно» – это отличники, остальные – это *второгодники* и *упрямцы* / *nepažangūs ir užsispyrę*. Но отличие правильного ответа, т. е. правильной отметки в бюллетене, от неправильного не объясняется. Констатируется, что некоторые *не в состоянии сдать экзамен, т.к. выбирают плохой вариант ответа... И так на каждом экзамене по выборам.* / *Neišlaiko egzamino, nes pasirenka blogą atsakymo variantą. Ir taip per kiekvieną rinkimų egzaminą.* И из-за этого протирают штаны, *сидя за теми же партами еще несколько лет* / *sėdėdami tame pačiame suole dar keletą metų.*

В терминах ЭКЗАМЕНА описывался в литовских СМИ и так называемый «президентский» скандал, развернувшийся в Литве с октября 2003 г. по апрель 2004 г. История скандала началась с появления 21 октября 2003 г. справки Департамента госбезопасности Литвы «О негативных тенденциях, создающих угрозу национальной безопасности государства». В результате расследования двух комиссий 7 апреля 2004 г. Роландас Паксас был отстранен от должности президента.

Скандал, будучи частью политической жизни, часто осмысливается в терминах метафор, характерных в целом для политического дискурса. Например, М. Кочкин (Кочкин 2003) исследовал метафоры англо-американского и российского политических скандалов и пришел к выводу, что треть их составляют метафоры войны, чуть меньше трети – метафоры различных неблагоприятных природных явлений, по одной десятой приходится на метафоры театра и механизмов.

В литовском «президентском» скандале, как показало наше исследование, удельный вес метафоры войны гораздо выше: около половины примеров метафор составляет военная метафора. Метафоры природных явлений не столь частотны, вообще не используется метафора театра (за исключением одного примера театральной лексики – слова «сценарий»). Особой чертой является то, что в отличие от англо-американского и российского дискурсов, в порождении текстов о скандале

участвовала метафора ЭКЗАМЕНА. Пример: *Скандал – это серьезный экзамен для наших государственных институтов, политиков, общества. Едва ли сегодня можно однозначно утверждать, что мы его сдаем безупречно. Это испытания для экзаменующихся и для экзаменаторов. На вопрос, на предмет чего проверяются знания, ответ есть: это экзамен по демократии.*

Если принять метафору скандал – это ЭКЗАМЕН, то каковы следствия из нее, кроме того очевидного, что экзамен по демократии сдает вся страна? Следствия эти, вероятно, будут таковы. Экзамен – не самое приятное, но необходимое событие в жизни учащихся. Экзамен можно отложить, но не рекомендуется отменять, ибо это может сказаться на будущей карьере. Несмотря на то, что процесс сдачи экзамена представляется испытанием, на самом экзамене стороны чаще всего настроены на сотрудничество. Экзаменаторы лучше знают данную дисциплину, а компетентность экзаменуемого в этом вопросе покажет результат экзамена. Кто же является экзаменатором, в дискурсе литовских политических лидеров не раскрывается. Очевидно, в этом заключается неясность мышления, открывающая лазейку для демагогии.

В заключение хотелось бы отметить то, что обозначенные выше отличительные черты российской и литовской политической культуры могут также помочь объяснить некоторые социальные явления в жизни двух стран. Например, почему в Литве, в отличие от России, практически нет ни одной семьи, которую бы не затронула массовая эмиграция людей в Западную Европу, нелегальная до 2004 г. и легальная – по сей день?

Ответом могут послужить следующие причины:

1) В оппозиции Восток – Запад положительным полюсом представляется Запад, по отношению к которому Литва занимает периферийное положение, не являясь центральным членом категории европейские страны. В российской политической культуре в оппозиции Восток – Запад ценностью является Восток, причем с Востоком отождествляется сама Россия. Таким образом, передвижение в географическом пространстве по направлению к положительному полюсу (т.е. еще к более восточному и позитивному Востоку) из России невозможно.

2) Для литовской политической риторики характерна апелляция к материальным ценностям (например, сосредоточенность на цели повышения жизненного уровня и способах достижения этого – в агитации за вступление в Евросоюз и ежегодных посланиях литовского президента), тогда как российская официальная пропаганда стремится сохранить баланс в обращении к материальным и духовным ценностям (например, новостные передачи на государственном телевидении информируют о цели и способах достижения таких целей, как повышение престижа семьи, воспитание национальной гордости).

Присутствие в когнитивных структурах носителей идеи патриотизма, о чем говорит включение слова «патриотизм» в характеристику политических сил (*патриотические силы* – так именуют себя коммунисты и другие), видимо, также способствует внедрению в сознание аудитории мысли о том, что не хлебом единым жив человек.

3) Литовская политическая культура ориентирована на построение европейской страны по известным образцам, в российском политическом дискурсе объявляется курс на построение сильного государства по своей собственной модели. Кроме того, осуществляющие контроль субъекты, которым Литва «сдает экзамен», несмотря на их референтную неопределенность, находятся, по-видимому, вне страны, в российском политическом дискурсе авторитетный контролирующий субъект, справедливо распределяющий блага, находится внутри страны, рисуемой самодостаточным, независимым, особенным пространством.

Думается, это может объяснить, почему Лондон наводнен выходцами из Литвы, а «нам, русским, за границей иностранцы ни к чему» (Б. Гребенщиков 2006).

Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор. Москва, 1994.

Волкова И., Слово Путина. // Эксперт, 14.02.2000, № 6 (219). <http://www.expert.ru/printissues/expert/2000/06/06ex-content1/> (10.11.2006)

Кочкин М.Ю. Политический скандал как лингвокультурный феномен. Автореферат на соискание уч. степ. канд. фил. наук. Волгоград, 2003.

Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago and London, 2003.

Лассан Э.Р. Дискурс власти и инакомыслия в СССР: когнитивно-риторический анализ. Вильнюс, 1995.

Cibulskienė J. Conceptual metaphor in the election discourses of Lithuania and Great Britain. Summary of doctoral dissertation. Humanities, philology (04 H). Vilnius, 2006.

Чудинов А.П. Политическая лингвистика (общие проблемы, метафора). Екатеринбург, 2003.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Москва – Волгоград, 2000.

А.Лихачева

Русская тема в медийном дискурсе Литвы

В данной статье не рассматриваются материалы литовских СМИ, касающиеся внешнеполитических вопросов или непосредственно связанные со взаимоотношениями Литвы и России. Речь пойдет лишь о той части литовского медийного дикурса, где обсуждаются актуальные

внутрилитовские проблемы. Анализ построен на медийном материале за период с начала 2004 по октябрь 2006 г., включающем высказывания не только работников литовских средств массовой информации, но и их собеседников и участников различных телевизионных и радиопередач: политиков, социологов, историков, философов, экономистов, рядовых жителей страны. Все фрагменты из печатных и звучащих средств массовой информации приводятся в оригинальном виде и в моем переводе¹.

1. В литовском общественном дискурсе последнего времени важное место занимает рефлексия и самоанализ. Темы «Какие мы?» и особенно «Какими нас видят другие?» обязательно включают русский мотив, обладающий иногда положительными, но чаще негативными коннотациями. Самонаблюдение, самооценка и зависимость от оценок Запада становятся темой многих публикаций, и, как правило, в них присутствует сравнение с Россией, апелляция к общему с Россией прошлому.

Например, в журнальной статье о путешествии группы литовских бизнесменов по Золотому кольцу России одна из участниц поездки рассказывает: «Испытанные впечатления сравнимы с полетом на машине времени обратно в прошлое» (*Patirti įspūdžiai prilygo savotiškam skrydžiui laiko mašina atgal į praeitį*); «При общении с русскими складывалось впечатление, что они все еще сердятся на литовцев за то, что мы «оставили» их в Советской эпохе. Но мне кажется, что они просто завидуют, что нам живется лучше, чем им» (*Bendraujant su rusais susidarydavo įspūdis, kad jie vis dar pyksta ant lietuvių už tai, kad mes juos “palikome” sovietijoje. Bet man atrodo, kad jie tiesiog pavydi, jog mums yra geriau gyventi, nei jiems*) (S).

В другой публикации речь идет о планируемой налоговой реформе: «То, чего Литва собирается достичь, возможно, через три года, в большинстве европейских стран уже есть ... Даже Россия смогла гораздо раньше понять, что большие налоги гарантируют только большие неприятности» (*Tai, ką Lietuva ketina pasiekti po 3 metų, daugelis Europos šalių turi jau dabar ... Netgi Rusija sugebėjo daug anksčiau suprasti, jog dideli mokesčiai garantuoja tikrai didelius rūpesčius*) (LR).

«Постоянные разговоры о том, что надо прислушаться к мнению заграницы, ни в коем случае не испортить хороший имидж страны, напоминают советские времена, когда у нас всё волновались, как бы Москва не узнала чего о нашем неблагополучии ... Забывший о правде и чести чиновник должен бояться не мнения заграницы ... Порядочность - не

¹ В статье использованы некоторые материалы сообщения «Коммуникативное сознание жителей Литвы как отражение социокультурной интерференции», прочитанного на конференции «Взаимодействие языков и культур: русский язык в культурно-коммуникативном пространстве Новой Европы» (Рига, 2005) и опубликованного в сборнике сообщений конференции (с.234 - 242).

товар, предназначенный для экспорта» (*Nuolatinės kalbos atsižvelgti į užsienio nuomonę, šiuokštu nepagadinti gero šalies įvaizdžio primena sovietinius laikus, kai vis jaudintasi, kad apie kokias negeroves nesužinotų Maskva ... Tiesą ir dorą pamynęs pareigūnas turėtų bijoti ne užsienio nuomonės ... Dorovė nėra eksportui skirta prekė*) (LR).

Комментируя перипетии литовской политики, анализируя экономические успехи и проблемы Литвы, СМИ регулярно приводят параллели либо из современной российской действительности, либо из прошлого - периода СССР. Эти параллели являются фоном, благодаря которому сегодняшние события в Литве получают свою значимость и интерпретацию - понятные и приемлемые, по мнению интерпретаторов, для большинства потребителей информации.

Например, в качестве объяснения коррупции в Литве приводится журналистский анализ причин непрозрачной приватизации крупных промышленных объектов по аналогии с тем, что происходит в России. «Такая модель ... особенно распространена в восточных странах. Новейший пример – продажа на аукционе самого большого нефтедобывающего подразделения российского концерна «Юкос» ... За символическую цену его купила неизвестная, не имеющая никакой собственности фирма, потому что так захотел Кремль» (*Toks modelis ... ypač paplitęs Rytų valstybėse. Naujausias pavyzdys - Rusijos koncerno «Jukos» didžiausio naftos gavybos padalinio ... pardavimas aukcione. Už simbolinę kainą jį nupirko nežinoma, jokio turto neturinti bendrovė, nes taip norėjo Kremlius*) (LR).

Читатель газеты в письме в редакцию высказывает свое мнение об ответственности компании «Litesko» за аварию теплосетей в зимний период: «Даже в России таких представителей «Litesko» уже бы посадили, а у нас людишки только головами качают, словно какие-то бараны» (*Net Rusijoje šitokius «Litesko» atstovus jau būtų susodinę, o pas mus tik kinkuoja galvomis žmogeliai kaip kokie avinai*) (LR).

Еще одно качество литовцев, которое не позволяет им оторваться от прошлого - чинопочитание, боязнь конфликта с сильным, конформизм, ср.: «...Некоторые наши государственные чиновники, политики и общественные деятели больны врожденной болезнью – слишком сильным изгибом позвоночника в сторону Москвы» (*... kai kurie mūsų valstybės pareigūnai, politikai ir visuomenės veikėjai serga įgimta liga – per dideliu stuburo palinkimu į Maskvos pusę*) (LR); «Во время таких рассуждений из литовцев прет их азиатская природа» (*Iš tokių samprotavimų lenda azinė lietuvių tapatybė*) [LR].

Подобную точку зрения высказывают и философы: «Когда жалуются на недостаток гражданственности в Литве, это означает, что азиатский менталитет, усиленный советским периодом, гораздо сильнее способности оценить свободу» (*Kai skundžiamasi pilietiškumo stoka Lietuvoje, tai reiškia,*

kad sovietmečiu sustiprintas azinis mentalitetas yra daug stipresnis, nei laisvės vertinimas) (LR).

Будучи реальным географическим соседом Литвы, Россия в подобных текстах все дальше «отодвигается» на Восток, в Азию, и это служит объяснением и отправной точкой того сложного пути, который приходится пройти современной Литве, чтобы стать полноправным европейским государством.

«У каждого общества - свой потерянный рай» (*Kiekviena visuomenė turi savo prarastąjį rojų*), - пишет автор статьи «Почему так много литовцев тоскуют по советской эпохе?» (*Kodėl daugybė lietuvių taip ilgisi sovietmečio?*) (LR). По мнению автора статьи, одной из важнейших черт литовцев (в чем сами литовцы признаются неохотно) является их коллективистский менталитет, и именно это обстоятельство сближает Литву нынешнюю с Литвой советской и, соответственно, с Россией.

Однако принцип «не высываться, быть, как все» – не порождение советского периода, он имеет глубокие корни в образе жизни самих литовцев: с давних времен положительно оценивались только действия, полезные для всего коллектива – деревни, личные же инициативы противоречили общественному представлению о морали. Поощрение чувства коллективизма и осуждение индивидуализма находит широкое отражение в литовских поговорках, которые в последнее стали предметом исследования не только фольклористов, но и социологов, стремящихся объяснить феноменальную ностальгию литовцев по советскому прошлому. Согласно данным социологических опросов, к началу 2006 г. более половины жителей страны оценивали советскую эпоху положительно (LR), при этом следует отметить, что 83,5% населения Литвы составляют литовцы.

В экспертном отчете Института гражданского общества Литвы сообщается, что по сравнению с 1990 г. количество жителей Литвы, идентифицирующих себя с этой страной, к началу 2006 г. уменьшилось вдвое: от 66% до 34%. По мнению экспертов, такие перемены в общественных установках можно объяснить, во-первых, естественным снижением патриотизма после достижения цели – независимости страны, во-вторых, определенным разочарованием в идеалах периода борьбы за свободу (LR).

Известный политик Витаутас Ландсбергис подобные настроения литовцев комментирует в газетном интервью: «Если эта связь (между людьми, землей, памятью отцов, живой культурой) не восстановится, не окрепнет, не останется и Литвы, идентичной самой себе ... Перефразируя товарища Сталина, нет народа – нет проблемы» (*Bet jei tas ryšys neatsigaus, nestiprės, tai ir tapatingos sau Lietuvos neliks ... Nėra tautos – nėra problemos, perfrazuojant draugą Staliną*) (LR).

В то же время, согласно опросам общественного мнения «Евробарометр», проведенным осенью 2005 г. в 25 европейских странах,

Литва входит в тройку лидирующих стран Европейского Союза (вместе с Ирландией и Люксембургом) по количеству жителей, положительно оценивающих свое членство в ЕС (LR).

Русская тема, принижающая различные виды социальной интеракции литовцев - сферу культуры, обыденное общение, медийный, сетевой, политический дискурсы, - это не только описательные суждения, но и апелляция к русской классической литературе, российскому кино, массовой культуре, к русскому юмору, к советским символам и идеологемам.

Например, отсутствие у литовских политиков этических табу объясняется тем, что ее представители «Сделаны в России» (*Sdelany v Rosii*) (LR). Этот смысл дешифруется благодаря использованию советских клише и русских жаргонизмов в текстах статей и телекомментариев, например, протекционизм при приеме на работу в полицию или в Сейм характеризуется в телерепортажах и газетных комментариях как внедрение «метода семейного подряда» (*šeimyninės rangos metodai*) (LNK); «(чиновники) упорно развивают традицию семейного подряда» и «отстаивают свое право поступать так, как им «светит» в соответствии с их скромным личным разумением» (*nuosekliai plėtoja šeimyninės rangos tradiciją; stojo į nuožmią kovą už savo teisę daryti taip, kaip jiems «šviečia» pagal kuklų jų asmeninį supratimą*) (LR).

Автор другой газетной статьи рассуждает о беспрецедентном цинизме литовских политиков, который нельзя объяснить даже таким диагнозом, как «рецидивы советского номенклатурного мышления» (*sovietinio nomenklatūrinio mąstymo recidyvai*) (LR). Еще одна статья о коррупции во власти оживляет в сознании читателей «крылатую» фразу советских времен: «Веселитесь – жить стало лучше» (*Linksminkitės – gyvenimas gerėja*) (LR).

Вместе с тем ведущий радиодискуссии на тему «Почему для литовцев сладок червяк на русском крючке?» (*Kodėl lietuviams saldus sliekas ant rusiško kablio?*) начинает передачу с цитирования непререкаемого для литовцев авторитета: «Как писал Достоевский, человеку очень трудно перенести истинную свободу» (*Kaip rašė Dostojevskis, žmogui labai sunku pakęsti tikrą laisvę*) (R1).

Для литовского социума привычны и близки русские разговорные выражения и прецедентные высказывания, о чем свидетельствует органичность их появления в спонтанной речи, макаронический стиль смешения языков, нередко - своеобразный эффект «присвоения» этих текстов говорящими. Например, в радиопередаче о сессии студенты рассказывают о способах изготовления шпаргалок: «Складываешь длинный лист, и получается гармошка, по-народному, шпора» (*Sudedi ilgą lapą ir gaunasi garmoškė, liaudiškai sakant, špora*) (R1); ведущий телепередачи спрашивает у людей на улицах об их мнении о бесплатных концертах: «Почему ты ходишь на бесплатные мероприятия? Может они

там, как русские говорят, халтурят?» (*Kodėl renkiesi nemokamus renginius? Gal jie, kaip rusai sako, chaltūrina?*) (TV).

Слушательница радиодискуссии о литовской политической ситуации по телефону предъявляет претензии ее участникам: «Что вы, как русские говорят, всё кругом (*вокруг*) да около?» (*Ką jūs, kaip rusai sako, visio krugom da okolo?*) (R1).

Литовский модельер в радиопередаче о моде предлагает небогатым слушателям критически пересмотреть свой гардероб: «Есть такая русская поговорка: голь на выдумки хитра. Эта поговорка гениальна» (*Yra toks rusiškas posakis: gol na vydumki chitra. Jis yra genialus*) (R1); «Есть прекрасное русское выражение: «Пять минут стыда – и всё пошло дальше» (*Yra nuostabus rusiškas posakis: Piat minut styda - i visio poshlo dalshe*), – говорит ведущая ток-шоу «Женщины и мужчины» (*Moterys ir vyrai*) (TV); письмо в редакцию газеты о малопоказательных рейтингах политиков его автор начинает так: «У русских есть поговорка: на безрыбье и рак рыба ... Нет в Литве выбора, поэтому при опросах люди выбирают более известных и менее вредоносных)» (*Rusai turi patarlę: kai nėra žuvų, tada ir vėžys – žuvis ... Nėra Lietuvoje pasirinkimo, todėl apklausose žmonės renkasi labiau žinomus bei mažiau kenksmingus*) (LR).

Таким образом, спаянность с русской ментальностью оказывается гораздо сложнее и противоречивее, чем это могли бы предположить радикальные политики. И осознание данного факта в последнее время стало явно тревожить литовское общество, по крайней мере, именно так комментируют это явление журналисты: «Видимо, слишком многие в нашей стране все еще не освободились от духовной зависимости от России, свойственной вассалам» (*Matyt, per daug žmonių mūsų šalyje vis dar nėra atsikratę vasališkos dvasinės priklausomybės nuo Rusijos*) (LR); «Будем откровенны: Москва успешно использует то, что мы сами не можем устоять перед притяжением Востока» (*Būkime atviri: Maskva sėkmingai naudojasi mūsų pačių neatsparumu Rytų traukai*) (LR).

Судя по востребованности российских исполнителей и по количеству российских фильмов на литовских телеканалах, русский стандарт в области массовой культуры воспринимается большей частью жителей Литвы как значительно более близкий, чем западный. «Часть общества попала в такую зависимость от русской поп-культуры, какой не было даже в годы оккупации» (*Dalis visuomenės pateko į tokią priklausomybę nuo rusiškos popsinės kultūros, kokios nebuvo net okupacijos metais*) (LR).

Некоторые аналитики это оценивают как падение нравов, добровольную деградацию. «Видимо, хамизм присутствует в крови литовцев вместе с тромбоцитами ... В старину было модно вставить в разговор латинскую сентенцию, демонстрирующую хорошее образование. Позже – пару французских слов, чтобы было заметно, что вы родились в хорошей семье, в которой для вас нанимали гувернантку-француженку. Времена меняются: теперь модно говорить с русским акцентом или по-

русски. Увы, не на русском языке Толстого, Пастернака или Ахматовой. Наиболее популярно – на языке Нагиева, любителей семечек, на базарном языке», - пишет автор статьи «Быть хамом - очень модно»² (*Būti chamu - labai madinga*) (S).

Можно говорить о значительной зависимости литовцев от русской ценностной картины мира. Понятие «ценностная картина мира» может быть выделено наряду с понятием «языковая картина мира». Это соотношение определяется В. И. Карасиком следующим образом: «Языковая картина мира является частью ментальной картины мира и в свою очередь может быть разбита на определенные области или представления в виде аспектов, таких как, например, ценностная, эмотивная или юмористическая языковые картины мира» (Карасик 2004, с. 224)

Для литовцев привлекателен русский юмор, при этом существенно, что «будучи культурным концептом, юмор обладает ценностными характеристиками, т. е. связан с ключевыми жизненными ориентирами» (Карасик 2004, с.187). Например, вместе с популярностью российских кинокомедий «Особенности национальной охоты» и «Особенности национальной рыбалки» в Литве широкое распространение получили и модификации их названий, ср.: «Национальные особенности сбора грибов» (*Nacionaliniai grybavimo ypatumai*) (TV) - анимационный сериал о литовских политиках, любимым занятием которых является пустословие, болтовня ни о чем; названия телепередач: «Особенности национального музыкального бизнеса» (*Nacionaliniai muzikos verslo ypatumai*), «Национальные особенности жизни в Лондоне»³ (*Nacionaliniai gyvenimo Londone ypatumai*) (TV) и т. п.

Одна из популярных передач литовского телевидения была целиком посвящена анализу причин устойчивого интереса литовцев к российским кинокомедиям и артистам «смешного» жанра: «Мы сильно ангажированы русскими... Большинство литовцев, а может, и весь наш народ просто умирает от русских комиков» (*Mes stipriai užangažuoti rusų... Daugelis lietuvių ir gal visa mūsų tauta alpsta nuo daugelio rusų komikų*). Участники передачи признали, что в Литве нет развитой смеховой культуры, как нет в литовской традиционной культуре и установки на развлечения. В подтверждение этому мнению – интервью с корреспондентом литовского радио в Лондоне: «Англичане умеют праздновать, им не нужны особые поводы для веселья. А литовцам не нужны особые поводы для грусти» (*Anglai moka švęsti, tam, kad linksmintis jiems nereikia ypatingų priežasčių. O lietuviams nereikia ypatingų priežasčių, kad liūdėti*) (R1).

Формировавшаяся в течение столетий социокультурная ситуация в Литве определяет некоторые актуальные и в принципе парадоксальные

² Из-за большого объема цитата приводится только в переводе.

³ Тема Лондона актуальна для Литвы, поскольку ежегодно множество литовцев уезжают в Великобританию на заработки.

стороны массового сознания литовского социума. В частности, в годы советского прошлого литовцы, как и многие другие народы СССР, оберегая свою идентичность, убеждали мир в том, что они иные, чем русские, у них иное мышление и иные ценности. Теперь же, когда имя Литвы в мире больше не ассоциируется с Россией, литовское общество пребывает в сомнениях относительно наличия глубинных расхождений в русской и литовской ментальности. Русская лексика по-прежнему заметна в общении всех слоев литовского общества, а русская тема и сегодня продолжает оставаться той «печкой», от которой и вокруг которой «пляшут» при обсуждении многих аспектов жизни.

Карасик 2004 - *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепт, дискурс. Москва.

LR - «Lietuvos rytas», самая массовая ежедневная газета Литвы

S - «Stilius», еженедельный журнал

TV – программы основных каналов литовского телевидения

R1 – программы государственного радиоканала

А. Беловодская

«Антимир» пародии и аспекты его проявления в современной рекламной и политической коммуникации Литвы

I. «Антимир» пародии

Нобелевская премия и антинобелевские награждения (IgNobel prizes); престижный Оскар и вручаемая за день до него Золотая малина, отмечающая антидостижения в области кинематографии; литовская национальная премия „Lietuvos garbė“ (Честь Литвы) для самых достойных граждан Литвы, и антипремия „Auksinis svogūnas“ для самых скандальных литовских деятелей; всевозможные международные конкурсы художников, где награждаются самые талантливые, и международный антиконкурс художников имени Павла Жердановича, участники которого должны «нарисовать самую плохую в мире картину» (<http://ecclesiastes911.net/ru/jerdanowitch.html>); крупнейшая на данный момент многоязычная интернетная энциклопедия «Википедия», позволяющая пользователям интернета самим создавать и редактировать статьи, и созданная по ее образу и подобию «Абсурдопедия» — «энциклопедия вранья, юмора и фантазий», в создании которой также могут принимать участие все желающие (http://uncyclopedia.org/wiki/Main_Page).

Список подобных пародийных дуплетов практически всех сторон общественной жизни можно продолжить. К их подробному анализу мы вернемся ниже. Однако уже во введении к данной статье хотелось бы подчеркнуть, что перечисленные выше примеры пародийного удвоения «серьезного» пространства отнюдь не ограничиваются каким-либо одним национальным пространством. «Антимир» пародии оказывается весьма популярной формой современной «смеховой культуры» и в США, и в Западной Европе, и в России. В пределах данной статьи мы попытаемся определить место и роль пародийного «антимира» в современной рекламной и политической коммуникации Литвы, сопоставив, по возможности, анализируемые примеры с существующей евро-американской традицией обращения к «смеховому» пространству. Автор надеется, что представленный анализ окажется полезным как для сопоставления российской смеховой культуры со смеховой культурой других стран, так и для выявления, на фоне приведенных примеров, специфических особенностей российской политической и рекламной коммуникации.

Заметим, что само по себе явление пародийного удвоения мира далеко не ново. И Михаил Бахтин, исследовавший смеховой мир Западной Европы эпохи Средневековья, и Дмитрий Лихачев, писавший о смехе в Древней Руси, и Ольга Фрейденберг, занимавшаяся вплотную вопросом о происхождении пародии, замечали, что на всем протяжении известной нам истории человечества, начиная с древнейших ритуалов и по сей день, параллельно т.н. «серьезному пространству» существовал мир пародии, живущий отраженным светом мира серьезного: «Двойной аспект восприятия мира и человеческой жизни существовал уже на самых ранних стадиях развития культуры. В фольклоре первобытных народов рядом с серьезными (по организации и тону) культами существовали и смеховые культы, высмеивавшие и срамословившие божество («ритуальный смех»), рядом с серьезными мифами – мифы смеховые и бранные, рядом с героями – их пародийные двойники-дублеры» (1).

При этом многие современные пародийные дублеты серьезных церемоний, начиная с существующей по сей день традиции подменять жениха и невесту по время «свадебного пира» и заканчивая пародийными церемониями, перечисленными в начале статьи, часто оказываются прямыми потомками средневековых западноевропейских карнавалов, когда «смех сопровождал не только церковные, но ... и гражданские и бытовые церемониалы и обряды... и бытовые пирушки не обходились без элементов смеховой организации, – например, избрания на время пира королев и королев «для смеха» («toi pour rire»). Все названные нами организованные на смеховом начале и освященные традицией обрядово-зрелищные формы были распространены во всех странах средневековой Европы» (там же).

А вот описание построения смехового мира Древней Руси: «Вселенная делится на мир настоящий, организованный, мир культуры — и мир не настоящий, не организованный, отрицательный, мир антикультуры. В первом мире господствуют благополучие и упорядоченность знаковой системы, во втором — ...полная спутанность всех значений. ...Все знаки означают нечто противоположное тому, что они значат в нормальном мире. Это мир кромешный — мир недействительный. Он подчеркнуто выдуманный. Поэтому в начале и конце произведения даются нелепые, запутывающие адреса, нелепое календарное указание» (2). Сравним это описание «кромешного мира» древнерусской пародии с теми формами пародийного «переворачивания» серьезного мира, что даны нам сегодня.

Абсурдопедия

Будучи внешне точной копией весьма популярного в интернете проекта «Википедия», представляющего собой «свободную многоязычную энциклопедию», призванную, как и все энциклопедии, предоставлять «наиболее существенную информацию по всем... или отдельным...областям знания или практической деятельности» (18), «Абсурдопедия» определяется как «свободная от содержания энциклопедия», цель которой – дезинформация: «Факты – ничто, абсурд – все!» (19). Пример статьи о США, взятый из «Абсурдопедии»: «(по состоянию на 2008 г.): Столица — Фейрбэнкс (Аляска), самый большой город — Пекин, царь — Микки-Маус, валюта — евро». Первый признак «кромешного мира» в данном примере - «нелепое календарное указание» (2008 год, когда на данный момент начинается 2007 год). Структура этой словарной статьи построена в соответствии со структурой серьезных энциклопедий: столица, самый большой город, форма правления, валюта. Однако содержание «анциклопедической» статьи представляет собой очевидную бессмыслицу (царь США) и смешение реального и нереального пространств (Фейрбэнкс, Пекин и Микки-Маус). Это «воспроизведение с ошибками, подобное фальшивому пению», как определил пародию Дмитрий Лихачев (там же);

Антинобелевская премия

(иногда именуемая на русском языке как «Шнобель»)

Как и во время официальной Нобелевской премии, вручение антипремий проводится в одном из крупнейших научных центров мира — знаменитом Гарвардском университете. Однако «звания» и «титутлы» участников церемонии, а так же ее «воспроизведение» представляют собой «перевернутый вариант» Нобелевской премии. Так, структура антинобелевской церемонии построена по аналогии с официальным порядком вручения Нобелевских премий: Шнобель начинается с гимна и

торжественной приветственной речи, затем идет представление лауреатов и заканчивается церемония прощальным словом. Однако гимн «Шнобеля» (слово IgNobel, повторяемое толпой несколько десятков раз), а также традиционная приветственная речь Шнобелевской церемонии, представляющая собой двухкратное повторение слова «Welcome», и традиционное прощальное слово – двухкратное повторение «Good bye», превращают описываемое «действие» в пародию, не говоря уже о самом смысле премии, которая присуждается за достижения в области науки, которые «нельзя или не стоит повторять» (3).

Литовская антипремия „Aukšinis svogūnas“

Пародийный эффект достигается тем, что на привычной сцене вместо благообразных ведущих оказываются изображающие «подвыпивших случайных прохожих» актеры, вместо торжественных слов звучит бессвязная речь и сомнительные шутки. Более того, данная церемония обычно проводится 1 апреля, в день Дураков, когда торжествует «логика наоборот», что само по себе заставляет не слишком серьезно относиться ко всем проводимым в этот день мероприятиям.

Сами премии, «торжественно» вручаемые на подобных церемониях, также представляют собой пародию на выполненные из ценных металлов дорогие награды «официальных» конкурсов: во время «Золотой малины» торжественно вручается «награда стоимостью \$4,27 - раскрашенная золотой краской пластмассовая малина, укрепленная на коробке из-под киноплёнки (4); премия «Aukšinis svogūnas» представляет собой проросший лук, высаженный в небольшие емкости и т.д.

Можно полагать, что современный «антимир» пародии, представляющий собой пародию на «сложившуюся, твердо установленную, упорядоченную форму, обладающую только ей присущими признаками – знаковой системой» (2), оказывается прямым наследником древних форм смехового удвоения мира, о котором писали и Бахтин, и Лихачев.

Важно понимать, что это не пародия с целью осмеяния, как принято ее определять в современных словарях. Здесь нет того «столкновения» двух интенций, той борьбы двух голосов, которые, по Бахтину, являются отличительным признаком «чисто отрицательной» пародии Нового времени, ставшей своеобразным орудием критики (5). Обилие современных «антипремий», «антиконкурсов» и прочих пародийных дуплетов официальных церемоний, видимо, можно назвать современной формой проявления «карнавального» мироощущения. По Бахтину, суть его была в том, что «в противоположность официальному празднику карнавал торжествовал как бы временное освобождение от господствующей правды и существующего строя, временную отмену всех иерархических отношений, привилегий, норм и запретов» (1).

Важно отметить, что древний карнавал всегда был четко ограничен во времени, по истечении которого все неизменно возвращалось «на круги своя»: оскверняемые законы «официального» мира всегда оставались теми святынями, «которые были вчера и вновь станут завтра самыми святыми и нерушимыми законами на свете» (6). Смеховое и серьезное пространства, мир «святого» и «скверного» существовали как бы в изолированных друг от друга пространствах, разделенных не только четкими временными границами, но и очистительными ритуалами, предшествовавшими и завершавшими древние праздники.

Разделение пространств мира смехового и мира серьезного существует и по сей день, хоть и в других формах: пародийная Анциклопедия и серьезная Википедия различаются своим адресом в интернете, вручение антипремий также проводится в другом месте и в другой день и т.д. При таком разделении мы можем сознательно выбирать, в какое пространство мы хотим попасть и, оказавшись там, ведем себя соответствующим образом и соответственно воспринимаем подаваемую нам информацию.

Так, настоящие Нобелевские лауреаты на официальной церемонии соблюдают все требуемые там нормы поведения, а на Шнобелевской премии, где они же вручают «награды» своим «коллегам», их поведение соответствует несерьезной обстановке антицеремонии: «Нобелевских лауреатов просят разломить надвое спагетти (премия в области физики), поцарапать специальными металлическими когтями по стеклу (акустическая премия) – собственно, завораживает именно сочетание великого и смешного, где еще можно увидеть пятерых нобелевских лауреатов на одной сцене, увлеченно что-то корябающих по стеклянной поверхности» (7).

Однако знаковым явлением сегодняшнего дня стало смешение прежде изолированных пространств. При этом особый интерес для исследования представляет наблюдаемое сегодня преднамеренное смешение пространств пародийного «антимира» и мира «серьезного», которое, вводя в заблуждение относительно «правил игры», оказалось в руках специалистов по современной политической и рекламной коммуникации успешным орудием воздействия на аудиторию.

II. «Антимир» пародии в современной политической коммуникации

Первый исследуемый нами феномен сознательного смешения пародийного и серьезного пространств в современной политической коммуникации - это т.н. феномен «короля и шута», то есть использование «пародистов» как «двойников» политических деятелей. Феномен замены «короля» пародийным двойником также известен со времен древнейших ритуалов: «можно вспомнить многих временных правителей - в индоевропейских мифах они занимают место настоящего владыки, пока тот несет ритуальное искупление за грехи, совершенные просто в силу

отправления власти» (8). По окончании карнавала «охранительные» двойники королей и хозяев, заменявшие их во время карнавального разгула и впитавшие в себя все скверну, должны были быть уничтожены, что позже было заменено сожжением символических изображений.

Так, во время античных сатуналий «на исходе праздничного времени расстреливают, топят в реке или сжигают картонное чучело непомерно толстого, размалеванного царя. Этот обряд больше не имеет религиозного смысла...искупления ...он принимает вид пародии» (там же). Сегодня создание «охранительного» двойника современных «королей» - политических деятелей – приобрело новые формы.

Приведем в качестве примера совместное выступление президента США Джорджа Буша и пародиста Стива Бриджеса (Steve Bridges) на торжественном ужине Ассоциации корреспондентов Белого Дома в апреле 2006 года, когда "в то время, как глава Соединенных Штатов общался с представителями прессы, используя политкорректные фразы, его двойник транслировал "настоящие мысли" президента" (9). Данный пример иллюстрирует одновременное присутствие пародиста и его реального прототипа в одном пространстве, которое принято считать серьезным (общение высших представителей власти с прессой на торжественном ужине). При этом президент и его двойник, полностью имитирующий походку, стиль, внешний вид президента, вышли к прессе одновременно с двух сторон и встали за совершенно одинаковые кафедры с изображением государственного герба США, что создало иллюзию раздвоения представленной собравшимся журналистам «картинки», на которой сразу отличить оригинал от «подделки» было трудно.

Пример из области литовской политической жизни построен по «американскому» сценарию. Один из известнейших литовских политиков – Виктор Успаских – весьма успешно использовал своего пародийного двойника - Виктораса Агурких (актер Рямигиус Вилкайтис) - в ходе некоторых политических скандалов. Один из примеров связан со скандалом по т.н. «делу Агурких», когда изображение Виктора Успаских - тогда еще члена Сейма – появилось на этикетке маринованных огурцов, выпускаемых принадлежащим его семье предприятием, что повлекло за собой специальное расследование комиссии Сейма по этике, в результате которого Успаских был признан виновным в нарушении Закона об общественных и личных интересах государственных служащих и вынужден был снять с производства банки с упомянутыми этикетками.

Однако вскоре на этих же банках появились абсолютно такие же, за единственным исключением, этикетки – теперь на месте изображения реального политика оказалась фотография его пародийного двойника, с «говорящей» фамилией «Агурких» (от литовского *agurkas* – огурец). Более того, Рямигиус Вилкайтис – «Агурких», играющий роль «шута» при «короле», в реальной жизни стал крестным отцом дочери Успаских.

Как известно, в народе крестные обычно воспринимаются как вторые родители. Именно крестному отцу отводится роль духовного воспитателя ребенка: «Человек, появившийся на свет от своих родителей, получает образ Адама, однако родившись заново от Св. Купели Церкви, «из воды и Духа», как новорожденный, получает образ Христа. Во время обряда крещения большая роль отведена крестному отцу. Он обязательно должен быть крещеным, знать вероисповедание нашей Церкви, ее Святые Традиции и каноны, чтобы мог правильно воспитать своего крестника и хранить в нем светлые дары Св. Духа, полученные крещением» (10). Избрание в качестве крестного отца для дочери своего двойника-пародиста, заменяющего «оригинал» в весьма скандальных историях, делает пародией сам святой обряд крещения: Вилкайтис - Агурких прочно вошел в сознание именно как представитель «кромешного мира» пародии, и его появление рядом с Успасских вызывает прочные ассоциации с «розыгрышем», но не с «серьезным пространством» церковных ритуалов.

Итак, сегодня «антимир» покинул отведенное ему пространство и все чаще действует на территории мира «серьезного». И приведенные нами выше примеры далеко не исключение. Более того, смешение «серьезного», «официального» и «пародийного» пространств не ограничивается политической коммуникацией, а является скорее массовым явлением. Вспомним «Евровидение 2006», когда первое место в этом традиционном конкурсе популярной музыки заняла рок-группа из Финляндии Lordi. Реакция СМИ: «Евровидение» переименовывают в «монстровидение». Европа прикололась! Победителями конкурса «Евровидение» в этом году стали «горячие финские монстры» из группы Lordi с песней «Hard Rock Hallelujah». Эксперты говорят, что голосование носило протестный характер, так как песня-победитель совершенно не вписывается в формат конкурса» (11).

При этом саму группу Lordi вряд ли можно назвать «серьезным» представителем тяжелого рока, ибо, как заметил директор музыкального вещания Первого канала Юрий Аксюта, «в жанре «хард-энд-хеви» есть огромное количество серьезных коллективов, и они никогда в жизни не стали бы участвовать в конкурсе «Евровидение» (там же). Выступление группы Lordi, включая их внешний вид (маски монстров на лице, крылья за спиной, топор вместо микрофона), построено, по сравнению с типичным выступлением «сладкоголосых» и «приукрашенных» звезд поп-эстрады, по принципу «от обратного», т.е. в соответствии с логикой «антимира». И в этом случае антимир проявляется не в специально отведенном для него пространстве «несерьезных» пародийных конкурсов, а на Евровидении, которое до сих пор воспринималось как вполне «серьезный» и престижный, хоть во многом утративший былую популярность, конкурс. Более того, антимир побеждает, и после этой его победы сам конкурс «Евровидение» теряет прежнюю упорядоченность, разрушается привычный его «формат», он тоже отходит к «антимиру»: «... все знаки и

признаки организованности становятся бессмысленными. Возникает “бессистемность неблагополучия” (2).

Что касается современного российского политического дискурса, то представляется интересным исследовать т.н. «пародийные сайты», являющиеся внешне точной копией официальных сайтов некоторых политиков. Подобное создание сайтов – «двойников», один из которых является «искаженной» копией оригинала, получило название «скин-имитации», которая может быть определена как «заимствование внешнего вида или образа сетевого ресурса и их преобразование - от более или менее безобидной пародии до прямого издевательства»(21).

«Изобретателями» скин-имитации, видимо, следует считать американских компьютерных специалистов. Им же принадлежит и создание первых «пародий» на официальные сайты политических деятелей. Как пример можно привести пародийную копию официального сайта Джорджа Буша (www.gwbush.com), созданную накануне выборов 2000 года бостонским компьютерным консультантом Заком Экли. Используя элементы дизайна с официального сайта Буша и внешне схожую с оригиналом форму, он наполнил ее иным содержанием, в частности, антиагитацией, в связи с чем возник скандал, подробно освещенный в СМИ США. Администрация Буша выступила против Зака Экли, обвинив его в незаконном использовании ресурсов официального сайта и вмешательстве в предвыборную кампанию. Однако, как отмечает Times, попытка «агентов Буше» заставить Экли замолчать имела противоположный эффект. За 25 дней с начала бушевской "борьбы с сатирой" на сайте было зарегистрировано более шести миллионов посещений».

Если же сегодня мы наберем указанный выше адрес пародийного сайта, созданного Заком Экли (www.gwbush.com), то попадем на коммерческий сайт, предлагающий купить наклейки и прочие сувениры с самыми «удачными» высказываниями Буша. Например, "There ought to be limits to freedom" (Свобода должна быть ограничена). George W Bush May 21, 1999. Таким образом, скандал вокруг пародии оказался весьма эффективным средством как ведения предвыборных баталий, так и достижения коммерческого успеха.

А вот история Лужковского сайта-двойника, открытие которого (15 сентября 1999 года), по версии СМИ, было приурочено к дню рождения Лужкова, но, как и в случае с Бушем, совпадает по времени с началом предвыборной кампании (выборы мэра Москвы прошли в декабре 1999 года). В адресе пародийного сайта обыгрывалась возможность разного написания русской буквы "ж" в латинской транскрипции: адрес настоящего сайта Лужкова - luzhkov.ru, адрес двойника - lujkov.ru. Интересно, что о сайте двойнике сразу же сообщили СМИ (22).

Созданная сразу после открытия сайта-двойника шумиха вокруг его мнимых и настоящих хозяев, а так же информация о том, что даже такое

авторитетное агентство, как РИА Новости, было введено в заблуждение и приняло пародию за оригинал, затем закрытие сайта, напоминают сценарий развития событий вокруг пародийного сайта Буша, что, естественно, наталкивает на мысль, что в данном случае мы видим одну «школу пиара», использующую пародию не с целью «осмеяния» ради «исправления недостатков» (именно эта роль обычно приписывается пародии как разновидности сатиры), а как очередной "пиаровский ход". Надо сказать, что эта же мысль прозвучала и у одного из обозревателей интернета Миши Вербицкого: "...и заказчики, и исполнители, похоже, одни и те же. Официальный сайт и другой "Официальный" сайт отличались двумя буквами в названии: www.luzhkov.ru и www.lujkov.ru. Только и всего...» (23)

III. «Антимир» пародии в современной рекламной коммуникации

Первый пример использования пародии в рекламной коммуникации связан с именами уже упоминавшихся в первой части статьи Виктора Успасских и Рямигиюса Вилкайтиса - «Агурких». Речь идет о рекламе продукции Крекенавской агрофирмы, входящей, как и предприятие, выпускающее огурцы, в концерн, принадлежащий семье Успасских. Весной 2006 года СМИ Литвы активно обсуждали скандал на данном предприятии, возникший в связи с тем, что одна из его сотрудниц публично заявила о том, что официально получает лишь часть зарплаты, а остальные деньги работникам Крекенавской агрофирмы выплачиваются в конвертах.

Данное заявление и связанный с ним скандал, повлекший за собой ряд судебных разбирательств в отношении Крекенавской агрофирмы, обвиняемой в уклонении от уплаты налогов, постоянно освещался во всех СМИ Литвы, что послужило, среди прочего, еще одним фактором дискредитации Виктора Успасских, возглавлявшего в то время крупнейшую партию Литвы - «Партию труда», и декларировавшего себя как достойного политика, заработавшего капитал честным путем.

Ключевыми словами данного скандала были: «Крекенавская агрофирма», «Успасских», «конверты». Именно эти слова-«ключи», ставшие, благодаря многократному повторению в СМИ, хорошо узнаваемым «кодом» скандала, прочно вошедшим в сознание потребителей, были использованы в ходе рекламной кампании Крекенавской агрофирмы, появившейся в теле- и радиоэфире, а также на страницах газет весной того же года.

Рекламный слоган данной кампании включал в себя сразу два слова - «ключача»: «Kas gaus KREKENAVOS VOKELI?» (Кто получит Крекенавский конверт?). При этом видеоряд рекламного ролика на ТВ и газетного макета содержал в себе третий «ключ» - конверт в руке держал «Агурких» - пародист Успасских, в очередной раз заменивший своего

прототипа (см. макет в приложении Sostinė к газете Lietuvos Rytas от 2006-04-25, № 93, с. 5).

Рассмотрим данный рекламный ролик более подробно. Использование перечисленных визуальных и вербальных «ключей» «программирует» нужные ассоциации. В данном случае – это ассоциации со скандалом, то есть событием, «получившим широкую огласку и позорящим его участников» (20), что гарантирует интерес к сообщаемой информации и помогает «встретить клиента в его собственной картине мира» (12). В этом случае новая информация подается под видом той, к которой человек уже привык и которая уже не требует особых затрат мыслительной энергии для усвоения. Во-вторых, отсылка к скандалу провоцирует не рациональное, а эмоциональное восприятие информации, которое, как известно, некритично и «открывает путь к убеждению» (13). В-третьих, помещение легко узнаваемых «формул» настоящего скандала в неадекватный контекст – в данном случае таким контекстом является рекламный дискурс – превращает рекламный ролик в пародию на перипетии политической жизни Литвы. В данном случае как нельзя лучше подходит определение пародии как «подчеркнутого использования» неких символов в несвойственном им контексте (см. определение Бориса Дубина: «те или иные формы действий либо высказываний социальных “других”...имплантируются...в иной контекст - этой сменой формы, собственно, и определяется культурная конструкция пародии» (14), благодаря чему достигается «двойной эффект»:

с одной стороны, смех, возникающий при пародийном смещении, способствует заинтересованности рекламируемым продуктом;

с другой стороны, смех уничтожает скандал и служит «смягчению» его последствий – посмеявшись, человек перестает осуждать (одной из функций смеха является снятие напряжения – «катарсис», позволяющий «мучительные и неприятные аффекты подвергнуть некоторому разряду, уничтожению, превращению в противоположные» (15).

В данном случае мы имеем дело с использованием пародии для достижения двояких целей – заинтересовать потребителей рекламируемым товаром и «обесценить» скандал, дистанцироваться от него. Смех, который, в бахтинской интерпретации, является позитивом, разрушающим несвободу, в данном случае играет скорее негативную роль, позволяя уйти от ответственности, отшутиться, что, при подобном злоупотреблении, способствует превращению свободы во вседозволенность.

По сходной схеме построена еще одна реклама, появившаяся в эфире литовской радиокompании M-1 PLUS в ноябре 2006 года. Это реклама керамической плитки и аксессуаров для ванной и туалета от известной дизайнерской фирмы Версаче и ее единственного представителя в Литве - торговой сети Araricci. Незадолго до появления данной рекламы в Литве разразился громкий скандал, связанный с тем, что накануне визита английской королевы Елизаветы Второй, состоявшегося той же осенью

(17-18 октября 2006 года) на ремонт туалетов в президентском дворце (Президентуре) было истрачено более двухсот тысяч литов, что на фоне нищенских зарплат рядовых граждан Литвы, являющихся основными налогоплательщиками, выглядело неоправданной роскошью.

В связи с этим скандалом президент Литвы вынужден был «отчитываться» по поводу «туалетного вопроса» перед СМИ, вслед за чем последовали его официальные распоряжения: требование отставки канцлера и проведения аудита президентской канцелярии. На страницах СМИ, ежедневно освещающих ход скандала, красовались фотографии роскошной туалетной комнаты в Президентуре со сверкающей золотом отделкой. Примечательно, что данные фотографии были предоставлены самим президентским дворцом, «рядовых» фотокорреспондентов в президентский туалет не допускали. При этом сантехника, как постоянно повторяли СМИ, была заказана в торговом доме Версаче, торгующем, среди прочего, аксессуарами из чистого золота. Однако и канцлер президента, непосредственно заказавший данную сантехнику, и остальные работники Президентуры упорно отказывались ответить на вопрос, выполнена ли отделка из чистого золота или это – лишь позолота, уходя тем самым от ответа на вопрос о реальной стоимости ремонта. В связи с этим на страницах СМИ появились заголовки: «Tualetų įrengimas – valstybinė paslaptis» («Оборудование туалетов – государственная тайна» // газета «Lietuvos rytas», 2006 11 02); «Prezidentūroje naujasis tualetas – valstybės paslaptis» («Новый туалет в Президентуре – государственная тайна» // газета «Ekstra», 2006-10-30). А фотографии президентского дворца сопровождались подписью «Prezidentūroje naujas tualetas – upa saugoma paslaptis» (Новый туалет в Президентуре – особо охраняемая тайна (16)). «Туалетный» скандал в СМИ не утихает уже более месяца, причем благодаря многократному повторению вербальный «код» этого скандала оказался представлен в виде следующий слов – «ключей»: «английская королева», «Версаче», «туалет», «тайна».

Именно эти «ключи» были использованы при создании рекламного аудиоролика, начинающегося с аккордов увертюры к фильму «Шерлок Холмс и доктор Ватсон», снятого на Ленфильме в 1979 году. В данном случае «ключ» «английская королева» был реализован при помощи узнаваемого большей частью аудитории музыкального сопровождения, вызывающего ассоциации с Англией и с английской королевой (Шерлок Холмс – английский сыщик).

Более того, существует легенда, что, когда Конан Дойл опубликовал рассказ «Последнее дело Холмса», сама королева написала ему, что смерть Шерлока Холмса — лишь хитрый ход сыщика, тонко намекнув на то, что ждет продолжения истории своего любимого героя. И уже совсем не легенда то, что английская королева Елизавета Вторая приняла решение званием Кавалера Ордена Британской империи российского актера Василия Ливанова, сыгравшего Шерлока Холмса в данном фильме, о чем

официально сообщило 23 февраля 2006 года посольство Великобритании в России).

Таким образом, музыкальный фон рекламы вызывает нужные ассоциации с английской королевой, причем эти ассоциации поддерживает и словесный ряд, а именно: первая фраза, звучащая через несколько аккордов, имитирует торжественное объявление церемониемстером входа королевы: «Jos Didenybė» (Ее Величество). Далее следует текст рекламы: «Dėmesio! Jokia paslaptis, kad vienintėlis atstovas, prekiaujantis Versace keraminėmis plytelėmis ir aksesuarais, skyrtais vonios bei tualetu įrangai - Aparicci prekybos tinklas Lietuvoje. Karališkas pasirinkimas» (Внимание! Нет никакой тайны в том, что единственный представитель, торгующий керамическими плитками и аксессуарами Версаче, предназначенными для оборудования ванной комнаты и туалета – торговая сеть Апаричи в Литве. Королевский выбор).

В данном тексте пародийно обыгрываются, будучи помещенными из коммуникативного контекста «скандал» в контекст «реклама», все перечисленные выше слова-«ключи», представляющие собой «код» скандала. Как и в случае с рекламой Крекенавской агрофирмы, данная реклама транслируется в СМИ одновременно с продолжающимися публикациями о скандале, благодаря чему также служит «двум господам»: с одной стороны, гарантирует интерес к рекламируемому продукту (что поддерживается использованием традиционной формулы «Внимание!», вслед за которой как бы следует разгадка тайны президентского туалета: «Нет никакой тайны...»), с другой – «смягчает» скандал.

Подведем краткие итоги нашего исследования, проведенного в пределах данной статьи. Пародия, определяемая нами в данной статье как «фальшивое воспроизведение — воспроизведение с ошибками, подобное фальшивому пению» (Лихачев) и построенная по принципу «логики наоборот», когда узнаваемые формулы и символы серьезного мира наполняются неадекватным содержанием либо помещаются в неадекватный контекст, оказывается явлением, известным человеческой культуре со времен древнейших ритуалов.

Однако сохранившиеся по сей день в «коллективной памяти» человечества рудименты древних форм пародирования, уже лишенные религиозного смысла, успешно используются «евро-американской школой пиара», преследующего совершенно новые, двоякие цели: рекламу продукта и нивелирование политического «скандала». При этом российский политический дискурс также оказывается не лишенным влияния указанной выше «школы пиара» (сайты –двойники).

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса — 2-е изд. — М.: Худож. лит., 1990. Цитируется по http://infolio.asf.ru/Philol/Bahtin/rubler1_1.html

2. Лихачев Д. С. Смеховой мир Древней Руси// Смех в Древней Руси. – Л.: Наука, 1984. Цитируется по http://philologos.narod.ru/smeh/smeh_main.htm
3. BBC News 04.10.02// Цитируется по <http://www.rosbalt.ru/2002/10/09/67072.html>
4. Цитируется по http://www.kommersant.ru/k-vlast/get_page.asp?DocID=315527
5. Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского. – Киев, 1994. Цитируется по <http://www.vehi.net/dostoevsky/bahtin>
6. Роже Кайуа. Миф и человек. Человек и сакральное - М.: ОГИ, 2003. С.233
7. Марк Завадский. Их физики тоже шутят// Цитируется по <http://stengazeta.net/article.html?article=2361>
8. Роже Кайуа. Миф и человек. Человек и сакральное - М.: ОГИ, 2003. С.239-240
9. Джордж Буш пригласил двойника для трансляции своих мыслей// Цитируется по http://lenta.ru/news/2006/04/30/bush/_Printed.htm
10. Цитируется по <http://mypriest.araratian-tem.am/showquest.php?id=21>
11. Цитируется по <http://ura-inform.com/ru/society/2006/05/21/sensacija/>
12. Почепцов Г.Г. Паблик Рилейшенз для профессионалов. – М.: Рефл-бук; Ваклер, 2002.С.513
13. Пенькова Е. Школа рекламы// Журналист, 1995 №4. С.50
14. Дубин Б. Стеб и массовые коммуникации: к социологии культурного перехода// Цитируется по <http://www.nlo.magazine.ru/scientist/42.html>
15. Гладких Н. Катарсис смеха и плача// Вестник Томского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки (Филология). – Томск: Изд. ТГПУ, 1999. – Вып. 6 (15). С.88
16. См. фотографию на сайте газеты «Lietuvos rytas» <http://www.lrytas.lt/email.asp?data=20061030&k=news&id=1162187504115996902317>
17. Цитируется по <http://www.lenta.ru/russia/1999/09/21/luzhkov/copycat.htm>
18. БСЭ// Цитируется по <http://slovari.yandex.ru/>
19. Абсурдопедия: руководство новичка // Цитируется по <http://absurdopedia.wikia.com/>
20. Словарь русского языка: В 4-х т. – М., 1981-1984 – т.4, 1984, с.123
21. Обзор текущих сетевых событий и публикаций // Цитируется по <http://russ.ru/netcult/nevod/19990708.htm>,).
22. Цитируется по <http://www.lenta.ru/russia/1999/09/21/luzhkov/copycat.htm>
23. Условно еженедельные обзоры Интернета, выпуск 20// Цитируется по <http://imperium.lenin.ru/Lenin/uzhas/20.html>

Заметки о литовском общении

Роль юмора в литовском общении небольшая. В академической традиции юмора почти нет. Преподаватели на занятиях практически не шутят.

Литовцы вообще шутят очень аккуратно, стараясь не задеть самолюбия присутствующих. Юмор используется в гомеопатических дозах.

Не принято шутить на эротические темы.

В Литве практически нет анекдотов. Смеются в основном над конкретными ситуациями.

Государство сейчас воспитывает население: учат весело проводить праздники.

А. Лихачева

Русское и эстонское коммуникативное поведение

К.Алликметс

Гость – человек желанный

(об отличиях в коммуникативном поведении русских и эстонцев)

В 80-90 гг. XX века в методике преподавания иностранных языков сформировался новый подход - обучение межкультурному общению. "Межкультурная коммуникация есть процесс непосредственного взаимодействия культур, а весь процесс такого взаимодействия осуществляется в рамках как совпадающих, так и несовпадающих национальных ментальных стереотипов, что влияет на взаимопонимание сторон в коммуникации" (Стернин 2002, с. 299). Цель межкультурной коммуникации - формирование компетенции межкультурного общения обучающихся. Полноценное знакомство с любой культурой предполагает не только приобретение фоновых знаний об истории, географии, экономике, литературе и т.д., но и попытку проникновения в образ мышления народа - носителя языка, попытку взглянуть на мир глазами представителя другой культурной и языковой общности.

Коммуникативное поведение является составной частью национальной культуры, обладает национально специфическими чертами. Обучение национальному коммуникативному поведению - важный компонент процесса обучения иностранному языку. "Поскольку влияние родного языка и репрезентированных в нем культурных ценностей на человека настолько велико, что мы не осознаем условностей, согласно которым мы говорим и ведем себя, как мы не осознаем воздуха, которым дышим, перенос "родных" культурных представлений на общение на иностранном языке неизбежен" (Елизарова 2000, с. 117).

Для того чтобы четко представить культурные ценности, отражаемые в структуре и функционировании иностранного языка, нужна ориентация на культуроведческую методику, которая в центр своего внимания

ставит человека, носителя языка и культуры, его фоновые знания и поведенческие нормы.

Различия в коммуникативном поведении представителей разных культур обуславливаются их принадлежностью к той или иной культуре (см. Г.В. Елизарова, И.А. Стернин, Е.А. Иванова).

Все существующие общества делятся на коллективистские и индивидуалистические, где они отличаются системой ценности и тем, как человек осознает себя в обществе.

Основные признаки этих двух культур приведены в таблице № 1 (см. Рајурии 2000, с.27).

Таблица 1. Коллективизм и индивидуализм

Индивидуализм Я-ИДЕНТИЧНОСТЬ	Коллективизм МЫ-ИДЕНТИЧНОСТЬ
Каждый должен заботиться о себе и своих близких	Люди растут в больших семьях, дающих им чувство защищенности и уверенности; семье верны всю жизнь
Детей поощряют высказывать свое мнение	Дети должны приспосабливать свое поведение к мнениям других
Человек духовно независим	Человек духовно зависим от других
Человек сам выбирает себе друзей, на каждом жизненном этапе – новые друзья	Дружба определяется устойчивыми общественными отношениями
Инициатива и результативность – важные приоритеты в жизни	Важно быть членом какой-нибудь группы
Между работником и работодателем деловые отношения	Между работником и работодателем моральные, «семейные» отношения
Действия предшествуют отношениям	Сначала отношения, потом действия
Люди сами несут ответственность за свои поступки	Ответственность делится между членами группы
Разногласия выявляются и преодолеваются	Избегают публичных разногласий, стремятся к равновесию и гармонии
Ценится честность и прямолинейность, нужно говорить правду, пусть и неприятную	Избегают прямых споров, употребления слова «нет»
Нарушение закона приводит к чувству вины и потере самоуважения	«Да» не всегда означает согласие

Законы действительны одинаково для всех	Нарушение закона приводит к стыду, действие законов зависит от группы
Свобода печати	Государственная цензура печати
Диплом улучшает экономическое положение и повышает самочувствие человека	Диплом предоставляет «пропуск» в вышестоящую группу
Цель человека - самореализация	Цель – достижение гармонии

Большинство стран мира принадлежит к коллективистским культурам, значительно меньше - к индивидуалистическим. Яркими примерами типичных коллективистских культур являются восточные культуры. Россия относится к странам с умеренно выраженной коллективистской культурой. Как показывают исследования, у русских в Эстонии коллективизм развит слабее, чем у русских в России. (Realo, Allik 1999, с. 139) В эстонской культуре преобладают индивидуалистические черты. Эти различия в культурах отмечают в своих очерках и писатели, которым всегда было присуще чувство высокой социальной ответственности, умение тонко чувствовать вес изменения, происходящие в обществе.

Русская культура - коллективистская. "В нашем национальном характере "мы» сильнее "я". "Мы" - это не группа "я", но "я" - частица "мы". Это вытекает из православия, где идея соборности - это гармония, это идеал. Но в реальной жизни возникает пародия ... Каждый может вторгнуться в чужую жизнь, сделать замечание, как ты одет, как надо себя вести, на правах общего "мы", Именно поэтому в России живут не "дамы" и "господа", а "бабушки", "дедушки", "доченьки", "сынки", "дяденьки", "тетеньки" - вместо религиозной соборности возникает большая семья, где старший (мудрый) важнее молодого (здорового и энергичного)», - таково мнение Виктора Ерофеева (1994, с.8).

Для русского коммуникативного поведения характерен коллективный характер общения, готовность вступить в диалог, легкость завязывания знакомства, искренность в общении, доминантность в разговоре, бескомпромиссность в споре, желание поговорить о себе и др.

Писатель Тыну Ыннепалу, анализируя эстонский характер, пишет. "Индивидуализм - самая тяжелая тень прошлого для эстонца. В коллективистском обществе мы выросли индивидуалистами... В Эстонии бросается в глаза, что если кто-нибудь хоть чуть-чуть поднимается по служебной лестнице, становится немного богаче или знаменитее других, то он удаляется от них на расстояние нескольких световых лет" (Onnepalu 1999, с. 9).

Общение для эстонца - это, прежде всего, обмен информацией. Как правило, эстонцы прибегают к прямому инструментальному стилю вербального общения как выражение интересов, непосредственных

реакций индивида, в целях воздействия на ситуацию общения. Заканчивают беседу резко, иногда неожиданно для собеседника. С незнакомыми предпочитают не общаться, соблюдая так называемую отрицательную вежливость, т.е. уважая его как личность, имеющую право на приватность.

Традиция гостеприимства существует во всех культурах, но в зависимости от типа культуры и особенностей общения представителей этих культур имеет свои национальные особенности.

Прежде всего, обратимся к пословицам и проанализируем, как относились к гостю наши далекие предки.

В русской культуре отношение к гостю довольно положительное. Хозяин радуется появлению гостя в доме (Гость на гостя - хозяину радость. Гостят милы, да деньки малы). Он желает во всем угодить гостю, чтобы гость остался доволен (Гость доволен - хозяин рад; Гостю щей не жалей, а погуще лей). И даже если гость незваный или нежелательный, то к нему отношение сдержанное (Гость не кость, за дверь не выкинешь; Гость не мил, и гостинец постыл).

В эстонских пословицах находит отражение скорее отрицательное отношение к гостю. Половина их имеющихся пословиц посвящена незваному гостю, который нехорош (Kutsamata võeras peetakse ikka halvaks), он как сырая (невареная) колбаса (Kutsumata külaline on kui keetmata vorst), он застаёт немытые горшки (Kutsumata külaline - pesemata pada), дается совет, как "отучить" ходить в гости - "Kulalistel anna veega kartulid ja kuparäimi, kae, kas veel tuleve", а загостившиеся люди как рыба на третий день начинают дурно пахнуть (Külaline ja kala lähevad kolme päeva pärast haisma). Есть и предупреждение: не ходи в гости без приглашения (Ära mine enne, kui sind kutsutakse).

Следует отметить одну пословицу, которая встречается в двух языках: «Гостям дважды радуются – встречая и провожая»; Külaline om kaits korda armas: kui tuleb ja kui läheb.

Однако в русском варианте "главным действующим лицом" является хозяин, который радуется, когда он встречает и провожает гостя, а в эстонском варианте - гость, который мил, когда он приходит и уходит. Результаты сопоставления ситуации «гость-хозяин» в русской и эстонской культуре представлены в следующей таблице.

Таблица № 2. Традиции поведения в гостях

Русская культура	Эстонская культура
1. Гости - друзья или знакомые хозяев (иногда малознакомые люди).	Гости - хорошо знакомые люди.

2. Гостей принято очень обильно угощать	Угощение - в меру.
3. Чай - неперменный атрибут гостеприимства. Чай подают с пирогами, вареньем, разными сладостями. "Пироги - гордость русской хозяйки".	Основной напиток - кофе. Сервируют сладости (какой -нибудь торт по новому рецепту),- фрукты.
4. Хозяева и гости развлекают друг друга; хозяева обслуживают гостей.	Хозяева ухаживают за гостями
5. Общение - естественное и непринужденное. Темы: политика, искусство, повседневные проблемы, анекдоты. Могут говорить о работе, о делах.	Общение скорее сдержанное. С незнакомыми предпочитают ограничиваться вежливыми фразами. Могут обсуждать служебные вопросы.
6. Хозяева настойчиво угощают гостей. Неприлично отказываться от угощения, даже если гость и не голоден.	Хозяева не навязывают угощения.
7. Застолье с обязательными тостами является важной составляющей гостеприимства.	Предпочитают застолье, но с немногословными тостами.
8. Для сервировки стола используются дорогие сервизы, хрустальные бокалы.	Большое внимание уделяется эстетичности оформления стола (свечи, вазочки, икебана, салфетки).
9. "Шлейф прощания" затягивается на несколько минут.	Прощаются быстро и лаконично
10. Не принято открыткой благодарить хозяев за приятный вечер.	Тоже не принято, чаще ограничиваются телефонным звонком.

Распространенный среди иностранцев стереотип о русском гостеприимстве подтверждается и высказываниями людей, побывавших в России. Вот, например, одно из них (эстонка о русских):

«Удивляет русское гостеприимство, Русские демонстрируют бескорыстную доброжелательность, желание, чтобы люди вокруг тебя чувствовали себя уютно, хорошо. В ответ русский человек ждет только такого же хорошего отношения. Эти качества в нынешнем мире редко встречаются. Иногда я даже думаю, что русские чрезмерно гостеприимны. Они могут отдать все, остаться совсем без денег, без еды, только чтобы человек рядом был счастлив (Кеэрберг 2001, с.27).

Гостеприимство русских широко отражается в приметах, этих своеобразных памятниках народного творчества. Например, жди гостей, если:

- ложка за обедом упадет па пол;
- искры, угли выпали из печи;
- нечаянно свечу погасить;
- за обедом кто-то из присутствующих поперхнется;
- кошка умывается;
- куры дерутся.

Множество этикетных формул, фразеологических единиц и пословиц, отражающих русское гостеприимство, могут служить ключом к пониманию особенностей русской культуры.

От умения понять и усвоить коммуникативное поведение людей другой культуры в стандартных коммуникативных ситуациях зависит успешность межкультурной коммуникации.

Елизарова Г. В. Культурологическая лингвистика. Санкт-Петербург, 2002.

Ерофеев В. Пейзаж русской души. Русская газета, 1994, № 15.

Иванова Е. И.. Ситуативная модель описания национального поведения // Русский язык как иностранный: Теория, Исследования. Практика. Выпуск VI. С.-Петербург, 2003.

Кеэрберг Лийс Что меня удивляет в поведении русских? -// Русское и финское коммуникативное поведение. Вып. 2. Санкт-Петербург. 2001.

Стернин И.А. Коммуникативное поведение как предмет изучения и обучения. // Русистика и современность: лингвокультурология и межкультурная коммуникация. Санкт-Петербург, изд-во "Сударыня".2002.

Rajurui Hille Kuidas kohaneda võõras kultuuris? Tallinn, Kirjastus Tea. 2000.

Realo A., Allik A. A Cross-cultural study of collectivism: A comparison of American, Estonian and Russian Students/ // Journal of Social Psychology, 1999.

Onnepalu T. Eestlase rist on individualism. - "Maaleht", 15 aprill 1999, № 15.

Примечание: в основу статьи положены материалы, частично опубликованные автором в сборнике «Человек. Сознание. Коммуникация. Интернет» (Варшава, 2004 г.)

Общение эстонцев с соседями

Когда мы рассматриваем общение между соседями, следует обратить внимание на то, о каком промежутке времени идёт речь и на место, где происходят события: имеем мы дело с сельскими или с городскими жителями?

Если отступить назад во времени, то в сельском обществе общение между соседями было больше, чем в городе. Это обуславливается тем, что в деревне у людей круг общения более ограничен, чем в городе, а также надо было договариваться насчёт общих работ. Очень распространена была в деревнях разнообразная совместная деятельность, это всё предполагало общение. Тут можно привести пример совместной деятельности хуторян: постройку и поддержание школ и народных домов. Именно так получили своё начало большинство общин и народных домов, которые давно существовали в Эстонии по инициативе крестьян. В то же время надо помнить, что общение между соседями было связано с совместной деятельностью, и это не касалось личной жизни.

Среди эстонцев никогда не считалось достойным одалживание или просьба о помощи, так как со своей жизнью и хозяйством каждая семья должна была справляться сама. Так просто никто не вмешивался в чужую жизнь. Были точные границы того, что можно и чего нельзя, и их придерживались. Разговоры об общих делах велись в церкви, в народном доме, в кабаке, но было немыслимо просто так пойти в гости к соседу— насчёт этого до сих пор существует вопрос: по делу или как? Столь же немыслимым было, чтобы кто-то начал обсуждать дела своего хутора, семейные дела и жизнь, так как это было не для обсуждения с соседями (сор не выносят из избы!).

Если на хуторе были какие-то празднования, например помолвка или свадьба, то на них приглашали родственников, а не по соседству живущих людей. Важнее было родство, а не частота общения. Родственников, с кем, бывало, общались раза два в год на церковных праздниках, звали на отмечание важных семейных событий, а соседа, с кем встречались и общались намного чаще, не приглашали, так как дело касалось семейной жизни, а не общественной. И про дни сегодняшние можно сказать тоже, что с соседями общаются только по необходимости— например, надо договориться о постройке забора, ремонте дороги и т.д.

В городах или в посёлках городского типа соприкосновения с соседями могут быть более частыми, но, как правило, они столь же поверхностны. С соседями здороваются, но для разговора должна быть определённая причина. Зачастую не знают даже имён соседей, не говоря уж об остальном. Например, я живу уже более десяти лет в маленьком доме, где есть три квартиры, и я не знаю имён своих соседей, так как у нас не было

поводов для общения, не говоря уже о жителях соседнего дома. То же самое я вижу и у своих знакомых, живут ли они в отдельном доме или в многоэтажке – нет никакой разницы. С соседями только лишь деловые отношения. Если в деятельности соседей есть что-то возмущающее, то обычным разрешением проблемы является жалоба квартирному товариществу, хозяину дома или обращение в суд (полицию), но сами не идут разбираться.

Если сравнить общение между представителями русской национальности, то тут видно важное различие. Я заметила, что у этого народа общение с соседями более тесное. У моего знакомого, у которого в соседней квартире живут русские, их поведение – позвонили в дверной звонок и попросили одолжить соли – вызвало одновременно ошеломление и удивление. То же касается их желания общаться и задавать разные вопросы. Сначала он считал их невоспитанными, грубыми людьми, а затем чужаками. В результате, чем больше его новые соседи стараются завязать с ним дружбу, тем больше он старается держаться от них подальше. И, скорее всего, жители соседней квартиры скоро перестанут пытаться общаться и будут считать, что мой знакомый высокомерный и необщительный тип.

В наши дни сильно влияет на общение между людьми использование компьютера и Интернета. Так как большая часть населения использует компьютеры и имеет подключение к Интернету, то связи в реальной действительности времени уменьшилось. Зато виртуальное пространство даёт безграничную возможность общаться с желанными людьми.

Л. Кеэрберг

О некоторых особенностях коммуникативного поведения русских в сопоставлении с эстонцами¹

Мне хотелось бы обратить внимание на те черты русского коммуникативного поведения, которые меня больше всего удивляют. Среди них есть такие качества, которые я считаю положительными и которым я искренне завидую, и такие, которые так сильно отличаются от

¹ Автор, Лийс Кеэрберг, студентка Тартусского университета, изучающая русский язык, прошла в 1999—2000 уч. г. семестровое включенное обучение на филологическом факультете Воронежского университета. Она прослушала спецкурс «Русское коммуникативное поведение» профессора И. А. Стернина и подготовила реферат о различиях русского и эстонского коммуникативного поведения, избранные места из которого публикуются ниже. Данные материалы были опубликованы в сборнике: Русское и финское коммуникативное поведение. Вып. 2. С-Пб, 2001, с.25-28.

моего родного эстонского коммуникативного поведения, что я с ними никак не могу смириться.

Во-первых, конечно, удивляет беспредельная готовность к общению. Русские любят много говорить. Поражает (в положительном смысле) то, что русские могут обсуждать серьезные темы долгие часы, и, кажется, что они даже совсем не устают.

Эстонцы, наоборот, малоговорящий народ. У нас это просто не принято. Эстонцы, конечно, общаются друг с другом, но они более замкнутые, стеснительные. К долгим разговорам эстонцы не привыкли, а на тех, кто «много говорит», эстонцы смотрят косо. В эстонском языке много поговорок, выражающих неодобрение по отношению к болтунам — *говорить — серебро, молчать — золото; закрой рот, сердце простудишь* и др. Возможно, это потому, что в Эстонии, где жили в основном крестьяне, а образованные люди появились только в XIX в., ценились люди с практическим умом, люди практического труда.

Удивляет также русское гостеприимство. Русские демонстрируют бескорыстную доброжелательность, желание, чтобы люди вокруг тебя чувствовали себя уютно, хорошо — в ответ русский человек ждет только такого же хорошего отношения. Эти качества в нынешнем мире редко встречаются. Иногда я даже думаю, что русские чрезмерно гостеприимны — они могут отдать все, остаться совсем без денег, без еды, только чтобы человек рядом был счастлив.

Думаю, что это важная часть русской философии жизни — жизнь мгновенная, ею надо наслаждаться, не надо думать о том, что будет завтра, поскольку надо использовать сегодняшний день. С одной стороны, это проявление сердечности русского народа, с другой — отражение некоторой трагичности русской жизни: отсутствие частной собственности, отношение ко всему материальному как к чему-то не очень важному для жизни. К этой проблеме русские и эстонцы относятся по-разному. Эстонцы старались как можно больше трудиться, сохранять деньги, мало тратили, стремились к богатству. Русские нашли другое решение, которое мне больше нравится, хотя экономить в далекой перспективе оказывается более выгодно.

Удивляет в России культура *обращения* — *молодой человек, женщина, мужчина, девушка*, особенно последнее обращение, поскольку это выражение используют часто и при обращении к совсем не молодым людям. В эстонском языке обращение типа *женщина* звучало бы грубо, во всяком случае — холодно.

Необычна эмоциональность русского общения. С одной стороны, это положительная черта — в том смысле, что русский человек привык высказывать свое мнение, выражать свое отношение и чувство, не накапливает в душе чрезмерное напряжение. С другой стороны, решения, принятые в эмоциональном состоянии, не всегда могут соответствовать реальной ситуации. Они могут дать кратковременный эффект, но

последствия такого решения могут в перспективе оказаться противоположными желанию человека.

Эстонцы, в сравнении с русскими, мало эмоциональный народ. Эстонцы даже считают, что слишком высокая эмоциональность — это проявление слабости человека. Особенно это касается мужчин, но и женщины-эстонки тоже редко показывают свои эмоции.

Удивляет то, что русские редко говорят спокойным голосом, обычно слышны высокие, часто нервные интонации, даже в деловом общении.

Иногда удивляет отсутствие у русских чувства меры — в разговоре, при вручении подарков. Мне кажется, что в русской коммуникативной среде слова как бы потеряли для меня свою ценность — их вокруг так много! И подарки, ежедневные дарения — тоже, именно потому, что это делается так часто.

Эстонцы редко дарят что-нибудь, и когда они вручают подарок, он действительно имеет высокую ценность — не в материальном, а в моральном смысле, причем и для того, кто дарит, и для того, кому дарят. Это остается в памяти надолго. А в России не успеваешь даже искренне обрадоваться, когда тебе что-нибудь дарят....

Удивляет то, что русские все делают вместе. У русских как будто отсутствует отдельный, свой личный мир, свои мечты, предпочтения и т. д.

В этом смысле эстонцы очень сильно отличаются от русских. Я не скажу, что русский стиль общения, русский стиль жизни в этом смысле мне не нравится, что я считаю его плохим — нет, такого нет. Просто наша природа другая — эстонцу нужно быть одному. Иногда он страдает от этого, не с кем разделить чувства, мысли, но для этого есть хорошие друзья, к которым можно обратиться. С незнакомыми людьми мы, эстонцы, не общаемся, это считается вмешательством во «внутренние дела» чужого человека. Если обращаться — только с конкретным вопросом, а просто так заговорить — не принято.

Удивляет «бесконечность» русского языка, русской речи. Слова как будто не имеют конца, предложения — начала. Они как бы появляются не знаю откуда и плывут, плывут, плывут — как большая-большая река, не имеющая начала и конца. Может, поэтому русские люди так много и говорят, что у них такой «плывучий» язык? Может, от этого и коллективность, поскольку язык не позволяет расстаться?

Удивляет, что люди на улицах не смотрят в глаза друг другу, как бы прячут свои глаза. Я, правда, знаю, почему это так — это от сложного духовного состояния общества. У нас тоже так было. Надеюсь, что это временное явление, все пройдет.

Удивляет, что к пьяным людям не относятся плохо, негативно. Это, видимо, тоже отражение трагизма общественного состояния. С другой стороны, это человечно. Ну что с ними ругаться, они и без этого несчастны.

В Эстонии пьяных мало, а если они появляются, люди звонят, приезжают специальные мужчины и забирают их в специальные камеры, где они трезвеют. Отношение к пьяным у нас нехорошее, на них смотрят с презрением в душе, их не считают полноценными людьми.

Удивляет отзывчивость русских людей. Например, я ехала на трамвае и не знала точно, когда мне выходить. Спрашиваю у водителя (женщины). Она уточняет улицу, на которую мне нужно: «Точно вам на Краснoзвездную, а не на Краснoзнаменную? Вы уверены?» И потом сказала: «Вам еще долго ехать». Когда мы подъехали к моей остановке — я ее уже узнала — она специально подошла ко мне, чтобы сказать, что это моя остановка и мне выходить. Но подходить ко мне совсем не надо было — я ей уже глазами показала, что я узнала свою остановку, но она все равно подошла. У нас такого не бывает. Водитель, конечно, ответит, если ты спросишь, но такого отзывчивого отношения не будет.

Удивляет, что почти незнакомых людей приглашают в гости. Незнакомых в нашем, эстонском смысле, поскольку у нас знакомство продолжается долго, нужно много встреч, чтобы действительно стать хорошими знакомыми.

В Эстонии почти немыслима ситуация, когда ты в каком-нибудь кафе сидишь у общего стола (если нет свободных мест) с незнакомым человеком, еще реже возникает с ним разговор, и, тем более — что в результате ты его приглашаешь в гости или он тебя. Это просто немыслимо, это поражает.

Для эстонца дом — его крепость, он открыт далеко не для всех, тем более он закрыт для незнакомых людей. Приглашают к себе иногда на день рождения или в связи с какими-либо другими важными событиями, которые надо отметить. Молодежь, конечно, чаще ходит друг к другу в гости, но, тем не менее, эстонцы предпочитают проводить время в кафе, гулять и т. д., т. е. находиться вместе вне дома.

Есть еще очень много того, что удивляет в России. В России каждый день узнаешь что-нибудь новое, это и интересно.

О. Мусаева

Из наблюдений над общением и поведением эстонцев

Мое проживание в Эстонии в течение двух лет позволяет сделать некоторые выводы об эстонском коммуникативном поведении. Наблюдения сделаны в основном в городе Тарту.

Тарту — студенческий город. Тарту оживает в сентябре, с началом семестра. На каникулах, особенно летом, город пустеет. Весной и осенью проводятся студенческие недели, во время которых проводится такое количество мероприятий, что успеть даже на малую часть из них очень трудно.

Эстонцы устраивают мероприятия с большой фантазией. Даже не затрачивая на их проведение больших сумм денег, они умеют сделать так, чтобы было весело и интересно (а часто и полезно). Студенты умеют сочетать усердную учебу и веселое проведение времени. После вечеринки, продолжающейся почти до утра, рано идут на лекции, не прогуливают. Учатся действительно усердно, потому что понимают, что делают это для себя. Веселятся тоже с чувством. Ближе к сессии ночные клубы пустеют, вечеринки затихают – все начинают учиться. Стоит отметить, что в общежитиях, где живут эстонцы, очень тихо. Шумно только в одном общежитии, где живут иностранцы. Эстонцы очень удивляются такому бурному веселью.

Для студентов существует множество скидок, при наличии студенческого билета можно получить скидку не только на междугородние автобусные билеты, не только в магазинах или кафе, но и главное, в театр или на концерт - можно купить билет с 40% скидкой. Культурная жизнь идет очень активно, даже в небольшом городе всегда есть выбор, как провести вечер. Концертные залы и театры почти всегда полны, приходят люди самых разных возрастов, всегда очень нарядные. Особенно эстонцы любят гастрольные спектакли, всегда вызывают на бис, но хлопают сдержанно, могут стоя приветствовать артистов, но никто не кричит «браво». В театре и в концертном зале зрители не поднимаются на сцену с цветами для артистов, как в России. Изящные букеты от театра подносят служители. Можно подойти к служителю и передать цветы, конфеты, записочку для артистов, все это продается в фойе.

В эстонских учебных заведениях преимущественно звучит монолог преподавателя, студенты молчат, даже если им задают вопрос. Не принято задавать вопросы преподавателю во время лекции, студенты слушают молча. Они крайне скупое демонстрируют даже невербальную реакцию, редко смотрят на преподавателя.

Среди эстонских преподавателей не принято открыто критиковать студентов, делать им замечания, порицать в присутствии других. Преподаватели обычно не повышают голос. Уважение к студентам проявляется, например, в том, что при объявлении оценок за экзамены и контрольные работы называются не фамилии и имена студентов, а номера зачетных книжек – каждый знает свой номер и узнает свою оценку, а оценку других - нет.

В связи с тотальной интернетизацией страны вся система образования (особенно в университетах) тесно связана с Интернетом. Тартуский университет имеет специальную систему. Каждый студент имеет свой логин и пароль для входа в систему. На сайте университета студенты должны сами регистрироваться на выбранные предметы. Студенты также обязаны регистрироваться на экзамен, так что преподаватель знает заранее, сколько человек придет сдавать.

На странице своего предмета преподаватель вывешивает список литературы (часто – на нескольких иностранных языках), задания, там же можно найти расписание занятий, оценки за контрольные работы и экзамены. После окончания семестра все студенты обязаны заполнить анкету, в которой отвечают, было ли интересно на занятиях, считают ли они данный предмет полезным и т.д.; там же пишут свои пожелания – что, на взгляд студента, стоит улучшить в данном курсе, о чем стоит рассказать подробнее, и т.д. Но и без этого анонимного контроля преподаватели очень ответственно относятся к проведению занятий, они никогда не читают один и тот же курс лекций одинаково, непременно вносят что-то новое, меняют. На лекциях всегда присутствуют технические средства обучения: проекторы, телевизоры, DVD-проигрыватели, компьютеры. В университете много оборудованных компьютерами аудиторий. Некоторые преподаватели вывешивают лекции в Интернете на своей страничке, рассылают задания студентам по электронной почте.

Все эстонские библиотеки объединены в единый Интернет-каталог, поэтому, не выходя из дома, можно легко узнать, есть ли интересующая вас книга в какой-либо из библиотек, имеется ли она в наличии, и заказать ее. Библиотеки оснащены новейшим электронным оборудованием. Во время сессии библиотека Тартуского Университета работает и ночью, чтобы студентам было удобнее готовиться к экзаменам. Ночью студентов даже угощают энергетическими напитками, печеньем, раз в несколько часов проводят гимнастику.

Эстония по праву гордится званием самой интернетизированной страны, к Интернету подключено более 80% населения, причем часто количество подключенных превышает количество членов семьи, т.е. некоторые члены семьи имеют несколько компьютеров и все они подключены. Способов подключения к Интернету множество, он быстрый, качественный и дешевый, студентам предоставляются особые скидки, студентам, живущим в общежитиях – еще большие скидки.

С помощью Интернета в Эстонии можно сделать все, поэтому многие уже не помнят, как выглядят наличные деньги, бумажные паспорта и бумажные проездные. Помимо огромного (и все растущего) количества точек WiFi (беспроводного подключения к Интернету), существует множество бесплатных или недорогих общественных пунктов пользования Интернетом. Люди, медленно и осторожно печатающие двумя пальцами, воспринимаются как неместные.

В связи с вступлением Эстонии в Европейский Союз и все растущим количеством приезжающих учиться иностранцев многие курсы читаются по-английски. Существуют специально ведущиеся на финском языке специальности, поскольку в Эстонию приезжает учиться много финнов.

Для европейцев открыт специальный курс лекций по истории и современному состоянию прибалтийских стран на английском языке. Заведующий кафедрой, профессор, обязан знать эстонский, русский и

английский / немецкий языки. Но на этих языках говорят почти все преподаватели. Вообще, отличное знание английского, особенно молодежью, распространено почти повсеместно, что является результатом целенаправленной политики государства, т.к. эстонцы ориентированы на вхождение в Европу.

Во многих школах дети изучают несколько иностранных языков. В университете существует Языковой центр, в котором студенты могут бесплатно изучать многие языки (не только европейские). Фильмы в кинотеатрах идут на языке оригинала, с субтитрами на эстонском и русском языках, по телевидению – с субтитрами на эстонском. В магазинах и библиотеках очень много книг на иностранных языках. Стоит добавить, что далеко не все произведения мировой классической литературы, а также новинки мировой литературы к данному моменту переведены на эстонский язык (сейчас в этом направлении идет интенсивная работа), поэтому хорошим тоном считается чтение произведения на языке оригинала. Многие молодые люди хорошо говорят и на других иностранных языках, даже экзотических.

Огромное количество студентов ездит учиться и работать в Европу и Америку, что также способствует хорошему знанию иностранных языков. Поэтому иностранцы не чувствуют себя неуютно в Эстонии: везде указатели на английском языке, обслуживающий персонал говорит по-английски. Отдельно стоит заметить, что, поскольку финны совершают частые коммерческие и туристические поездки в Эстонию, для обслуживающего персонала почти обязательно владение финским языком.

Здесь же скажем, что обслуживающий персонал исключительно вежлив. В сфере бытового обслуживания не возникает проблем, редко можно услышать жалобы на бюрократию, бумаги оформляются быстро и качественно. При возникновении проблемы ее всегда можно урегулировать. Во всяком случае, всегда вежливо выслушают и сделают что-то, чтобы помочь. Вообще эстонцы очень вежливые люди, разговаривают всегда очень любезно, негромко, никто никогда не кричит, всегда стремятся найти компромисс.

Не принято бурно выражать свои эмоции. Эстонцы очень не любят, когда громко разговаривают, смеются, шумно ведут себя в общественных местах, поэтому иностранцы очень заметны в эстонской среде. К иностранцам относятся вежливо, но настороженно.

Эстонцы законопослушны. Например, недавно введен закон, обязывающий граждан носить светоотражатели, чтобы в темноте людей не сбили водители машин, и подавляющее большинство людей сразу прикрепило светоотражатели к одежде или сумкам. Даже собакам надели светоотражатели.

Эстонцев трудно назвать общительными людьми. Для них характерна так называемая бытовая неулыбчивость. На улицах люди не смотрят друг на друга, нет контакта глазами, нет улыбок. Характерны жалобы русских

девушек на то, что на них «не обращают внимания». На самом деле это проявление бытовой культуры: не принято смотреть на других людей в общественном месте, особенно смотреть пристально. Представить, что эстонский юноша подойдет на улице познакомиться к девушке, невозможно, это нереальная ситуация.

Эстонцы молчаливы. Для них необязательно поддерживать разговор, возникшие паузы не считаются неловкими, это не считается невежливым, как у русских.

Закрытость эстонцев сочетается с открытостью отдельных сторон жизни человека. Например, некоторые не занавешивают окна с наступлением темноты, видимо, их не смущает, что с улицы или из дома напротив видно, что происходит в квартире. Существует много кафе и ресторанов, имеющих стеклянные стены или почти сплошные окна от пола до потолка. В некоторых офисах также стеклянные стены, строят много домов с окнами во всю стену. Наверное, это можно объяснить модным направлением в архитектуре, потому что люди жалуются, что в таких домах холодно и чувствуется вибрация от стекол, что вредно для здоровья. Здесь стоит сказать, что эстонцы, несомненно, более закаленные люди, чем русские, их с детства приучают к холоду, в домах у них прохладно и даже в морозы они одеты довольно легко.

Эстония – страна небольших размеров, что, несомненно, накладывает отпечаток на сознание жителей – они мыслят маленькими расстояниями. Этому также способствует хуторское хозяйство: крестьяне живут обособленно, каждый на своем хуторе, это тоже объясняет замкнутость эстонцев.

Очень развито междугороднее автобусное сообщение, сейчас государство стремится с помощью разных льгот развивать также железную дорогу.

Эстонцы гордятся своими достижениями в спорте, состязания по лыжам смотрят все, и победительница Олимпийских Игр Кристина Шмигун – национальная героиня. Очень многие люди занимаются спортом, ходят в спортзал, бассейн, на выходные ездят в Отепя кататься на лыжах. В парках в любое время суток можно встретить людей, занимающихся бегом.

Эстонцы умеют красиво и со вкусом украшать дома и интерьеры, особенно к празднику. Очень красиво составляют букеты.

Девушки следят за модой, одеваются легко и удобно, в спортивном стиле, не перегружают лицо косметикой, у многих длинные волосы. Эстонские женщины выглядят стильно, молодо и ухоженно, эстонские мужчины одеты и причесаны по моде. Эстонская мода отличается от общеевропейской, эстонцы одеваются очень оригинально, с выдумкой, со вкусом, умеют сочетать, казалось бы, несочетаемое, знают, куда и как одеться, у людей есть свой стиль.

Эстонцы любят все национальное, с гордостью носят национальные костюмы. Во время национальных праздников, когда устраиваются

народные гуляния, люди, участвующие в торжествах, выходят из дома уже в национальном костюме и с удовольствием носят его весь день. Очень любят народную музыку, очень гордятся своими традициями. Эстонцы очень любят Рождество и задолго начинают к нему готовиться, проводят Рождество обычно с родственниками, собираются всей семьей. Новый год почти не отмечают. Национальные праздники отмечают особенно торжественно, почти на каждом доме вывешивают эстонский флаг.

Д.Архипова

Приветствие и прощание в эстонском коммуникативном поведении

Наверное, не существует культуры, в которой не было бы традиционных, сложившихся способов приветствия и прощания. Это самый простой, краткий и в то же время убедительный способ демонстрации внимания, дружелюбия и уважения по отношению к собеседнику. Как же принято приветствовать и прощаться в эстонской культуре?

Приветствие — неотъемлемая часть любой встречи, устного или письменного контакта. Когда люди подходят друг к другу на достаточно близкое расстояние, звучит приветствие, а также принято тепло, вежливо улыбнуться. Если же знакомые замечают друг друга на расстоянии и не имеют возможности подойти ближе (например, находятся на разных сторонах улицы), то в качестве приветствия машут друг другу рукой, улыбаются или просто слегка кивают головой, улыбаясь. Выкрикивать приветствие считается невежливым и неадекватным.

От близости знакомства зависит способ приветствия. Близкие люди могут приветствовать друг друга объятием, поцелуем, но обычно такой способ практикуется тогда, когда люди давно не виделись. Как правило, ограничиваются обычными приветственными словами. Приветствие рукопожатием не очень распространено и остается традиционным у людей старшего поколения, как правило, у мужчин. Среди молодежи становится модным приветствие похлопыванием по плечу (у юношей) и легкое объятие со скользящим соприкосновением щеками.

Между деловыми партнерами и на приемах принято приветствие рукопожатием.

Приветствуют друг друга не только знакомые. В магазинах, в пунктах обслуживания и других подобных учреждениях принято приветствовать работника (продавца, консультанта), даже если планируется очень краткий контакт.

Какими словами приветствуют в Эстонии? Подавляющее большинство вариантов подходит как для формального, так и для неформального общения. В эстонском языке в приветствии не различаются «ты» и «вы», и

потому любое из них будет звучать одинаково вежливо и уместно как для маленького ребенка, так и для пожилого человека:

- *tere* — «здравствуй(те), привет»;
- *(tere) hommikust* — «доброе утро»;
- *(tere) päevast* — «добрый день»;
- *(tere) õhtust* — «добрый вечер»;
- *tervist* — «здравствуй(те), привет»;
- *jõudu* — дословно: «силы» (приветствие человеку, который в данный момент занят неким делом);
- *jätku leiba* — дословно: «пусть хватит хлеба» (приветствие человеку, который в данный момент ест).

В разговорной речи в настоящее время распространено краткое приветствие *tsau* («привет»), которое используется между молодыми людьми или хорошими знакомыми любого возраста. Как правило, представители старшего поколения это приветствие не используют.

Довольно распространено приветствие, объединенное с вежливым вопросом: *Tere! Kuidas läheb?* — «Здравствуй(те)/привет! Как дела?». На такое приветствие уместно ответить *Hästi, tänan küsimast!* — «Хорошо, спасибо, что спросили!».

В каком порядке принято приветствовать присутствующих? Как мне кажется, определенных правил здесь нет, хотя некоторые современные книги по этикету бытового общения говорят иное (R. Reinvelt, E. Kurme. *Nii on kombeks!* — Р. Рейнвельт, Э. Курме «Так принято!»). Соглашусь лишь с тем, что обычно первым произносит приветствие тот, кто входит в помещение. А также первым здоровается тот, кто обращается с вопросом, просьбой или др. (например, в магазине: если первым к покупателю подошел продавец, то приветствует он, если же обратился покупатель, то здоровается, соответственно, обращающийся).

В телефонном общении действуют те же правила: перед тем, как сообщить цель своего звонка, необходимо произнести приветствие. В учреждениях утверждены свои особые формы приветствия: как правило, это название фирмы (учреждения) и затем приветственное слово (*Tartu Ülikooli Narva Kolledž. Tere!* — «Нарвский колледж Тартуского университета. Здравствуйте!») или же приветственное слово и имя работника (*Tere! Anu Koor kuuleb.* — «Здравствуйте! Ану Коор слушает»). В зависимости от корпоративной политики и внутреннего распорядка фирмы может быть и другое приветствие.

В письменном общении принято приветствовать по титулу и (имени) и фамилии: *Lugupeetud härra (Toomas) Aus!* — «Уважаемый господин (Тоомас) Аус!». В менее официальном варианте можно приветствовать таким образом: *Hea klient!* — «Хороший клиент!». Когда переписка проходит не первый раз, то длинные и сверхвежливые приветствия неуместны и используется приветствие с именем получателя: *Tere, Margit!* — «Здравствуй(те), Маргит!».

Прощание настолько же обязательно с точки зрения вежливости и хорошего тона, как и приветствие. Обычно оно краткое, и за ним не следует продолжения беседы, например, с целью назначить время следующей встречи — это делается до произнесения прощальных слов. В устной речи используются такие варианты, как *head aega, nägemiseni (nägemist), kohtumiseni* («до свидания, до встречи»), которые подходят как для формальных, так и неформальных случаев. С малознакомым человеком или в завершение общения по телефону корректно также проститься словами *kõike head* («всего хорошего»), *head päeva* («хорошего дня»). Прощаться принято со всеми, с кем было проведено какое-то время вместе или с кем состоялась беседа: со случайным попутчиком, с продавцом в магазине, с преподавателем после лекции...

В письменном общении такие варианты обычно не используются. Распространены всевозможные пожелания в конце письма, которые располагаются перед именем отправителя:

parimate soovidega («с наилучшими пожеланиями»), *tervitades* («приветствуя»), *ilusat nädalavahetust* («хороших выходных»), *kauneid pühi* («прекрасных праздников»), *päikeseliste soovidega pakaselisel päeval* («с солнечными пожеланиями в морозный день») и др. Внешняя «несерьезность» таких прощаний не препятствует их добавлению в официальное письмо клиенту, партнеру, начальнику, коллеге... Самое нейтральное прощание в письме — *lugupidamisega* («с уважением»).

Думаю, будет неправильным утверждать, что манера приветствия и прощания в эстонской культуре сильно отличается от других культур, будь то культура европейская или славянская. Эстония стремится перенять западные традиции не только на государственном уровне, но и на самом обыденном, житейском (вспомним новое веяние в приветствии с помощью псевдопоцелуя). Лично для меня приятной традицией является приветствие и прощание в магазине, что в некоторой степени перекликается с восточными обычаями: чтобы вернуться назад, нужно уйти, попрощавшись. Такие важные элементы любого вида общения как приветствие и прощание, стремятся к подчеркнутой корректности и в меру дружелюбной вежливости, что сдобрено свойственной эстонскому темпераменту сдержанностью и спокойствием.

Е.Белова

Жаргон русскоязычных эстонских школьников

Возрастной жаргон (школьный, студенческий) — одна из разновидностей многообразных жанров устной речи. Школьный и студенческий жаргон является основой молодежного сленга.

Здесь будет идти речь о сленге русскоязычных школьников северо-востока Эстонии. Для написания статьи использованы данные

студенческого исследования о сленге школьников школ из городов Кивиыли и Нарва, расположенных в разных концах Эстонии. Методом исследования было анкетирование школьников и наблюдение за речью ребят.

Материал исследования может быть классифицирован следующим образом.

1. Слова, обозначающие учителей, персонала школы.

Директор: гражданин начальник, душегуб, дирик, дерибас.

Директор и завуч: страх и ужас.

Завуч: судья.

Учитель: учитель-мучитель, ползунок, училка, начальник, профессор, садист, самый главный.

Учитель английского языка: англичанка.

Учитель немецкого языка: немка, иностранка.

Учитель эстонского языка: эстонка.

Учитель по физкультуре: тренер, физрук.

Учитель по физике: физик, физичка, молекула, электробус.

Учитель по психологии: псих.

Учитель по труду: трудовик.

Учитель по биологии: биологичка, бактерия.

Учитель по географии: географичка, глобус.

Учитель по математике: циферблат.

Характерно, что учителя получают как негативные наименования (садист, мучитель), поскольку воспринимаются как надзиратели, подавляющие волю ученика, так и наименования по «высокому званию» (профессор, начальник, самый главный).

2. Слова, обозначающие ученика.

Ученик – каторжник, бедный мученик, свой.

Двоечник – «профессор», разгильдяй, дятел, неуч, даун, дурак, лузер (loser).

Отличник: медалист, зубрила, зазнайка, отстой, фантик, ботаник.

Троечник: нормальный, свой человек, середнячок.

Ученик, как товарищ, как человек: чувак, чувиха, кореш, корефан.

Прогульщик: шланг, гулящий.

Сосед по парте: крендель.

Класс, свой коллектив: братва, племя, сборище, банда, бригада, семья.

Двоечники и отличники получают нелестные, а порой даже унижительные наименования, но с другой стороны, эти наименования носят иронический характер.

3. Слова, обозначающие школу, ее помещения.

Школа: ад, дурдом, тюрьма, зона, клетка.

Коридор: аллея, тоннель, вытрезвитель.

Кабинет: камера.

Столовая: свинарник, жральня, хавальня.

Гардероб: барахолка, рынок, секонд хэнд (second hand).

Туалет: тубзик, тубзооборона, вычислительный центр (WC), толчок.

4. Слова, обозначающие школьную мебель, школьную утварь.

Рюкзак: баул, чемадан.

Ручка: костыль.

Стирательная резинка: стиральная машинка, резина, жевальня.

Шпаргалка: шпора, библия.

Дневник: записки сумасшедшего, документ, макулатура.

Карандаш: андаш.

Тетрадь: записи, мемуар.

Журнал: жмурик.

Доска: барьер, к доске – «к барьеру!», стояк.

Парта: место, задняя парта – камчатка.

5. Слова, обозначающие оценки.

1: кол, крест.

2: лебедь, пара, параша, тату.

3: треха, трешка, тройбан, нормалек, горбатый.

4: четвертак.

5: пятак, пятишка, пятифан, петруха, Петрович.

Несколько оценок 1 (единиц) 111 – забор.

6. Слова, не вошедшие ни в одну из групп.

Перемена: гульбище, отдых, отпуск, перекур, свобода, обед, отрыв, релакс (relax).

Каникулы: отвальная, отпуск, халява.

Урок: запарка, засада, тундь (от эст. tund)/

Контрольная работа: траур, тупак, муки, «смерть подкралась незаметно», контроша, контролка.

Домашнее задание: фигня, наказание, домашка.

Списывать: катать.

Сходить в туалет: позвонить маме.

Еда, пища: хвалка, пища, хавчик.

Разговор: базар.

Дискотека: дрыгалка.

Драка: махача.

В общем, школа и связанные с ней понятия получают в школьном сленге преимущественно негативную оценку, так как школа учениками воспринимается как принудительный институт жизни, представляется насилием со стороны учителей, родителей, что отражают переносные наименования школы типа *ад, зона*.

Русские и эстонцы в общении

Русские говорят немножко громче, чем эстонцы. В эстонских городах на улицах почти не слышно эстонского языка, поскольку эстонцы не говорят много, или говорят не так громко. Поэтому на улице часто видно (и слышно), кто какой национальности.

Русские часто ведут себя на улице оживленно, и их поведение привлекает внимание окружающих. Эстонцы обычно ведут себя тихо, спокойно, спешат ли, отдыхают ли, в большинстве случаев это происходит незаметно. Возможно, эстонцы не прогуливаются просто так, а ходят только по делам, а когда дела уложены, тогда они спокойно общаются, например, дома или в кафе.

Русские более разговорчивы, чем эстонцы. В Эстонии не принято общаться на улице или на остановке, во время ожидания автобуса. Если бы кто-то начал беседовать с чужим человеком, его сочтут странным и даже постараются избежать общения с таким человеком.

Эстонцы более сориентированы на свой внутренний мир, если кто-то обращается к ним и хочет навязать беседу, это может быть оценено как вмешательство во внутренний мир, которое ставит человека в неловкое положение. В России, как я заметила из личного опыта, люди очень расположены к общению. Видя незнакомого человека, хотят узнать, откуда он, что он здесь делает, просто поговорить, рассказать о том что у них на сердце, иногда разговор доходит даже до семейных проблем. Однажды зимой со мной заговорила прохожая женщина, с которой вместе довелось идти по скользкому тротуару. Она несла две большие сумки и жаловалась на скользкую дорогу. Я не очень хотела с ней говорить и просто шла рядом. Продолжая свой монолог, женщина рассказала, какие продукты она купила, и сколько что стоило. Она была совсем чужая для меня! Но за эти 30 метров она успела много интересного о себе рассказать. Я не очень знала, как вести себя в таких спонтанных беседах. Не нашлось, что сказать, просто иногда говорила «да-да» и кивала головой. В Эстонии только очень знакомый человек мог бы так говорить со мной на улице.

Был случай, когда женщина шла по улице и громко и отчаянно плакала, можно сказать, редела. Я видела первый раз в жизни что-то подобное, и не знала, что делать. В начале я думала, что может быть ей надо помочь, может быть, ее ограбили, или сделали что-то плохое, может она хочет, что бы вызвали милицию. Но видя, что другие люди не обращают на нее особого внимания, и она сама тоже не ищет помощи, я не стала ставить себя в неловкое положение и ничего не сделала. Потом я подумала, что, может быть это особое русское явление, что люди так открыто и публично выражают свои эмоции.

Вспоминая жизнь в Воронеже, иногда кажется, что времени там не существовало, или наоборот, его было очень много или просто, часы там

ходили как-то по-другому. Был просто день, поток жизни, не было много забот, были друзья и было время, что бы с ними встречаться. В Эстонии есть время, но его очень мало, у каждого есть свои часы, на которые часто смотрят, чтобы никуда не опоздать, каждый планирует свой день.

Одна девушка из Эстонии, которая раньше меня училась в Воронеже, говорила однажды, что скучает по свободе, по этому бытию без часов, когда не надо никуда спешить, нет гонки за временем, нет такой сильной конкуренции между людьми за деньги и работу, как на Западе.

В Эстонии кажется, что все люди заняты, все всегда куда-то спешат и занимаются чем-то очень важным. Иногда, чтобы встретиться с друзьями, надо договориться о встрече за две недели вперед, чтобы все могли прийти. Эстонцы больше индивидуалисты, чем русские. Они больше ориентированы на собственные цели, желания. Русские - коллективисты, любят товарищество, совместные мероприятия.

Почти у всех эстонцев есть свой сельский домик с огородом и даже собственным лесом или землей. В Эстонии считается довольно престижно иметь свой дом вне города, часто где-то далеко от других людей, среди природы.

Я заметила, что русские бабушки сидят на лавке всегда очень тесно, близко друг к другу. В Эстонии, наоборот, все сидящие стараются садиться как можно дальше друг от друга.

В Эстонии не очень принято обниматься при встрече со знакомыми. Среди эстонских мужчин не принято пожимать руки при встрече на улице. Рукопожатие - это особое приветствие и знак готовности к общению, беседе; обычно этот способ приветствия используют старшие мужчины.

Русские часто пожимают руки при знакомстве. Среди русской молодежи рукопожатие очень распространено. Проходя по улице, знакомые молодые люди могут пожать друг другу руки, не обменявшись ни словом. Рукопожатие для них, наверное, знак уважения. Иногда может даже показаться, что они принадлежат к какой-то тайной организации, и такое уличное, мимоходное рукопожатие – один из специальных знаков.

М.Лаврентьева

Эстонский характер и поведение

Эстонский народ является одной из трёх крупных наций, населяющих современную Прибалтику (другие нации – литовцы и латыши). Современная Прибалтика в историко-культурном отношении представляет собой особый регион. Сложные исторические условия, в которых оказались народы Прибалтики в эпоху Средневековья (начиная с XIII в. происходили захваты прибалтийских земель немецкими рыцарями, Данией, Швецией, Польшей), имели своим последствием нарушение процесса их самобытного социально-экономического развития. Из всех

народов Прибалтики только литовцы имели в XIII веке свою государственность.

В XVIII в. Прибалтика была включена в состав России, однако господствующее положение в Эстонии и Латвии продолжали занимать немецкие землевладельцы, а в Литве – польские феодалы и пропольски настроенная литовская знать. В условиях феодальной России продолжался процесс консолидации народов Прибалтики, а в период развития капитализма происходило формирование литовской, латышской и эстонской наций. После 1917 г. в Прибалтике установилась на короткий период советская власть, но местные националисты, опираясь на помощь иностранных войск, восстановили старые порядки. В 1940 г. народы Прибалтики вошли в состав СССР.

Латыши, литовцы и эстонцы в силу специфики исторического развития обладают общими национально-психологическими характеристиками, к числу которых можно отнести:

- сравнительно высокую образовательную и техническую подготовленность, любовь к технике;
- уравновешенный темперамент, высокую эмоциональную устойчивость, невозмутимость, хладнокровие в сложных ситуациях, терпеливость и обстоятельность во всех видах деятельности, способность выдерживать большие нагрузки, стойко переносить трудности и лишения повседневной жизни;
- приверженность строгой логике в мышлении, тщательное осмысление явлений, событий, фактов;
- трудолюбие, добросовестное отношение к выполнению трудовых обязанностей, пунктуальность, аккуратность, исполнительность, высокое чувство ответственности за порученное дело, умение доводить начатое до конца;
- некоторую замкнутость и слабую общительность во взаимоотношениях с представителями других национальностей.

Как правило, представители этой группы народов внешне спокойны, внутренне уравновешенны, в движениях, действиях кажутся несколько медлительными, что объясняется их склонностью к рациональности, выверенности действий и поступков, а также привычкой действовать только обдуманно.

Среди представителей этих этнических общностей заметно стремление к образованию микрогрупп на национальной основе. Сдержанность в отношениях, скупость в проявлении чувств, осторожность в высказывании личного мнения часто воспринимаются людьми других национальностей как скрытность, обособленность. В то же время при выполнении трудовых обязанностей, особенно в сложных ситуациях, прибалты проявляют активность, разумную инициативу, находя порой своеобразные, неординарные решения. Они стойки и мужественны в сложной обстановке, в условиях стихийных бедствий, невзгод.

Для эстонцев характерно особое отношение к труду – как к призванию. Любовь к труду в культуре эстонского этноса составляет ключевое качество, определяющее вес личности в обществе. Отношение к своим профессиональным обязанностям в представлениях эстонцев – это способ жизнедеятельности, форма самовыражения. Личность, по их понятиям, может обладать целым набором положительных и социально одобряемых качеств, способностями и даже талантом, но если они не будут находить выражение в конкретных выражения труда (в социальном продвижении, в признании всем обществом профессиональных заслуг данного человека или созданного им материального базиса для семьи), то эти характеристики, как таковые, в представлениях эстонцев теряют свою ценность.

Отношение к труду – это для эстонца и основной критерий оценки представителей иных национальностей. К последним в эстонском трудовом коллективе долгое время будут присматриваться, выясняя их желание и умение трудиться, целеустремлённость, прежде чем проявят в ответ уважение и сердечность. Подобное отношение порождает мнение об осторожности эстонцев в общении, что зачастую не соответствует действительности.

Причины указанных черт следует искать в образе жизни народа. Эстонцы до революции в основной массе занимались земледелием, жили на хуторах, арендовали, как правило, землю у помещиков. Чувство хозяина, на плечах которого лежала забота и о детях, и о родителях, заставляло трудиться на совесть. Крестьянин держал ответ только перед самим собой. Успеть надо было за короткое лето многое. В напряжённой работе не до разговоров. Так вырабатывался свой, национальный стиль общения – немногословный, сдержанный. Движения у эстонцев предельно экономны. Они не любят торопиться, упорны и целенаправленны в достижении поставленных целей. Они стоически относятся к физическим страданиям, не одобряют сентиментальности, нетвёрдости и слабости. В трудовой деятельности эстонцы исключительно ответственные, исполнительные, надёжные, пунктуальные. Они отличаются высокой общеобразовательной и физической подготовленностью, технически грамотны, аккуратны, не терпят грубости и практически не вступают ни в какие конфликты.

Представители этой национальности всегда имеют независимое личное мнение по любому вопросу, однако не спешат высказывать его, всесторонне обдумывают и взвешивают каждое слово, если они решили высказаться, то делают это прямо и честно. В сложной ситуации эстонец не станет юлить, менять мнение в зависимости от конъюнктуры или в угоду кому бы то ни было.

Многие исследователи отмечают, что, будучи руководителями среднего ранга, эстонцы хорошо справляются со своими обязанностями, умело передают свои знания и опыт подчинённым. Эстонцы уважают тех своих

начальников, которые не суеются, держат слово, редко меняют решения, знают своё дело. Тогда они беспрекословно исполняют распоряжения: авторитет руководителя имеет для них очень большое значение.

По сравнению с представителями других национальностей, в многонациональном коллективе эстонцы порой выглядят замкнутыми и малообщительными. Видимо, данное мнение неверно по своей сути. Русские привыкли к одному типу общения, кавказцы – к другому, жители Прибалтики – к третьему. И невозможно оценить, какой из них лучше, – все имеют право на существование. Однако недопонимание таких простых вещей иногда приводит к неверным оценкам людей. Если узбеку для нормального самочувствия необходимо в течение дня перекинуться словом с десятком человек, то эстонцу достаточно поговорить с двумя-тремя сослуживцами. Эстонцы, как правило, невозмутимы, кажутся спокойными в любых условиях, несколько флегматичными. Но это только на первый взгляд. Просто в их национальных традициях не принято демонстрировать свои чувства, своё психологическое состояние даже перед близкими людьми.

Т. Силе

Семейное общение в Эстонии

Начну с личного опыта. Я приехала в Нарву, в Эстонию, учиться. Здесь живет моя бабушка, за которой в тот момент в связи с ее болезнью надо было ухаживать, и было учебное заведение, в котором можно было учиться по специальности, которая мне нравилась – детский психолог. Я приехала в Нарву, получала высшее образование на русском языке, общалась с русскими друзьями и не видела особой разницы – в Эстонии я живу или в России (только уровень жизни все-таки в Эстонии уже тогда был повыше).

Дальше, получив высшее образование, я решила остаться в Эстонии. Хотя в России благодаря родителям была возможность устроиться на работу, а в Нарве с работой были проблемы, возвращаться в Россию не захотелось. Точно не могу сказать, почему: то ли оттого, что здесь ощущаешь себя человеком, живущим в Европе, с другим уровнем обслуживания, другими возможностями, то ли просто привыкла. Теперь это уже не столь важно, поскольку решение было принято, и теперь я счастлива, что тогда решила именно так.

Оставшись здесь, я встретила будущего мужа. Он эстонец, его родители эстонцы, среди друзей много и эстонцев, и русских (а еще итальянец и англичанин).

Что мне очень понравилось в муже и его семье и было несколько непривычно – именно семейное общение. Конечно, как все молодые, мы сначала много отдыхали с друзьями, путешествовали, устраивали

праздники до утра. Но как минимум раз в неделю мы встречались с его родными, и это были не просто встречи. Обязательно были семейные обеды, спокойные и долгие разговоры о работе, ремонте, планах на будущее. Бабушка и мама мужа вязали нам шерстяные носки, давали с собой варенье и т.д.

Конечно, все это принято и в русских семьях, но, по-моему, у русских, может быть, в силу национальных особенностей, все проходит как-то суетливей, быстрее. Надо придумывать повод, какую-то совместную деятельность, часто – и повод для выпивки. У эстонцев семейное общение очень спокойное, неторопливое. Обсуждаются простые бытовые темы, погода, что происходит в природе и как это может отразиться на урожае и т.д. Совместная еда тоже простая, часто национальная – щи из кислой капусты, кровяные колбаски или жареная салака, салат из репы с морковкой, клюквенный мусс или «leivasupp» – хлебный мусс.

Что еще мне понравилось в семейном общении у эстонцев: для них семья – это не только родители и братья-сестры. Обязательно знают и много общаются с бабушками, дядями, тетями, племянниками, в том числе двоюродными-троюродными и т.д. Причем для общения с дальними родственниками не считается проблемой сесть в машину и проехать всю Эстонию. Собирается много родственников, остаются ночевать, дети дружат между собой и обычно играют довольно самостоятельно, пока взрослые общаются.

Мне лично довольно сложно было запомнить, где чья тетя или бабушка и кто чей сын. Все общаются свободно, спят тоже обычно дети впалку в одной комнате, взрослые – в другой. Понять, кто с кем и откуда приехал, можно только когда все рассаживаются по машинам, чтобы поехать домой. Эстонцы же сами очень хорошо помнят, кто откуда, кто на ком женился, кто где учится – знают всю современную жизнь своей «большой» семьи, не только ближайших родственников, а вдобавок очень хорошо знают историю своей семьи в нескольких поколениях.

В семье мужа я никогда не чувствовала себя чужой из-за того, что я русская, потому что для родственников мужа я член их семьи, а о своей семье заботятся и друг друга поддерживают.

Сталкиваясь по работе со многими эстонцами, общаясь с друзьями мужа, я поняла, что описанные выше отношения в семье характерны не только для одной семьи, это действительно особенность эстонцев – общение в «расширенной» семье и очень плотное, практически вся твоя каждодневная жизнь должна быть открытой и «прозрачной».

При этом дальние родственники могут не видаться и не общаться по несколько лет, а потом однажды, случайно оказавшись поблизости с твоим домом, просто позвонить и сказать, что мы сейчас придем в гости. И ни разу, оказавшись в подобной ситуации, я не видела недовольных лиц и не слышала разговоров на тему «сейчас не подходящий момент». Любым членам семьи всегда рады, всегда радушно принимают, хотя, повторяю, и

не устраивают никаких больших праздников, «приемов» – все очень просто и скромно, но душевно.

Наверное, это и следует иметь в виду иностранцам, попавшим в Эстонию, – сначала удивляешься, что при довольно холодном, спокойном отношении к посторонним, эстонцы между собой общаются очень радостно, приветливо, при встрече сразу же начинают обсуждать личную жизнь, здоровье детей, урожай и т.д.

У эстонцев более широкое представление о семье, родных, и если ты попал в этот круг, практически по всей Эстонии встретятся люди, для которых ты – «родной».

И. Моисеева

Домашнее воспитание в Эстонии

Можно с уверенностью сказать, что домашнее воспитание в Эстонии популярностью не пользуется. Родители не сидят с детьми дома, они предпочитают работать и делают это по многим причинам.

Во-первых, чтобы обеспечить своего ребенка, мать очень рано после его рождения выходит на работу. Во-вторых, мамы опасаются, что за время отпуска они потеряют место работы и потом никуда не смогут устроиться.

Помимо этого, большинство матерей уверены в том, что ранняя социализация малыша – помещение его в коллектив, обучение общению с другими людьми – пойдет только на пользу, потому что в коллективе ребенок развивается гораздо лучше, там за компанию с друзьями он начинает играть, читать, рисовать, кроме того, он рано понимает, что такое дисциплина и как важно быть дисциплинированным, быстрее осваивает необходимые в быту навыки: как обращаться со столовыми приборами, как самостоятельно одеваться и раздеваться, завязывать шнурки, пользоваться туалетом и т.д.

Занятия с малышами в эстонской семье мало чем отличаются от занятий с малышами русских женщин: они вместе с ребенком разглядывают картинки в книжках, показывают предметы и объясняют, как они называются и для чего служат, играют в кубики, собирают пирамидки, смотрят мультфильмы.

Бабушки и дедушки принимают много участия в воспитании внуков. Бабушка или дедушка гуляют с малышом, отводят его в кружок или секцию, а то и вовсе забирают к себе на выходные.

В связи с тем, что люди все больше загружены своей работой и деятельностью по интересам, возросла потребность в домашнем персонале – услугах профессиональных нянь и домашних работниц.

При современном быстром темпе жизни часто бывают обстоятельства, когда у родителей возникает потребность в няне или домашней работнице. Матери ребенка тоже необходимо свободное время, чтобы посетить

друзей, сходить в парикмахерскую, к врачу и т.д. Часто, однако, человека, которому можно довериться, нигде взять.

Некоторые родители пользуются услугами частных нянь, но широкого распространения это явление пока не получило.

Когда-то дети с раннего возраста работали по дому: носили воду, дрова, были пастушками, ухаживали за младшими. Понятие «домашние обязанности ребенка» еще существует: дети должны что-то делать, если это не мешает обучению и развитию; так, у ребенка должно быть время на отдых. 1/5 жителей Эстонии считает, что это необходимо, что так положено; 1/3 считает, что есть дети, которые перегружены домашними обязанностями. Среди тех, кому 15-24 года, многие недовольны количеством своих домашних обязанностей и не хотели бы жить дома, хотя пока вынуждены быть там; они настроены на праздники, заняты поисками другого жилища и ярких впечатлений и не хотят тратить время на дом.

51% опрошенных (прежде всего, пенсионеры, неэстонцы, жители провинции) считают, что у детей должны быть элементарные обязанности; горожане и высокооплачиваемые работники не считают работу по дому важной для воспитания ребенка. А 16% опрошенных вообще против детского труда по дому: это мнение молодежи. Министерство социальных дел стремится добиться соблюдения международных правовых норм, по которым ребенок имеет право на личную жизнь и свободу, но не является собственностью родителей.

Сегодня большинство жителей Эстонии считают, что родители и государство несут одинаковую ответственность за воспитание ребенка (в основном, жители севера с небольшими доходами), лишь 11% считают, что только они определяют, как воспитывать ребенка. 23% полагают, что роль государства увеличивается при появлении в семье детей (в основном, люди 25-34 лет со средними доходами из столичного региона, занятые воспитанием детей) (www.moles.ee/06/Sep/02/11-1.php).

В заключение хочется сказать, что независимо от страны, культуры, воспитанию и образованию детей обычно придают большое значение. Дети – это наше будущее. Мне кажется неважно, где родился ребёнок, главное, чтобы он вырос настоящим человеком.

Литвинюк А. На радость родителям или в нагрузку обществу // Молодежь Эстонии "Суббота", 02.09.06.

Коммуникативное поведение эстонских болельщиков

Трое ведущих в концертном зале «Эстония» на проходившем там гала-концерте в честь спортсменов почти четыре минуты зачитывали имена тех, кто в этом году принёс своей родине честь и популярность в виде медалей с больших соревнований. Лучший молодой и талантливый спортсмен получил от государства не облагаемую налогом премию в размере миллиона крон, так как сумел выиграть титул чемпиона мира среди взрослых.

По моему мнению, красивый жест сделала Кристина Шмигун, которая подарила свою очередную премию за кубок лучшей спортсменки Эстонскому олимпийскому комитету, так как, по словам спортсменки, они всегда верили в неё, даже тогда, когда у неё самой этой веры не хватало.

Три олимпийских золота. Ну кому же могло такое присниться! Неслыханно! Вива Торино! В пользу эстонцев надо, конечно, заметить, что они любят, в отличие от немцев, русских, американцев и других больших народов, своих героев даже тогда, когда те не КАЖДЫЙ раз возвращаются домой с золотом - им прощают, что они занимают места лишь в десятке или иногда в топ-двадцатке, и таких героев у нас мало; их можно пересчитать на пальцах одной руки: Шмигун, Веерпалу, Мае, Ноол.

К несчастью эстонцев надо сказать, что они внутренне не настолько свободны, чтобы после большой победы спонтанно всем вместе выйти на улицу размахивать флагами, веселиться, прыгать, ликовать и танцевать от радости. Ни одна эстонская команда не сделала погоды в Европе! Правда, когда-то баскетбольная команда Таллиннского «Калева» выиграла кубок СССР, и это было в то время большим событием, потому что баскетбол был у нас народным видом спорта номер один. Сейчас главным видом спорта является ходьба на лыжах по пересечённой местности. Весь народ переживает за стёртые колени Веерпалу: сможет ли он продолжить?

Европейская молодёжь отмечает большие спортивные победы не только общим празднованием, но и ездой по городу на машинах, громко сигналиая и махая флагами из окон машин. Я видела это несколько раз и, поверьте мне, это прекрасная картина, сближающая, заражающая народ, это замечательная акция.

Эстонец в лучшем случае кричит от радости дома в своём кресле перед телевизором, сопереживает спортсменам и в момент победы, слушая гимн, тихо пустит скупую слезу радости, поднимет бокал с шампанским, если, конечно, дома окажется шампанское. Позвонит родственникам и друзьям – разделить с ними радость и успех.

Эстонец даже очень рад и за первое место финского спортсмена, так как гимн у нас общий, на слух приятный. Что делать, эстонец не настолько эмоционален, как турок, грек или итальянец, хотя и обычно замкнутый

немец или безразличный англичанин способны при всех ликовать и праздновать победу. Также они способны из-за проигрыша начать драку с фанатами противоположной стороны, в городе разбить витрины магазинов, перевернуть машины и вообще безобразничать. Сомневаюсь, что эстонец ещё на это способен, а хотя почему бы и нет – в пьяном состоянии!

Правда, надо сказать, что один раз в жизни видела настоящее эмоциональное «самопреодоление» эстонцев. В Отепя на этапе мирового кубка по ходьбе на лыжах по пересечённой местности, где я была зрителем, я ощутила, насколько хорошо может эстонец организовать такое масштабное мероприятие и как эстонская молодёжь вблизи трассы от всего сердца и души кричит и болеет за своих, скандирует имена проезжающих спортсменов и машет им руками. На градус воздержаннее они болели за проезжавших немцев, русских, финнов и норвежцев. Лично я в тот день осталась без голоса!

В Отепя эстонская молодёжь отличилась выходкой, которая потом доминировала длительное время на европейских спортивных каналах: четыре-пять молодых людей решили, несмотря на очень холодную зиму, наблюдать за лыжным этапом из большой бочки для наружной бани, надев только шапку на голову, и у некоторых было нарисовано на щеке что-то сине-черно-белое, а у других флажок в руках. Обычно из Эстонии поступают негативные новости на европейские каналы, а в тот раз вышло, что это оказалась бесплатная суперреклама для нашего государства и народа.

К.Юхков

Эстонская культура пения

Эстонская традиция и культура пения уходят в далекое прошлое. Конечно же, песня появилась задолго до того, как людей окрестили. Пение начиналось у берегов Балтийского моря, как правило, с подражания звукам природы, особенно пению птиц и голосам животных. Видимо, народ думал, что музыка живёт в шуме ветра, в каплях дождя, в скрипе двери, в топоте шагов, где угодно.

Обычно происходит так, что человек умеет видеть и слышать то, что он уже знает, скорее всего, так было и у древних эстонцев, чем больше человек осознаёт, тем больше он хочет выразить. Музыка и пение были для этого подходящим способом выражения. Конечно, нельзя здесь говорить о создании музыки как о написании нот и с их помощью воспроизведении мелодии, но чудесный звук можно получить и при помощи свистульки или деревянной дудочки.

Если в наше время мы воспринимаем пение как забаву и метод расслабления, то 2000 лет назад пение тоже могло использоваться с той же целью. Но в то же время пели не только для засыпания, но также и собираясь на бой. Пение – это один из способов самовыражения.

Как говорится, «там где два эстонца, там поют, а там где три эстонца, там уже певческий праздник». Любовь к песне и самовыражению через неё уже давно существует среди эстонцев, ещё с тех пор как они начали осознавать себя, песня сопровождала их всегда, во время ежедневных работ и прочих занятий. Когда эстонцы были ещё некрещеными детьми природы, когда поклонялись природе, древним божествам Тааре и Уку и считали, что человек может сохранить некое устройство мира, они пытались изменить ход событий особым способом – магией слова. Происходило это с помощью заклинаний, когда в сопровождении песни и грохота повторяли одну и ту же мысль и действие. Заклинаниями пытались избежать несчастий, лечить болезни и укреплять успех в повседневных делах. Также обращались к праотцам, которые были доброжелательными божествами, с помощью которых надеялись уберечься от зла.

Самой древней из ныне известных форм песни являлась аллитерационная песня, которая появилась ещё в ту пору, когда народ не умел писать и в Эстонии ещё не было христианства. Стихотворную речь вместе с мелодией лучше запоминать, поэтому и пели, говоря.

Культура пения соответствовала занятиям людей. Пели, когда пасли животных, эта была первая работа детей, пели так же и для того чтобы дикий зверь не приближался к стаду; песней созывали стадо.

Женщины пели во время сбора урожая и рассказывали в этих песнях о трудностях работы, во время пения к полю обращались как к живому, просили, чтобы оно не оставило людей без урожая. Безусловно, эти песни обладали магическим значением. Все людские занятия сопровождались аллитерационной песней: дойка коров, изготовление масла и сметаны, приготовление супа, прядение, вязание.

Мужчины, которые в Эстонии славятся своей скромностью и сдержанными эмоциями, пели и поют значительно меньше, и поётся в их песнях о рыбалке, о мужской силе и выносливости. В основном, пели женщины.

Аллитерационная песня может казаться скучной, монотонной и сонной. Нельзя отрицать, что песни и движения были такими же, как и жизнь, и то, как её проживали, выражалось в песнях и движениях. По прошествии лет стиль пения у эстонцев остался похожим, сначала поёт солист, а хор за ним повторяет, или же солисты и одно- или двухголосый хор поют по очереди. Пение происходило на архаичном языке, где стих состоял из 8-слогового ряда. Например:

lāk-sin met-sa kõn-di-ma-ie,
maa-sik-mar-ja ot-si-ma-ie.

Длина обычно была 10-20 стихотворных рядов, или в стихе повторяли основную рифму / звук:

Sõit, sõit, sinna,
Sealt saame saia,
Pika putke piima,

Laia laastu leba.

Песни создавались и исполнялись в тесной связи с ритуалами, семейными праздниками, делами по хозяйству. Песни всегда сопровождались какими-нибудь движениями, это мог быть топот на месте, покачивание телом, брались за руки и покачивали ими вперед и назад или, взявшись за руки, кружились и т.д.

Много песен связано с календарными праздниками, со временами года с 29 сентября и до конца лета. Обрядовые песни, например свадебные, были связаны с одеванием невесты, надеванием венка, шествием в церковь, обручением жениха и невесты. Скорее всего, здесь есть общая черта с русской и другими культурами, поскольку во многих странах поют во время работ, убаюкивания, в праздники (особенно за кружечкой пива), на свадьбах, во время загона скота, и при походе на бой.

Особенно хочется упомянуть о маленьком народе, который живёт на юго-востоке Эстонии, он называется сету, Они не принадлежат ни к эстонцем, ни к русским (находятся где-то посередине), из-за этого и существует разница между культурами.

Земля сету славится своей богатой культурой песни. Язык музыки у них очень разнообразен. Обычно пели длинные эпические баллады, что указывает на влияние русской культуры, исполняли легенды. Но если проследить за манерой исполнения песен, то можно найти сходство и с эстонской культурой. Хор, разделённый надвое, повторяет или продолжает пение солиста. Сходство выявляется и в совместном пении двух групп, одна группа спрашивает, другая отвечает, или наоборот. Значительно схожа культура сету и эстонцев в песнях-причитаниях при наборе в рекруты и во время похорон.

В обеих культурах есть календарные праздники, которые отмечаются. Масленица, которая указывает на удлинение дня и на начало Великого поста. В Эстонии в масленицу гадали, с помощью скольжения по льду предсказывали, что тот, кто проедет дальше всех, у того вырастет длинный лён. В дальнейшем все действия и песни переходят в дома, а в русской культуре песни, игры и музыка обычно проходили на улице, на снегу.

Песни, которые не были связаны с выполнением работ, сопровождались музыкальными инструментами. Музыкальные инструменты, так же как и песни, рождались среди народа и постоянно развивались. Сначала главной функцией музыкальных инструментов была передача каких-то определённых сигналов. В Эстонии этими инструментами могли быть рожок и колотило для созывания животных. В Африке были тамтамы для передачи новостей. Позже, когда музыкальные инструменты развивались и добавлялись новые, на первое место выдвинулась танцевальная музыка и музыка для сопровождения песен, они были столь же уважаемы, как и их исполнители.

В период царской России в Эстонии (1710-1918) произошло более основательное смешение двух культур. Больше всего выразилось это в

танцевальной культуре, где переняли парные движения, шаг кадрили. Танцы у сету были приближены к русской пляске, но в Эстонии такие танцы не были столь популярны и не укрепились в музыкальной культуре.

У финнов, самых близких к эстонцам по культуре, в народной музыке много похожих черт. Самая древняя финская песня называлась «рунолаул». В этих песнях рассказывается о персонажах эпоса «Калевала». Это спокойная, с грустной мелодией песня. Точно такой же принцип и у исполнителей аллитерационной песни, когда сначала поёт один солист, а хор повторяет за ним. Сопровождалась эта песня кантеле, это было практически то же самое, что эстонский каннель (русские гусли). Рожок, труба и свирель – признак того, что у наших народов много общего. По большей части и танцы у нас похожи, но у народного танца финнов видно шведское влияние.

Традиция певческих праздников началась в 1869 году, когда в Тарту на горе Нарва был проведён первый певческий праздник. Певческие праздники были важным этапом в развитии народной культуры. Факт, что на первом певческом празднике было только две песни, которые исполнялись на родном языке, но репертуар увеличивался с каждым певческим праздником. На первом празднике участвовало 46 хоров с 789 певцами, 5 духовых оркестров с 56 музыкантами.

Певческие праздники, которые уже на начальной стадии обрели большую популярность, проводились только в июне между весенними и летними полевыми работами. Эстонцы были в большинстве своём сельским народом, работали с утра до вечера, чтобы прокормить семью и обучить детей. Откуда бралось время и энтузиазм, с которым учили новые песни, и пафос, который сопровождал человека во время пения? Это и сейчас достойно уважения.

Пешком идти с разных концов Эстонии ради совместного пения – у меня как у представителя нынешнего поколения это вызывает уважение. Было это чувство единства или народное пробуждение, а может, это было просто повод для веселья? Я думаю, что в этом было и то, и другое.

На сегодняшний день в Эстонии проведено уже 24 певческих праздника, которые проводились с переменным успехом через четыре или пять лет. Каждый по-своему уникален и неповторим, поскольку нигде больше не проводятся такие праздники с такой любовью и энтузиазмом, как в нашей маленькой стране. Эстонцы, как певучий народ, доказали, что певческий праздник никогда не закончится, он был до нас и продолжится после нас. Я посещала певческий праздник с гостями из далёкого Таджикистана, страны с богатой музыкальной культурой. Но моих гостей удивило то, что на одной сцене сразу находится несколько тысяч исполнителей, и на танцплощадке что-то происходит тоже, и хотя не все там профессионалы, но несмотря на это, показывают удивительное сотрудничество и слаженность.

Из бесконечного мира звуков рождается песня, затем хоровая песня, которая сохраняет свою жизнь, свежесть и бессмертие. Это секрет, который является частью не до конца познанного таланта человека.

Я.Тиидо

Формирование эстонской песенной традиции

Мы, эстонцы, известны как народ с сильной певческой традицией. Песня сопровождала эстонский народ в течение всей его истории. Она была отдушиной в долгий период крепостничества, в то же время песня помогала поддерживать дух противостояния и украшала краткие минуты отдыха.

Рядом с аллитерационной песней, сквозь столетия, развивался тот вид песенной культуры, из-за которого любого эстонца охватывала дрожь гордости – это традиция хорового пения. Совместное пение стало столь привычным делом, что любые семейные и народные празднования были немыслимы без совместного пения. Существует большое количество народных и популярных песен, которые все давно знают, но вновь с удовольствием вместе поют. Также эстонцы используют множество песенных игр, которые знают не только дети, но и родители, которые тоже в них с радостью участвуют.

Наследие эстонской песни очень богато. До сего дня народу известны некоторые рабочие или обрядовые песни.. Каждый год в день ряженных слышится из-за двери их весёлое пение.

Наша народная песня и музыка были известны, но не восприняты захватчиками древних эстонцев. К новому вероисповеданию, к которому прилагалось распространение католической церковной песни, местные относились недоверчиво, даже враждебно. Видимо, в этом эстонцы чувствовали опасность для своих традиций. К сожалению, примеры враждебного отношения эстонцев к песням священников приведены в хрониках Литовского Хенрика, где он описывает мучительную смерть своего ученика. Жители Сааремаа, которые казнили молодого священника, издеваясь, приговаривали «Пой, пой, батюшка!» В хрониках упомянуто и о похоронном обычае эстонцев, он заключался в том, что покойников хоронили с громким плачем и причитанием, то есть в сопровождении похоронных песен.

Жизнь эстонцев протекала веками рядом с немецким народом, который оказал своё влияние на эстонцев и эстонцы переняли некоторые светские и церковные мелодии. Бальтазар Руссов описывал вторжение незнакомого светского песенного репертуара в XVI веке в своей «Ливонской хронике» так: «После трапезы начинали собственно петь и танцевать с необходимым весельем. Кто из молодых людей понимал лучше всех любовные песни и умел их петь, того считали самым обаятельным, и его больше всего

уважали. И эти любовные песни появлялись в Ливонии со всего света, и их уважали, и каждый, будь то старый или молодой, старательно учил и пел их».

Манера поведения крестьян петь по дороге в церковь не находит одобрения у Руссова как священника, так как они вели себя очень шумно. И особенное негодование вызывало то, что крестьяне приходили в церковь пьяными. «После того, как они выходили из церкви столь же учёными, что и до её посещения, начиналось новое пьянство, пение и гульба, да так, что от их криков, пения женщин и девушек и от возгласа духовых инструментов слух и зрение хотели исчезнуть...».

Когда вся Эстония в XVII веке оказалась под властью Швеции, выяснилось, что в памяти народа всё ещё живёт древняя религия и некоторые католические религиозные обрядовые культы; новеллы, идущие из лютеранской веры и хоралов, не были приняты.

В XVII веке в измученную от голода и от хаоса в культурной жизни Маарямаа прибыли после разных войн члены прихода «братьев». В приходе «братьев», где все члены были равны, каждый чувствовал себя свободным и способным бороться за лучшее будущее. По сравнению с церковным хоралом пение «братьев» было мелодичней и более похожим на народную песню. Так как именно песни притягивали эстонцев, то для увеличения влияния песни приходы сделали всё возможное. Даже печатали песенники «братского» прихода. Многие из этих песен чуть не стали народно-церковными песнями. Так, можно сказать, что «братский» приход так или иначе связан с сегодняшней гордостью эстонцев – с основанием нашей хоровой традиции.

В XIX веке, в преддверии эпохи пробуждения, всё больше и больше начала распространяться хоровая песня как отражение народной идентичности и самовыражения. В то время хоровое пение требовало энтузиазма как от дирижёра, так и от певцов. На репетиции ходили за много километров, зимой в холод, осенью в грязь. Потихоньку стала зарождаться идея о певческом празднике как об общем выражении воли. В тех политических условиях для своих планов надо было найти и политическое обоснование. Поэтому связали певческий праздник с 50-летием крестьянской реформы.

На первом певческом празднике репертуар был довольно простенький, так как было мало времени на подготовку. Многие песни были взяты из творчества немецких композиторов. Переводы, которые в большинстве своём были дословными и не столь стихотворными, делал основатель праздника Я.В. Янсен, и помогала ему в этом дочь Лидия (Койдула). Также спели две песни финских авторов. Из творчества первого эстонского композитора А.Кунилейа была исполнена песня «Mu isamaa on minu arm» («Родина моя любовь») и «Sind surmani» («Тебя до смерти»). Автором слов обеих песен является Лидия Койдула.

На первом певческом празднике в 1869 году в Тарту собралось 46 хоров и 5 духовых оркестра. Исполнители были со всей Эстонии, кроме Саарема и Западной Эстонии, так как они находятся слишком далеко от Тарту. Слушателей было 15 000, что было довольно много. Певческий праздник длился два дня. В «Ээсти Постимээс» было кратко сказано, что всё прошло хорошо, несмотря на маленькое количество отведённого на репетиции времени. Это доставило удовольствие как исполнителям, так и зрителям, а организаторы готовы были расцеловать всех участников.

Стоя на сцене певческого поля под аркой, можно было ощутить чувство единства, любви и терпимости к другому человеку. Певческие праздники поддерживают идентичность эстонцев. Местами ощущается ритуальность и традиции. Например, факел, который приносят из Таллинна в Тарту и его церемониальное зажигание на вышке певческого поля. Певческие праздники отражают многие ценности эстонцев.

Эстонская история настолько срослась с войнами, разгромом и постоянно сменяющимися чужими правлениями, что, поскольку мы находились во всём этом, возникла в нас тоска по миру. Надо было показать своё отношение, позицию и именно так, как эстонцы это видят и считают правильным. Этим способом стала песня. Певческие праздники создавали культуру. Независимость Эстонии вернулась в течение 50 лет после начала традиции певческих праздников.

Когда политическая обстановка стала благоприятной, эстонцы использовали песню, чтобы выразить свою тоску по самостоятельности, кульминацией чего стала так называемая «поющая революция», целью которой было освобождение Эстонии летом 1988 года, от Советского Союза. На певческом поле, под аркой, было 300 000 эстонцев, которые показывали миру силу песни - быть свободными и самим отвечать за свои поступки.

«Поющий и ритмично движущийся народ, десятки размахивали флагами, с улыбкой на лице, никакой злобы, в сердце лишь одно слово: Родина!... Народ, который проводит революцию, весело и с песней, должен быть для всех примером!» Так описывал увиденное Хейнз Валк в газете «Серп и Молот» (17.6.1988). В других частях СССР всё проходило не столь мирно. В Эстонии была песня, и культура песни оказалась удачным носителем вестей.

Да, мы эстонцы певучий народ. Традиции продолжаются, хотя со временем они, конечно, меняются, в зависимости от того мира, в котором мы сейчас живём. Но, так или иначе, все мы умеем петь. Вместе или поодиночке, это не важно. И песня сопровождает нас всегда и везде.

Отношение к обучению на русском языке: столкновение культур

В Эстонии сильны традиции народной культуры. Они не затихали в советское время, к ним поддерживается постоянный интерес, им обучают, о них спрашивают во время экзаменов на получение гражданства. Знать традиционное устройство жилища, соблюдать правила поведения, поддерживать традиции, есть, пить и одеваться так, как это было принято веками – в сознании эстонца все это означает быть правильным человеком, иметь свои корни, опираться на свой язык и культуру.

Когда Н.А. Некрасов писал свою поэму «Дедушка» о возвращении декабриста из ссылки, в дворянское воспитание входило изучение истории, географии, а также умение рассказать о многом в русском быту, ненавидеть глупых и злых, желать добра бедным (глава 22). В советское время народная культура преподавалась в минимальной степени, поскольку все собственно русское могло отдавать национализмом. Учителя-эстонцы отмечают, что в эстонских школах как раз русскую народную культуру знают хорошо, она входит в школьную программу, а в русских школах, на взгляд эстонца, своей культуры не знают вообще. Если для русского национальная культура – это, прежде всего, то, что вошло из русской в мировую культуру, и, как правило, девятнадцатый век, то для эстонца национальная культура – крестьянские, фольклорные традиции.

Социолог М. Кастеллс пишет, что во времена СССР русский народ в наибольшей степени растерял свое самосознание, поскольку в Советском Союзе русские были одновременно элитой и самой дискриминируемой нацией, а их история, самосознание и религия преследовались. По мнению ученого, самосознание русских находится в глубоком кризисе, и нет идеологии, которая могла бы заполнить пустоту, и нет культуры, которая бы объединяла русскоязычное население Эстонии и других стран. Возникающие конфликты по поводу осмысления наследия второй мировой войны представлены как борьба не из-за прошлого, а из-за настоящего и будущего; в эстонских СМИ русский характеризуется однобоко, обычно это продажный политик или человек, заслуживающий осмеяния, не владеющий государственным языком, недостойный роли гражданина эстонского государства («Ээсти Пяэвалехт» (www.regnum.ru/news/655016.html)).

Русскоязычные жители Эстонии делятся на старожильческое население (частью потомки первой волны эмиграции, частью староверы Причудья), имеющие по европейским нормам право на признание в качестве исторического меньшинства; люди, приехавшие в Эстонию после второй мировой войны и их потомки, среди которых есть те, для кого русский

язык – не этнический, но родной. Все эти люди говорят по-русски по-своему.

Центр информации по правам человека в своих многочисленных публикациях проводит мониторинг положения русскоязычного населения Эстонии. В недавнем исследовании показано, что при советской власти общение между различными этническими группами было более тесным, чем сейчас; абсолютное большинство (более 80%) неэстонцев с различным гражданством и более 90% эстонцев считают, что русские, живущие в Эстонии, отличаются от русских в России.

Язык, культура, история и религия в равной степени определяют идентичность; 85% всех жителей Эстонии не считают необходимым поддержание русскоязычной культуры со стороны России, и только 20% граждан России эту идею поддерживают. 60% граждан по рождению и около половины натурализованных граждан считают, что развитие русской культуры и языка является задачей или личным делом самих русских. Лишь половина эстонцев считает русскую культуру близкой или испытывает к ней интерес, среди неграждан интерес к эстонской культуре выше, до 75%. Гражданство Эстонии, развитая идентичность, основывающаяся на месте жительства, и местная этнокультурная самоидентификация способствуют включенности в общество (Полещук и др. 2006). В то же время исследование межнациональных отношений 2000 г. показало, что 75% эстонцев считают многообразие национальностей и культур богатством, а 86% верят в мирное и позитивное сосуществование разных национальностей в одном государстве (www.estonia.megaeda.ru).

Актуальным для Эстонии остается переобучение учителей в связи с изменением структуры школьного обучения. Нарвский колледж специально разрабатывает программы, которые позволили бы, во-первых, вписать новое содержание в уже имеющуюся педагогическую компетентность; во-вторых, научить выражать это содержание на каждом из языков, в-третьих, ознакомиться с современным европейским (в первую очередь), вообще, иностранным и российским опытом в этой области. Российский опыт важен потому, что Эстония как сосед России, имеющий давний опыт контактов и демонстрирующий высокий уровень знания русского языка, способна выступать на мировой арене в качестве знатока России, успешно решающего проблемы, возникающие при межкультурной коммуникации. Но и в России (как и в Норвегии) Эстонию знают лучше всего: в викторинах на знание Эстонии в 2006 г. принимало участие 1660 человек из 67 стран мира, отвечали по-английски и по-русски.

Министерство образования и науки стремится удовлетворить потребность школ с русским языком обучения в учителях-предметниках, преподающих свой предмет на эстонском языке, так что при регистрации требуется высший уровень знания эстонского языка. Европейский Союз и Центр образовательных программ Целевого учреждения по интеграции неэстонцев поддерживают такого рода инициативы. Существует надзор со

стороны Языковой инспекции за исполнением Закона о языке преподавателями неэстонских учебных заведений, что отражается в количестве возбужденных дел и вынесенных наказаний в этой области. В 2005 г. из 1235 проверенных на знание государственного языка работников общественного сектора 799 составили педагоги, у 92%, знание эстонского языка не соответствовало предъявляемым требованиям, а по указанному уровню у 84,2% знания были признаны не соответствующими заявленному. Возбуждено 191 дело о проступке, большая часть – по поводу неоднократного нарушения закона о языке в неэстонских учебных заведениях, прежде всего русских преподавателей.

По словам Министерства науки и образования Эстонии, на первый раз штраф не назначается, дается дополнительный срок для изучения языка, причем в зависимости от должности и имеющегося уровня владения языком дается от 6 месяцев до года на его усовершенствование (по материалам Международной конференции по образованию для национальных меньшинств в Европе, октябрь 2006 г., Таллин). То, что это может трактоваться как дискриминация, сообщается, например, на сайте www.amnesty.org.ru/pages/ruseur510022006, однако требование создать условия для изучения всеми гражданами и негражданами государственного языка с целью создания равного доступа к профессиональному образованию и занятию любых должностей выглядит обоснованным. Среди учителей математики самый большой процент сдавших экзамен по эстонскому языку на высший уровень.

В 2007 году начинается переход русскоязычных гимназий Эстонии к частичной учебной работе на эстонском языке, первоначально этими предметами будут эстонский язык и литература, история, география и музыка. В некоторых школах уже есть опыт преподавания эстонской литературы на эстонском языке.

С обществоведением проблема такова: учебник, программы и методические материалы только начали выпускать. Сложнее предстоят дела с историей и в особенности с географией, так как данный предмет перенасыщен терминами и даже на родном языке возникают трудности при освоении данного предмета. В течение двух лет можно перейти на преподавание этих двух предметов на эстонском языке, если будут иметься владеющие языком учителя-предметники. Чтобы переход на эстонское обучение гимназии был наиболее эффективным, необходимо повысить уровень преподавания эстонского языка в детских садах, а в особенности в начальной школе.

Таллинское ведомство по образованию сформировало комиссию, состоящую из глав русских школ города и из городских и государственных служащих по образованию, которая разработала модель для частичного перехода русских школ на эстонское обучение. По рекомендуемой разнарядке обучение на эстонском языке должно состоять из трёх ступеней. На первой и второй ступени можно было бы преподавать на

эстонском физкультуру, человековедение, музыку, в 4-6 классах также природоведение, обществоведение и искусство, всего 22%. На третьей ступени также труд и по выбору школы математику, химию, биологию или физику.

По сведениям департамента образования, 77% таллинских школ нашли возможность преподавать некоторые предметы (от одного до десяти) на эстонском (во всей Эстонии 69%). Предпочитаемыми предметами в основной школе являются музыка, искусство, краеведение, природоведение, труд, человековедение, обществоведение, физкультура, эстонская литература и история Эстонии. В гимназии предпочтение отдается эстонской литературе. Вначале нужно освоить эстоноязычную терминологию, а переход на эстоноязычное обучение можно было бы начать так: в начале обучение идет в основном на русском языке, а параллельно будут усваиваться эстоноязычные термины. Для улучшения знания эстонского языка у учителей нужно более плотно сотрудничать с центром дополнительного образования. Альтернативой русским школам для изучения эстонского языка русскоязычными детьми может быть посещение эстонских школ, длительные поездки на хутора и участие в летних языковых лагерях.

Заведующий языковым отделом Министерства образования Эстонии Т. Тендер отмечает, что если в начале девяностых годов в эстонском обществе доминировало представление, что большая часть русских уедет из Эстонии, останутся только те, кто свободно говорит по-эстонски, то теперь, когда этого не произошло, в русских школах увеличено количество уроков эстонского языка, для них изданы новые учебники, но не существует государственной системы обеспечения школ учителями эстонского языка, многие работают там без дипломов.

Эстонцы не хотят перебираться в регион Ида-Вирумаа, где преобладает русскоязычное население, по причине криминогенной обстановки, безработицы и обилия русскоязычного населения. Учителя в большей степени, чем ученики, протестуют против перехода на новую систему. Каллас (2006) полагает, что общество боится снижения качества образования: сегодня в Эстонии примерно 1400 подростков ежегодно покидают, не закончив обучения, основную школу, а уровень безработицы у людей до 24 лет примерно 26%. «Массовый интерес к эстонской культуре не появится у наших школьников сам по себе, без предварительного знакомства с родной гуманитарной культурой. Неумелое и полунасильственное насаждение другого языка, иного стиля обучения, иной системы культурных ценностей не просто скажется на уровне преподавания, понизит учебную мотивацию, но станет первотолчком для нарастания межэтнической напряженности». Если в 1991 году в Эстонии было 37,3% русскоязычных школьников, то в 2005 г. 23%. Результатом проекта, заказанного Министерством образования и науки и проведенным

при поддержке ЕС, стал, например, комплект словарей по 12 предметам для 7-9 классов школ с русским языком обучения.

От общего количества общеобразовательных дневных школ 83% составляют школы с эстонским языком обучения (502 школы), а школы с русским языком обучения – 13% (81 школа), и еще 3% приходится на школы с эстонско-русским языком обучения.

Если сегодня преподавание по крайней мере одного предмета на эстонском языке осуществляется более чем в двух третях русскоязычных школ, работают также двуязычные общеобразовательные школы, то в дальнейшем во всех школах в старших трех классах будет вестись минимум 60% обучения на эстонском языке.

Сокращение общего числа школ с 1999 по 2004 гг на 17% в одинаковой мере коснулось школ с обоими языками обучения и связано с падением рождаемости. Пестрое в языковом плане эстонское общество включает людей, для которых эстонский язык не является родным, а согласно Конституции и Закону о языке обязанность государства состоит в том, чтобы дать всем проживающим в нем возможность изучения и совершенствования государственного эстонского языка. Однако, за исключением старших классов, школы национальных меньшинств могут сами выбирать язык преподавания, а дети национальных меньшинств имеют одновременно право на обучение в эстонской школе, что заставляет все общественные группы перемешиваться.

Эстонские и русские школы работают по единой общегосударственной модели, для русских школьников эстонский является как бы приоритетным иностранным языком, преподаваемым по традиционной методике обучения английскому или немецкому. Попытка улучшить знание эстонского языка за счет увеличения отводимых на него часов превращала государственный язык в главный предмет обучения, что негативно сказывалось на других дисциплинах.

Альтернативой явилась модель языкового погружения (Кац 2005). Подготовка детей к школе, в том числе и русскоязычными логопедами, недостаточна; кроме того, дети мало читают. В эстонских школах русский язык изучается неплохо, самым нелюбимым оказывается немецкий. Повышение квалификации не носит общего характера, нет достаточной апробации новых учебников, недостаточно разработана новая учебная терминология (Бутяева 2006).

Обучение эстонскому языку как второму в детских дошкольных учреждениях началось в 2000 году по заказу Министерства образования и науки и осуществляется при поддержке программы Phare Европейского Союза, и по нему готовятся учебно-методические материалы Нарвским колледжем Тартуского университета. Авторы материалов – действующие учителя и педагоги колледжа, которые наилучшим образом знакомы с практическим изучением языка детьми. Воспитатели (они в Эстонии называются учителями) проходят курсы повышения квалификации в

объеме 160 часов. Русскоязычные детские сады Эстонии посещают примерно 14 000 детей в возрасте до 7 лет или приблизительно четверть от общего количества детей соответствующего возраста (см., например, Бабанская 2005). На русском языке о системе образования в Эстонии и о правилах поступления в школу и работы школ можно узнать на сайте http://vana.hm.ee//koolialgus_vene/index.htm#_Toc113436617.

Имеется также эстонский портал на русском языке: www.veneportaal.ee и сайт Центра русской культуры www.venekeskus.ee.

Один из актуальных вопросов – осознание себя как особой группы эстонского общества, меньшинства, отличающегося своим происхождением и культурой от большинства. Именно поэтому в русских школах начнут преподавать историю русской культуры: подготовленный Министерством образования проект предусматривает преподавание истории русской культуры в рамках уроков истории, чтобы подкрепить идентичность национальных меньшинств. Сегодня в русских и эстонских школах действует одинаковая учебная программа по истории. По словам директора экзаменационно-квалификационного центра Я. Холма, пока еще рано говорить о том, в какой пропорции будет делиться в русских школах на уроках истории история культуры России и история культуры других народов и откуда появятся эти программы. Мы имеем дело не только с историей русской, но и например, с историей еврейской или финской культуры, поскольку представители этих национальностей также входят в число русскоязычных, – разъяснил Холм. Это направление задано Европой – создание и функционирование мультикультурного общества.

Разговор об ассимиляции давно не актуален. Идентичность национальных меньшинств должна быть ясно сформулирована (Лыхмус 2005). Если «старые русские», предки которых или они сами уже жили на территории Эстонии между двумя войнами или были ее гражданами, то их идентичность оказывается описанной более четко (например, Исаков 2001 и другие его публикации, Lauristin, Heidmets 2002). Исследуется также особый язык русскоязычных эстонцев (Кюльмоя 2000, Verschik 2005).

Владеющие русским языком эстонцы постоянно подчеркивают свою привязанность к русской литературе и культуре и перед иностранцами говорят, что интерес к культуре вообще, к театрам, музыке и книгам был заповедан им советской властью. Более того, хотя теперь 8 Марта не является официальным праздником (официально говорят о Валентиновом дне и о Дне матери), эстонцы стали с удовольствием его отмечать. То, что в школах эстонская литература выделена в отдельный предмет, чего нет в других школах «старой» Европы, можно, вероятно, также считать наследием советского времени, когда литературе отводилась воспитательная роль.

Общество «Русская молодежь» организовало в 17 русских школах 40 лекций на темы, связанные с Эстонией. Выяснилось, что знания русской молодежи об Эстонии уступают во многом знаниям эстонских ровесников.

Многие из представителей русской молодежи не имеют ни малейшего представления о том, кто является премьер-министром Эстонии. Разный уровень знаний связан с тем, что эстонская и русская молодежь живут на разных медиаполях. Но если государство игнорирует желание русской молодежи узнать больше о своей стране, то это безответственно и недальновидно.

Более того, нельзя оставлять живущее в Эстонии иноязычное население под властью российских телеканалов, ведь примерно 1/3 телезрителей проживает «мимо» Эстонской республики. Лучше обеспечить самые важные передачи субтитрами, ведь внутренняя безопасность Эстонской республики – личная деятельность государства. Европейский союз не в ответе за эстонцев, и это не идеальный ландшафт, а сложное сообщество, частью которого они являются. Европа зависит от поставок нефти и газа непредсказуемого соседа – России, и поэтому для маленькой страны нет лучшего средства защиты, чем гибкая внешняя политика и внутреннее единство.

Объективная информация о жизни в Эстонском государстве, которая доходит до всех иноязычных жителей, могла бы быть той силой, которая не позволила бы поджигателям фитиля национальной розни испытывать удовлетворение от своих низменных поступков. Есть собственно эстонские русскоязычные газеты, довольно популярна русскоязычная радиостанция эстонского радио «Радио 4», начал выходить даже «Постимеес» на русском языке. Но все равно вне всякой конкуренции самым авторитетным каналом среди русскоязычных зрителей является «Первый балтийский канал».

По эстонскому телевидению смотрит «Актуальную камеру» на русском языке примерно 23 000 человек - 5,5% из всех живущих в Эстонии неэстонцев. Для сравнения: радио слушают 29% с учетом, что радио можно слушать в любой момент дня, а сводка новостей выходит в определенное время.

По закону о теле- и радиовещании перед ЭТВ (Эстонским телевидением) и ЭР (Эстонским радио) поставлена задача информировать разные национальные группы населения, с чем ЭТВ не справляется. Совет по теле- и радиовещанию обсуждает с министром и представителями интеграционного целевого учреждения проблему создания единого информационного пространства, чтобы приблизить общественную жизнь Эстонии к иноязычному населению. Решено начать со снабжения передач субтитрами, что пригодилось бы для освоения эстонского языка, как многие усовершенствовали свое знание английского языка благодаря просмотру англоязычных фильмов с эстонскими субтитрами. Важно найти средства для создания корреспондентского пункта ЭТВ в Москве, чтобы можно было получить многообразную информацию о происходящем в России.

Популизм и приближение тех или других выборов не позволяет принимать решения на перспективу. В эстонской политике уходит чрезмерно много пара на потасовки и на укрепление собственных позиций, в том числе за счет государства как единого целого (Томсон 2006). Оппозиционные партии передали в Рийгикогу (парламент) на предварительное рассмотрение решения о том, что правительство должно улучшить информирование народных меньшинств, поскольку видят опасность для Эстонии в том, русскоязычное население Эстонии получает большую часть от новостей и сегодняшней информации из российских медиаканалов, которые настроены враждебно по отношению к Эстонии. Было предложено либо создание отдельного русскоязычного телеканала, либо увеличение количества русскоязычных передач на ЭТВ, однако премьер-министр А. Ансип не поддержал это предложение, но счел возможным уделить внимание русскоязычному варианту «Постимеес», который стал на удивление популярным среди русскоязычных читателей (Куймет 2006).

«Русскоязычным детям необходимо качественное образование на родном языке и хорошее знание эстонского языка. В последнее время неоправданно мало внимания уделяют русскому языку, и это необходимо исправить», считает депутат С. Иванов (2007). Он подчеркивает, что о хорошем образовании для русских детей в Эстонии должны заботиться, в первую очередь, сами же русские, и русская фракция Партии реформ, например, добилась внесения государственного заказа на подготовку в Тартуском университете учителей-предметников специально для русских школ. В другом случае он характеризует русскую школу не как иноязычную, а как национальную, будущее которой могут и должны определять только сами русские (Иванов 2006).

О дискриминации коренных русских и представителей национальных меньшинств в современной России по сравнению с отношением к русским в Эстонии еще в 1991 г. писал А. Черкасов (1991). Он отмечал, что «отношение к коренному языку, как лакмусовая бумажка, выявляет то, какова вообще позиция русского человека в национальном вопросе: уважает ли он эстонцев, готов ли считаться с тем, что живет на их земле и в их обществе, готов ли поэтому, в полной мере сохраняя свою русскую идентичность, войти в круг местных интересов и проблем, или же наоборот, — пренебрегает ими, высокомерно противопоставляя себя "туземцам"». Эстонию он характеризовал как небольшую страну «с еще не изжитыми традициями культурного хозяйствования, традиционно высоким уровнем культуры, в том числе и культуры человеческих отношений, сохранившимся чувством привязанности к родной земле и стремлением украсить эту землю», а выход из кризиса видел в объединении всего народа Эстонии, независимо от этнического происхождения, причем считал, что овладение языком — дело желания и труда, а не особой способности.

После принятия Закона Эстонской Республики об образовании (1992) в школах с русским языком обучения стали применять собственно эстонские программы, пользоваться учебниками, изданными в самой республике, гимназия стала трехлетней. А. Чернышева (2006), проанализировав учебники для школы, отмечает, что пособия передают информацию односторонне, учитывая этноцентризм определенной позиции - либо российской, либо эстонской, что не соответствует ценностям плюрализма в мультикультурном обществе.

Согласно опросам, половина учеников русских школ верит в получение престижного образования в самой Эстонии и не стремится ехать за ним за рубеж; в то же время получить его на русском языке в Эстонии затруднительно. Русскоязычные в большей степени, чем эстонцы, озабочены своим последующим образованием и местом работы в самой республике. Статистика также показывает, что лучше всего к русским в Эстонии относятся те, кто живет в районах, в большой пропорции населенных русскими.

Некоторые депутаты придерживаются мнения, что толчок для слияния русскоязычных с эстонским обществом должна дать школа; если большинство учителей русских школ получили образование в России, то они и не знают эстонский язык, культуру и историю Эстонии. Русскоязычные газеты Эстонии постоянно дискутируют на темы вреда и пользы двуязычного образования, в том числе и в культурном плане (Кац 2005). Удивительно, что в газетах эстонский язык характеризуется как «чужой», а Эстония – как «вторая Родина», даже если русскоязычный человек родился в Эстонии и не бывал в России; исторические события, в которых Советский Союз и независимая Эстония противостояли друг другу – как «неоднозначно трактуемые».

Особенности школьной программы есть и в других учебниках. По словам доцента кафедры математической дидактики Таллиннского педагогического университета А. Монакова (билингва, 20 лет преподававшего на эстонском языке), программы обучения в России и Эстонии разнятся: «российские школы до сих пор унаследовали советский подход к изучению математики, главной целью которого была подготовка миллионов инженеров, специалистов военно-промышленного комплекса. Это очень сильная школа, но недоступная пониманию большинства обычных учеников, не отличающихся математическим дарованием. Эстонская программа рассчитана как раз на обычных людей среднего уровня и дает больше прикладных знаний. К примеру, по теории вероятности, в области статистики, "экономической" математики... несмотря на ориентацию школьной программы на простого человека, и у эстонцев есть учебники для углубленного изучения предмета... наши учебники для русских гимназий непременно должны учитывать местные реалии, но ни в коем случае не копировать эстоноязычные оригиналы, ориентированные сугубо на эстонскую среду. Поэтому в переведенных

мною задачах появился такой персонаж, как Митя Матиков. В какой-то момент оказалось, что ему нужно быть хуторянином, тогда ему приснилось, будто он – Мати Маатикк... С обретением Эстонией независимости из учебников практически исчезла идеология. Переход на новые учебники, как и факт независимости Эстонии, для многих стал шоком. Видите ли, даже в советское время программа обучения в эстонских школах во многом походила на нынешнюю, и ее обновление не выглядело переломным. С русскоязычными школами все гораздо сложнее. Кроме того, не секрет, что у многих русских сегодня все эстонское вызывает как минимум настороженность, а наши новые учебники, кроме прочего, призваны способствовать развитию мультикультурности, в том числе, вовлечению детей в эстонскую среду» (Деменков 2000).

Перед современными принципами «западного» образования застывают в недоумении и посетители канадских школ - их удивляет то, что детей не приучают к аккуратности, не натаскивают на достижение максимальных показателей, но результатом оказывается вежливость, радость, уважение друг к другу (Семенова 2003).

Непомерные нагрузки, отсутствие возможности передышки, зависимость от родителей учеников, поздний выход на пенсию, маленькая зарплата – проблемы школы с точки зрения учителя (Бутяева 2007). Мониторинг динамики отношения к реформе показывает, что знание языка как у педагогов, так и у учащихся за последние два года улучшилось, а ожидания стали более оптимистическими.

По мнению профессора истории Пражского Карлского Университета М. Хроча, можно ненавидеть одну определенную национальность и любить всех остальных. Будем ли мы в таком случае иметь дело с националистом? Можно также ненавидеть все другие национальности; это можно было бы назвать национализмом. Если мы попробуем быть более точными, то нужно было бы говорить в связи с эстонцами о русофобии, а в связи с русскими об эстофобии.

У эстонцев есть народное сознание или народная идентичность, а у русских русская идентичность и русское сознание. И если поэтому эстонец говорит, что русские плохие, то это нехорошо, и это можно назвать в узком понятии национализмом. Или, если русские говорят, что эстонцы по какой-то причине менее ценные, тогда это тоже национализм. Но, будучи концептуальным человеком, профессор считает, что как эстонцев, так и русских можно назвать националистами. В эстонском есть слово «rahvuslane», звучащее хорошо, и «natsionalist», звучащее плохо. Обзывать друг друга, называя противоположную сторону националистами, не помогает (Валластэ 2006).

Дискуссия о переходе на новую систему выявила следующие закономерности. Многие русскоязычные участники дискуссии не хотят отказаться от собственных амбиций в отношении приоритета русской культуры над всеми остальными, от признания ценности русскоязычного

образования по сравнению как с эстонским, так и с европейским, не верят в возможности дву- и многоязычия, боятся потерять свой статус утратить общность с детьми, если те получают образование на эстонском языке.

Наиболее удивительным и постоянным опасением является высказываемый страх, что дети, знающие эстонский и другие языки, либо ничего не выучат и будут выброшены на обочину жизни, либо уедут далеко от родителей. Идея эстонцев состоит в необходимости изучения собственной культуры, создания нового объединяющего начала для русскоязычных в мире, важности наличия единой основы для всех эстоноземельцев. Важным выводом является необходимость многочисленных изменений в русскоязычном образовании в Эстонии и в Европейском союзе в целом.

Бабанская Т. Итоги педагогической конференции «Возможности многоязычного обучения. Перспективы развития» // *Acta et commentationes collegii Narovensis*, IV, 2005, 33-40.

Бутяева И. Главный предмет // *Молодежь Эстонии*, 19.5.2006.

Бутяева И. Жизнь в образовании, жизнь с образованием // *МЭ Суббота*, 10.2.2007.

Валластэ К. Можно ли назвать эстонцев и Русских нынешней Эстонии националистами? // «Арена», культурное приложение к «Эсти Экспресс», 10.09.2006.

Деменков А. Между Митей Матиковым и Мати Маатикком // *МЭ Суббота*, 28.10.2000.

Иванов С. Не могу изменить себе // *Postimees*, 5.1.2007.

Иванов С. Признание права выбора // *Молодежь Эстонии*, 28.03.2006.

Исаков С.Г. (ред.) Русское национальное меньшинство в Эстонской республике (1918-1940). Тарту, 2001.

Каллас Р. Русская школа: переход в никуда? // *Молодежь Эстонии*, 27.10.01.

Кац Й. В поисках школьного пути // *Молодежь Эстонии*, 12.4.2005.

Куймет П. Ансип не поддерживает создание русскоязычного телеканала // *Эсти Постимеес*, 27.06.2006.

Кюльмоя И.П. (ред.) Язык диаспоры: проблемы и перспективы. Тарту, 2000.

Лыхмус А. В русских школах начнут преподавать историю русской культуры // *Эсти Пяевалехт (Eesti Päevaleht)*, 10.11.2005.

Мыттус А. В русской школе на эстонском языке // *Õpetajate leht* (Учительская газета) 16.09.2005.

Полещук В., Саар А., Семенов А., Халлик К. Эстония: межэтнические отношения и проблема дискриминации в Таллине. Таллин: Центр информации по правам человека, 2006.

Семенова Л. Учиться и любить // *МЭ Суббота*, 19.4.2003.

Томсон Э. Иноязычное население тоже нуждается в ЭТВ // Постимеес (Postimees), 03.07.2006.

Чернышева А. «Идеальный» учебник по литературе для реализации идей мультикультурного начального образования // Acta et commentationes collegii Narovensis, V, 2006, 37-42.

Черкасов А. В защиту русских // Век XX и мир, 4/1991.

Lauristin M., Heidmets M. The challenge of the Russian minority. Emerging multicultural democracy in Estonia. Tartu, 2002.

Verschik A. Russian-Estonian language contacts, linguistic creativity, and convergence: New rules in the making // Multilingua – Journal of Cross-Cultural and Interlanguage Communication, 24/2005, 413-429.

Е. Сирош

Эстонская школа: новые педагогические традиции

В Эстонии наступило такое время, когда все, что связано с Советским Союзом и Россией, напрочь отрицается. И советское образование в Эстонии стало неприемлемым для бывшей Советской республики. В общем-то, цель образования осталась та же – воспитать из ребенка всесторонне развитую личность. Но методы обучения и воспитания пытаются изменить. И немного изменился школьный быт: школьные книги, документация, мероприятия, культура пребывания в школе...

В распорядке учебного года, школьного дня все осталось по-прежнему. Начало учебного года – 1 сентября, конец – 2, 3 июня. Осенние, зимние, весенние и летние каникулы, уроки по 45 минут, перемены... Но есть одна маленькая деталь. Во многих эстонских школах отсутствует звонок. Вроде бы мелочь. Но русскому человеку (да и эстонцу, окончившему советскую школу) это непонятно. Звонок – обязательная, неотъемлемая частичка школьной жизни. Это первый звонок, последний звонок... От воспоминаний об этом невольно пробегают мурашки по телу. Получается, что многие нынешние воспитанники никогда не испытают таких чувств. И последний звонок для них лишь сказки, рассказанные родителями. Наш директор объяснил ликвидацию звонка очень просто: дети должны сами себя дисциплинировать, и учителя тоже. Есть расписание уроков, и есть часы, и на уроках все должны быть вовремя. К слову сказать, в нашей школе после десятилетней борьбы за звонок учителя все-таки одержали победу. Теперь наша гардеробщица ходит по школе и дает сигнал на урок и с урока обычным колокольчиком. В некоторых школах города обычный звонок заменен приятной мелодией.

Вся система основного образования находится под большим вниманием Запада. Детей, в первую очередь, нужно продержат до прихода родителей под присмотром, а уж научить – второе дело. Конечно,

выпускные экзамены остались такими же сложными, быть может, еще сложнее, но помощи от родителей ждать не приходится. Единственная обязанность родителей – обеспечить явку ребенка в школу. Все остальное должен сделать учитель.

Грамотность и знания детей в Эстонии упали как в русских, так и в эстонских школах. Но если в эстонских школах с ситуацией смирились, то в русских школах учителя, в основном получившие образование в советской школе, никак не хотят принять «новые правила игры». Для русских учителей знание предмета главнее, чем просто отсиживание ученика на уроке. А «новые правила игры» направлены на так называемую гуманность к ученику.

Вот моменты, которые «берегут» ученика.

Дневник ученика – это его личная собственность, которая никем не может быть испорчена (и учителями тоже). И вот неудача – ребенок получил двойку или плохо вел себя на уроке. Учитель может потребовать дневник для выставления оценки (замечания), а ученик имеет право его не дать. Как же он потом целый год будет ходить с этой двойкой в дневнике? Его чувства будут оскорблены.

Домашние задания – это личное дело для каждого ученика. Учитель не имеет права ставить неудовлетворительные оценки за невыполненные уроки (а родитель, заметьте, не обязан проверять, как ребенок сделал домашние задания). Для того чтобы сообщить родителям об учебе и поведении ребенка, педагог должен позвонить или отправить письмо на дом.

В русской школе журналы и табеля заполняются на эстонском языке. В книгах движений имена и фамилии детей записываются необычно: сначала записывают имя, потом фамилию. Очень сложно искать нужного человека.

Также к эстонцам не принято обращаться по имени-отчеству, а только по имени. К начальнику обращаться по имени очень неловко, статус человека сразу понижается, хотя многие уже привыкли.

В школах почему-то совсем исчезли организационные линейки, вся работа теперь лежит на классных руководителях. Но, конечно, существуют общие торжественные собрания, посвященные какому-нибудь празднику, и там объявляют победителей олимпиад, спортивных соревнований. А поругать учеников может и классный руководитель (что не всегда срабатывает). Учителя, конечно же, возмущены, но руководство считает, что прошли времена коллективного воспитания. Для воспитания ребенка ввели уже давно забытые развивающие беседы. Учитель должен обсуждать любые вопросы по поводу ученика с родителем. Учитель составляет план беседы с родителем, но не по поводу учебы, а о жизни ребенка в семье, его отношениях с родителями, о болезнях и характере, об увлечениях и проблемах в семье. Это для учителя очень сложно, и часто родители после беседы начинают настороженно вести себя с учителем.

Ребенок на уроке должен работать. Если он пришел на урок без учебных принадлежностей, учитель обязан обеспечить ученика всем необходимым (ручкой, тетрадью, необходимыми канцелярскими товарами, учебником). Иногда дети этим пользуются и постоянно ходят в школу без учебных материалов. А учитель должен так провести урок, чтобы ученик сам захотел принести учебник и ручку!

В современной эстонской школе изменяется метод учета оценок. Уходят в прошлое журналы. На смену им приходят электронные журналы системы e-kool. Для этого в каждом классе должен быть компьютер и доступ к Интернету. Учитель вместо обычного журнала в начале урока открывает электронный журнал, заносит туда тему урока и отсутствующих. В конце урока – оценки. В систему учитель входит через код. Домашние задания и замечания учитель тоже записывает. Родители с помощью пароля могут посмотреть все оценки своего ребенка, домашние задания и объявления, могут даже пообщаться со всеми работниками школы. Для родителей такая система очень удобна, если дома есть компьютер и Интернет.

Учителям поначалу было очень тяжело, приходилось учиться быстро работать с компьютером или вести сначала записи в своем дневнике, а потом заносить в компьютер. Со временем педагоги приспособились к такой работе и теперь перестали жаловаться.

В 1 – 2 классах в эстонских школах есть хорошая традиция, непонятная, наверное, российским педагогам и родителям. Перед Рождеством с 1 по 24 декабря (время ожидания Рождества – Адвент) в класс «приходят» гномики и каждому ребенку на парту (или в коробочку, заранее приготовленную на труде, стоящую на подоконнике) кладут конфетку. Для этого родители договариваются с классным руководителем и приносят конфеты (или сдают деньги), а учитель кладет их детям. Это мощный стимул для учебы ребят младших классов. Ведь если не выучишь урока, значит, не получишь конфетку. Успеваемость во второй четверти самая высокая.

В начальной школе в Эстонии уже лет пять действует постановление о том, что детей 1 – 2 классов не нужно оценивать. Плохие оценки могут с самого начала погубить у ребенка желание учиться. В первых двух классах оценки не ставятся ни в дневник, ни в табель. И вообще табелей нет. Вместо них есть специальные отчеты для родителей об успеваемости ученика, выраженные не в баллах, а в словесной форме. По каждому предмету учитель пишет, что ребенок усвоил, а что ему нужно подтянуть. Например,

Русский язык	Вася хорошо и выразительно читает, молодец! Пишет неаккуратно и невнимательно, пропускает буквы в словах, нужно потренироваться.

Для учеников существует методика словесного оценивания, учитель устно хвалит, одобряет ребенка. Самым успешным иногда делают поощрительные подарки: наклейку на дневник, закладку и т.п.

Не удивляйтесь, что в предмет *русский язык* входит и чтение, и письмо. В Эстонии в школах родной язык (и эстонский, и русский) является единым предметом. Официально нет деления на русский язык и литературу. На практике же деление существует. Например, 6 часов русского в неделю в 6-м классе подразумевает 4 часа языка и 2 часа литературы. Но оценка выставляется по двум дисциплинам на один предмет, и в таблице оценка одна. Это очень спасает некоторых учеников, имеющих проблемы с грамотностью: за счет литературы всегда можно получить «тройку».

Система оценивания сочинений тоже очень изменилась по сравнению с советской школой. Теперь наибольшее количество баллов за сочинение можно набрать за содержание, ошибок в словах же может быть бесконечное множество. Например,

Содержание	Построение текста	Орфография	Пунктуация	Речевые ошибки
Макс. 60 баллов (отнимаются по десяткам)	10 баллов (отнимается по два балла: 10, 8, 6, 4, 2, 1)	10 баллов	10 баллов	10 баллов
Мин. 0 баллов – сочинение не соответствует теме	1 балл	1 балл – более 12 ошибок	1 балл – более 15 ошибок	1 балл – более 10 ошибок разного типа

Такая система оценивания помогает даже самому отстающему ученику дать шанс на сдачу экзамена.

В школьных библиотеках проходила ревизия, все книги советского издания (кроме классики) и учебники, даже математики и физики, были списаны, о чем сейчас очень жалеют некоторые преподаватели.

Столовые в школах Эстонии приобрели очень цивилизованный вид. Красивые полы, стены с картинами, аккуратные столики, напоминающие столики в кафе, керамическая посуда, кружки вместо стаканов, нормальные вилки и ножи. На столах салфетки, хлебницы и супницы. Наши учителя до сих пор вспоминают школьные столовые своей молодости.

Учителя русских школ Эстонии не очень быстро приняли некоторые нововведения, ездили на встречи с инициаторами идей, но постепенно

привыкли. Я не знаю, что для российского учителя здесь покажется странным, что неприемлемым, а что понравится.

А. Борисов

Стиль русских и эстонских учебников

Изложу свой взгляд на ситуацию с подготовкой учебников в Эстонии.

Пожалуй, начну с того, что в 1000-ый раз повторю слова многих ученых, которые утверждают, что сделать открытие в наше время – очень сложно, так как многое уже открыто, исследовано, написано. Просто не всегда знаешь, что данное открытие уже давно известно. К чему это все?

Во-первых, нужно отметить, что на Земле существует несколько больших держав, высокоразвитых стран (к ним отнесу и не высоко развитые в материальном плане страны – Россия, Китай, Индия ... – они имеют большую, долгую, интересную, богатую – как угодно можно сказать, историю), которые скажем так, давали знания другим государствам, основываясь на своем личном опыте.

У России богатейший опыт, там постоянно ведутся исследования во многих отраслях науки. Здесь есть большой потенциал, здесь есть и было время, место для исследований, деньги и люди. Ученые веками искали более подходящие методы (в плане образования) для лучшего понимания, усвоения материала. Находили и использовали.

Эстонцы, самые умные, едут в Европу (не в Россию – гордость не позволяет), покупают толстые и действительно умные книжки на английском, немецком и др. языках – переводят и, естественно, переписывают своими словами на эстонском языке. Вот и в Эстонии появились свои доктора наук!

«Родить» что-то новое, как мне кажется, не получится – надо быть гением, надо дружить с другими, более умными людьми, странами, чтобы перенять опыт коллег. И тогда может что-то и получится написать необычное. Ведь, если посмотреть в целом – очень многие открытия сделаны российскими учеными, будь они в России или эмигрировали в другую страну.

Чтобы стать открывателем, нужны идеи. Пусть идея есть, но нужно еще эту идею воплотить в жизнь, проверить, может быть даже на целом поколении (использовать один и тот же учебник десятилетиями) – а для этого нужна история, причем история одного государства, не меняющегося, стабильного. Эстония не такова.

Вывод – написать грамотный и понятный ученику учебник – это искусство, это как сделать открытие в педагогике. Многие профессора в Тартуском университете – уважаемые мною люди, имеют в своих библиотеках шкафы с книгами русских авторов и совсем немного книг

иноязычных авторов. Русские учебники, на мой взгляд – более легки для понимания, более обширны, интересны...

Сейчас в Эстонии пишут учебники, не побоюсь так сказать, для идиотов, ну так все подробно и иллюстрировано изложено, что данная простота кажется излишней.

Интересно то, что ученики все равно недопонимают, что там написано.

Вот что еще интересно – в Эстонии 2 урока физики в неделю – для всех учеников, как для сильных – реальных классов, так и для слабых. В России 3 часа – для гуманитариев, т.е. для слабых в реальных науках и 5 часов для сильных ребят.

В стране не хватает инженеров! 2 урока в неделю, для меня это мягко сказать, непонятно. Как вы думаете?

Вот такая вот статья получилась, больше не про учебники, а про науку. Просто хотел показать, как пишутся эти учебники.

А.П. Бабушкин

Эстонский «калейдоскоп»

Что мы знаем об эстонцах, которые совсем недавно были нашими соотечественниками (и поэтому, очевидно, мало нас интересовали)? Возможно, пару анекдотов о «горячих эстонских парнях» - вот и всё. Сегодня же Эстония всё чаще привлекает наше внимание. Эту маленькую страну навряд ли можно назвать «ближним зарубежьем». Скорее, она – просто «зарубежье», представляющая малую часть Западной Европы. Поэтому интересны впечатления о новой Эстонии людей, проживших в Таллине или Тарту достаточно долгий период времени и узнавших Эстонию и эстонцев не «понаслышке».

Принято считать, что эстонцы – замкнутые люди, готовые довериться только близким и друзьям. Однако этот стереотип не выдерживает критики, когда читаем о дружелюбии и внимании эстонцев, например, в осеннем номере журнала «360°», издаваемого в странах Балтии на русском языке: «И не стесняйтесь спрашивать дорогу у местных жителей – уверяем, народ там очень отзывчивый. Маршрут изложат досконально, а, учитывая, что обычно им спешить некуда, могут найтись и добровольцы, готовые проводить вас» (с. 122).

О чувстве юмора у эстонцев можно судить по тому, как они в шутку называют две улицы, которые соединяют Вышгород и Нижний город Таллинна – Длинная нога и Короткая нога (очевидно, поименованные так из-за своей конфигурации). Жители эстонской столицы любят говорить, что их город «хромает» (там же).

Дружный смех вызвал у эстонских преподавателей, обучавшихся на факультете повышения квалификации в МГУ в 80-х гг., когда какой-то мальчик попросил у них эстонскую монету для коллекции (в ту пору Эстония входила в состав СССР).

Сегодня эстонцы меньше вовлечены в политику, чем в 1993 году, когда они боролись за свою независимость. Однако, люди, ставшие политиками, продолжают быть чрезвычайно активными в этой сфере.

Если в Польше национальную ценность составляет религия, то в Эстонии эту роль выполняет язык. Революцию 1993 года называют «песенной революцией». Эстонцы, сплоченные одной идеей – выйти из СССР – пели песни на родном языке. Один раз в пять лет в стране проводятся фестивали национальной песни на так называемых «певческих полях».

Большое внимание в стране уделяется образованию молодежи – Эстонии нужны кадры управленцев, экономистов и специалистов в разных производственных отраслях.

Высшие учебные заведения в Эстонии оснащены по последнему слову техники.

Университетский преподаватель во время лекций чувствует себя раскованно: он может сесть на стол, закинув ноги на спинку стола, выпить по ходу занятия чашку кофе и перекусить.

Эстонские студенты похожи на студентов мирового студенческого сообщества. Порой удивляет только то, что молодой человек может прийти в университет в рубашке с галстуком и шортах, обутом в сланцы. Редко встречаются ребята совершенно экзотического вида с разрисованными татуировкой лицами, не говоря уже о кольцах в ушах и носу.

Преподаватель может пойти со студентами в пивной бар или пригласить их в сауну. В транспорте эстонцы обычно не разговаривают друг с другом. В магазинах, как правило, царит тишина, как в музее. Покупатели и продавцы приветствуют друг друга – «Tere», что значит «здравствуйте».

На вокзале, почте и других учреждениях не бывает очередей. Получая номер при входе, человек отдыхает в кресле и ждёт, когда его номер загорится на табло и он сможет подойти к кассе вокзала или банка, почтовому окошку и т.д.

Эстонцы патриотичны в выборе продуктов питания: любят шпроты, шоколадные конфеты местного производства, клюкву в сахарной пудре. В качестве спиртного предпочитают водку, вино пьют мало (кстати, водка и сигареты стоят дорого). Уже в советскую эпоху у молодого поколения тогда ещё советской Эстонии вызревали западные стандарты поведения. Подросток мог одолжить деньги родителям под проценты. Вопрос о какой-либо покупке мгновенно снимался, если в семье не было достаточно денег, и подростку предлагали купить приглянувшуюся ему вещь «за свои».

Отношение к русским в те годы оставляло желать лучшего, но не всегда и не везде.

Имел место такой случай. Один русский по национальности инженер провёл свой первый рабочий день на судостроительном заводе. В конце дня рабочие собрались вместе, принесли кружку, полную водки, и

протянули её новичку. Полагая, что эстонцы проверяют его, «какой он мужик», крепок ли он, инженер, собрав волю в кулак, выпил кружку до дна. Эстонцы переглянулись и принесли новую кружку водки. Оказывается, существует традиция: когда новый человек вливается в коллектив, пускают кружку «по кругу» и каждый делает один глоток «за дружбу». Так незнание местных традиций может обернуться конфузом.

В новой Эстонии хорошо себя чувствуют те русские, которые выучили эстонский язык и ассимилировались в обществе. Другие этнические русские считают зазорным учиться говорить по-эстонски и ведут себя порой вызывающе.

Эстонцы же называют период с 1940 по 1993 год годами оккупации своей страны. Считается, что сегодня страна идёт дорогой истинной демократии. Вместе с тем, заметно расслоение эстонского населения – появились «новые эстонцы», которые по манере своего поведения очень напоминают «новых русских».

Увиденное в Эстонии очень похоже на то, что имеет место и в других странах Балтии – Латвии и Литве.

Заметки о русском и эстонском общении

Я стажерка Воронежского университета из Тарту (2006).

Нас спросили, какие отношения между русскими и эстонцами. Это довольно трудный вопрос, потому что требует обобщения, но я могу говорить только о своем личном опыте.

Мне кажется, что есть различия между поколениями, но также и внутри каждого поколения.

Например, для советских людей «Эстония» в общем смысле связана с Прибалтикой, у них там обычно есть знакомые или даже друзья, поэтому возникают разные положительные воспоминания. Но в современные времена русские не очень уверенные и поэтому продолжают с вопросом: «А как у вас теперь там жизнь? Лучше или хуже, чем в Советском Союзе?». И иногда, особенно после выпивки, начинают защищать старую систему или нападать на Евросоюз.

Конечно, политика есть политика, но, несмотря на это, я удивилась, как отрицательно русские медиа в основном показывают Эстонию, и как в Эстонии обычно относятся к русским.

Я всегда стараюсь сказать, что это неважно для повседневного общения. Например, мы однажды смотрели футбольный матч между командами Эстонии и России, и сидели рядом в баре. Мы ободряли эстонскую команду, и было все спокойно, никто не хотел никакого конфликта между нами и русскими.

Я думаю, что в общем здесь для эстонцев жить легко – мы все-таки выглядим как русские и понимаем русский менталитет, может быть,

лучше, чем другие народы, которые не так близки к русским. Несомненно, для африканцев, арабов и др. здесь жить труднее

В советское время эстонский студент учился в Московском университете и жил все пять лет в одной комнате с русскими студентами. Получив диплом, он готовился к возвращению к себе домой, в Эстонию. Собрал чемодан и уходя навсегда из комнаты общежития, он попрощался со своими русскими товарищами, но уходя навсегда, обернулся и сказал:

- И все-таки у вас, русских, есть одна отвратительная черта – вы можете в любой момент зайти в мою комнату и заговорить со мной!

Образовательная реальность современной Эстонии предоставляет национальным меньшинствам и иммигрантам различные возможности преодоления языковых и культурных барьеров в рамках школьного обучения. Наряду с традиционными школами с одним официальным языком обучения за последние годы сложился целый ряд альтернативных образовательных моделей — в Таллине и на северо-востоке Эстонии работают несколько русских школ, реализующие программу двуязычного обучения, в рамках которой часть предметов изучается на эстонском языке; семь русских школ в Таллине, Выру, Валга и Кохтла-Ярве участвуют в базирующемся на канадском педагогическом опыте проекте языкового погружения, в лаагсаской гимназии с эстонским языком обучения открыт специализированный класс для национальных меньшинств, в двух таллинских русских школах работают классы с углубленным изучением эстонского языка, в нескольких столичных школах наряду с эстонским и русским языками в качестве языка обучения используется английский и другие иностранные языки. Особый интерес представляет педагогический опыт Таллиннской международной школы — частного учебного заведения, обучающего на английском языке преимущественно детей из иностранных семей.

Что касается школьного образования на русском языке, то в последние годы популярность его несколько снизилась за счет увеличения удельного веса школьников из числа национальных меньшинств, сделавших выбор в пользу образовательного пространства эстонской школы. И если в начале 90-х гг. удельный вес учащихся в русских школах Эстонии составлял 36,8 %, то к настоящему времени этот показатель сократился до уровня 27%.

В 2002/2003 учебном году кафедрой школьной педагогики факультета воспитательных наук Таллинского педагогического университета было проведено исследование с целью отслеживания хода адаптации русскоговорящих учащихся в условиях эстонской школы. В качестве респондентов в анкетировании участвовал 51 школьник в возрасте 10-18 лет,

обучавшиеся в Средней школе Асери, 1-й школе Кивиыли и Общей гимназии Кохтла-Ярве. Респонденты являлись учащимися 4-11 классов эстонских школ северо-восточного региона Эстонии.

В ходе исследования было установлено следующее.

Большая часть — 67 % обучающихся в эстонской школе иноязычных детей воспитываются в смешанных семьях, пользующихся в повседневном общении двумя языками.

33 % опрошенных школьников использовали эстонский язык преимущественно в школе и за пределами общения в кругу семьи. В отдельных случаях наряду с русским языком в семьях опрошенных использовался также украинский, белорусский, латышский и литовский языки.

42 % опрошенных школьников предварительно посещали эстонские детские сады. 27 % респондентов перешли в эстонскую школу после завершения обучения в классах языкового погружения. При этом только 10 % учащихся перешли в эстонскую школу непосредственно из школы с русским языком обучения.

Подавляющее большинство — 83 % респондентов обучались в эстонской школе начиная с первого класса. Еще 10 % отвечавших изменили образовательное пространство с 6-го класса. Всего 7 % опрошенных перешли в эстонскую школу непосредственно после окончания основной школы.

Обучавшиеся в эстонской школе представители национальных меньшинств в большинстве своем отличаются высокими социальными амбициями — 82 % из них заявили о намерении получить высшее образование. По оценкам учителей, академическая успеваемость опрошенных школьников практически не отличалась от уровня эстонских сверстников. Трудности в обучении компенсировались за счёт повышенной мотивации.

72 % респондентов заявили о том, что способны учиться самостоятельно. В то же время 25 % отвечавших признались, что часто пользуются помощью родственников. Только 3 % отвечавших заявили о необходимости обращаться к репетитору, поскольку родители не могут помочь в учебе из-за языкового барьера. При этом 91 % участников анкетирования признали, что языковой барьер оказывает значительное влияние на результат обучения.

Свыше половины опрошенных — 51 % заявили о том, что испытывают наибольшие трудности с гуманитарными дисциплинами. Точные науки составляли затруднение для 39 % отвечавших.

Только 10 % респондентов были озабочены отношениями с учителями и одноклассниками. 57 % участников опроса заявили о том, что вполне довольны отношением к себе со стороны эстонцев. Еще 38 % обозначили отношение к себе как вполне приемлемое. На конфликты и изоляцию в общении пожаловались только 5 % опрошенных школьников.

Данные анкетирования позволяют предположить, что участвовавшие в исследовании иноязычные школьники достаточно открыты для межкультурных контактов. Вместе с тем 7 % отвечавших заявили о том, что не общаются с эстонцами за пределами школы. Более половины опрошенных

— 53 % - отметили, что принадлежность к доминирующей национальности дает человеку серьезные преимущества. Противоположную точку зрения поддержали 19 % отвечавших. Еще 28 % затруднились высказаться по этому поводу.

89 % респондентов заявили, что владеют родным языком — как устным, так и письменным. Остальные 11 % признались, что свободно владеют лишь устной речью.

Представляется, что обучающиеся в эстонской школе дети, принадлежащие к национальным меньшинствам, обладают более высоким адаптационным потенциалом и конкурентоспособностью. Они более конформны и обладают более гибкой этнической и языковой идентификацией.

Вместе с тем проведенное анкетирование не дает оснований для широкомасштабных обобщений относительно стратегии культурно-языковой и социальной адаптации национальных меньшинств в доминирующем образовательном пространстве. Обучающиеся в эстонской школе иноязычные дети составляют порядка 3% от общего числа учащихся общеобразовательных школ Эстонии.

Публикуемые данные приводятся по статье Р. Калласс «Межкультурное образование в культурно-образовательном пространстве Эстонии // Русский язык как иностранный: Теория. Исследования. Практика. Выпуск VII, Санкт-Петербург, 2004, с.135-141.

М.Кодрес, И.А.Стернин

Русское и латышское коммуникативное поведение

Н. Тамарович

О коммуникативном поведении латышей

“Latvietis tā arī nav ne īsti balts, ne sarkans – viņš ir tāds rozā”.

К.Скалбе.

«Латыш в действительности не белый и не красный, он как бы розовый».

К.Скалбе.

Коммуникативное поведение, под которым понимаются определенные правила и традиции общения определенной этнической общности, является одним из важнейших компонентов национальной культуры. Каждая нация отличается определенными особенностями, которые могут проявляться на разных уровнях и в первую очередь на языковом уровне. На формирование характера человека оказывает влияние множество факторов, начиная от географического и заканчивая социальным. Однако

существуют некоторые доминанты, которые являются относительно стабильными для большинства представителей определенной нации. Это такие характерные и устоявшиеся особенности, которые и формируют представление о народе. Этими формами проявления национального характера становятся стереотипы.

Следует отметить, что при описании и выявлении особенностей национального характера определенной этической общности, значительная роль отводится субъективному моменту: описание будет отличаться в зависимости от того, кем оно осуществляется, от отношения высказывающегося к определенной нации и т.д. Например, в работе Е.Райпулиса, посвященной выявлению положительных и отрицательных черт национального характера латышей, приводятся примеры крайне субъективного и негативного отношения других наций к латышам, которые в отдельных высказываниях определяются даже как «народ без характера» (Raipulis 1993, с. 206).

Говоря о специфике национального характера латышей, следует выделить типичные черты данной этнической общности, которые, на наш взгляд, будут доминантными.

Латыши в первую очередь отличаются крайним индивидуализмом; эта особенность отмечается как наиболее характерная для данной нации. Примеры этому можно найти в латышском фольклоре, в описаниях и наблюдениях представителей других наций и так далее. Если для русских характерен в большей степени «групповой» стереотип поведения (установка на других, гостеприимство, радушие, добродушие, отзывчивость, доверчивость и т.д.), то в данном случае отмечается тенденция во всем полагаться на самого себя.

Латыши сдержанны и замкнуты, они стремятся к соблюдению дистанции между коммуникантами. Латыши крайне редко вступают в разговор с незнакомыми людьми в общественных местах, к которым зачастую они настроены недружелюбно. Однако, как отмечает профессор А.Карпова, автор работы, посвященной сравнительно-сопоставительному анализу доминантных черт латышского национального характера в исследованиях ученых 1920-1990-ых гг., с друзьями латыши более открыты и доверяют им больше, чем другим (Карпова 1993).

Если обратиться к латышу на русском языке, он нередко ответит на латышском; только отчасти это может быть вызвано слабыми знаниями русского языка. Нередки случаи принципиально выраженной языковой позиции, особенно это касается обслуживающего персонала государственных учреждений. Между тем, латыши прекрасно понимают сказанное по-русски и даже довольно сносно говорят на русском языке. Наряду с крайним индивидуализмом латышей, упоминается их консерватизм, проявляющийся, в частности, в стремлении сохранить традиции, обычаи предков, верования.

Среди других характерных черт национального характера латышей следует выделить трудолюбие и старательность, прилежность и упорство. Одной из высших добродетелей искони у латышей считалось трудолюбие, многочисленные подтверждения чему можно найти в латышском фольклоре. Известный этнограф, краевед и педагог Ю.Д.Новоселов в начале прошлого века отмечал: «Латышам, как народу, никогда не приходилось играть в истории видной роли. Вся жизнь латышей протекала в мирном труде около земли, и все их интересы всегда сводились к земле. Поэтому тяготение к земле и борьба за нее <...> проходят красной нитью по всей истории латышского народа. Латыш не коммерсант, не ремесленник, не мореплаватель, военная слава его не прельщает; латыш – прирожденный земледелец, и в справедливости такого заключения можно убедиться по бесконечным и прекрасным латышским народным песням, по загадкам, поговоркам и другим произведениям народного творчества» (Новоселов 1911, с. 5-6). В этой реплике отражена важная черта национального характера, поэтому мы посчитали нужным ее здесь упомянуть.

Для латышей не характерно бурное проявление эмоций; в большей степени у них ценятся сдержанность и самообладание. Латыш, по замечанию Ю.Д.Новоселова, не обладает особой энергией, у него нет пламенного темперамента южанина, он типичный флегматик (Новоселов 1911, с.10). Флегматичный и меланхолический темперамент латышей отмечает и Е.Райпулис, Д.Мейкшане и другие.

В коммуникативном процессе латыши не занимают доминирующих позиций и пытаются сохранить определенную дистанцию. В отношении к другим людям латыши отличаются некоторой «сухостью» и холодностью; они углублены в себя, в свои проблемы, и поэтому латышей нередко обвиняют в неотзывчивости.

Латыши отличаются обостренным чувством национальной принадлежности, в частности, для них характерно свойственное для «маленьких» народов ревностное отношение к собственной культуре, языку, истории. Они патриотичны – подчеркивают собственную принадлежность к нации, гордятся своей нацией, демонстрируют знание и соблюдение национальных традиций.

Что касается языка, то за последнее время латышский язык ассимилировал значительное число русской и иностранной лексики, отнюдь не в лучших ее образцах, что вызывает естественное недовольство и зачастую негативные отзывы. Так, например, Я.Кушкис отмечает следующие случаи заимствований из русского языка: *čainiks, davaī, duraks, kurtka, troļiks, vodka, vot* и другие, включая «новомодный» русский жаргон.

Следует отметить, что заимствования из русского языка составляют большую часть новой лексики. Однако немало в латышском языке немецкой и англоязычной лексики (из немецкого - *feins, fraķis, štimungs*, из английского – *feiss, imidžs, ofiss, pleijers, tops* и т.д.) (Kušķis 1993, 93-

94). Зачастую подобные явления воспринимаются как факт «засорения» языка. Приведем показательную в этом ряду заключительную реплику цитируемого исследователя: «Эти внедренные под влиянием русского языка неправильности начинают, как рак, разъедать мельчайшие структуры латышского языка, и поэтому они являются не менее опасными, чем деформация словарного запаса и грамматики» (Kušķis 1993, с.97). Данный пример наглядно демонстрирует ревностное отношение латышей к собственной культуре.

Латыши упрямы; их нелегко убедить в чем-либо, если у них уже сформировалось определенное представление. Они неохотно отказываются от собственных убеждений, даже в тех случаях, когда они являются недостаточно обоснованными и убедительными.

Латыши аккуратно и трепетно относятся к национальным праздникам. Распространены среди латышей праздники танца и песни – латыши надевают национальные костюмы, танцуют и веселятся. Латыши довольно консервативны в одежде: они одеваются в большей степени прагматично, мало заботясь о «вкусе». Молодежь часто пытается выглядеть «неформально»; в одежде доминирует в большей степени спортивный стиль. Латыши выделяются в толпе, обращают на себя внимание яркими цветами, необычными фасонами и т.д. В одежде отчасти пытаются передать некоторые национальные характерные черты. Эти черты легко угадываются в искусстве (например, в живописи): своеобразие, необычность, стремление к простоте, зачастую примитивизм — очищение от всевозможных наслоений.

Латыши достаточно хорошо знают собственную культуру, много читают свою и зарубежную литературу. Молодежь достаточно активна в области литературного творчества – организует собственные периодические издания, в которых публикуется. Между тем, иногда слабо ориентируется в русской литературе.

Среди других качеств латышей исследователями упоминаются упорство, романтичность, эгоизм, национализм, выносливость, неприхотливость, пассивность и многое другое. Латыши проявляют особую «гибкость» в освоении новых навыков, в принятии инноваций в различных областях. Особую тему составляет отношение латыша к собственному дому, семье. Семья становится единственно верным критерием всех явлений жизни, ключом к пониманию психологии народа. Однако во многих исследованиях отмечается некоторая «холодность» родителей в воспитании детей, сдержанность в проявлении родительских чувств и так далее.

Таким образом, латыши характеризуются закрытым, «кулуарным» характером коммуникации. Упомянутые особенности – холодность, сдержанность, немногословность, «списываются» многими собеседниками на свойства «прибалтийского характера». Нередко эта тема преподносится в шуточном ключе, в том числе воплощаясь в многочисленных анекдотах.

В статье П.А.Клубкова «Прибалт: слово и представление» приводится следующий забавный фрагмент, характеризующий в целом устоявшийся у других наций (у русских) поведенческий тип прибалтийцев:

«Прибалты живут в Прибалтике. Они все фашисты, по-русски не говорят. Если спросишь у Прибалта, как пройти на вокзал, он делает вид, что не понимает. Или нарочно объясняет неправильно. Прибалты тихие и вежливые. У них темперамента нет. А женщины развратны. Прибалтам разрешается слушать джаз и рок. У Прибалтов хорошее пиво. Они его пьют в специальных пивных барах со специальными пивными коржиками. Прибалты любят порядок. У них всюду чистота. Когда Прибалт видит, как русские бросают мусор, он начинает шипеть что-то по-прибалтийски. Прибалты очень гостеприимны. Они живут на хуторах. Там у них свое хозяйство, никто не пьет, а по воскресеньям все ходят в Костел. Со снабжением у Прибалтов – не так как у нас. У них со снабжением хорошо. Молочные продукты в ассортименте, всякие сырки в шоколаде, колбаса. Прибалты все ездят на машинах по дорогам. У них дороги в отличном состоянии. В войну Прибалты были против нас, а потом Сталин Прибалтов всех сослал в Сибирь. Поэтому потом Прибалтам разрешили слушать джаз и рок. Но все-таки иногда Прибалты убегают за границу на лодках» (Клубков).

Не менее интересной представляется проблема описания и составления типичного портрета «русского в Латвии», при рассмотрении которой, несомненно, будут обнаружены многочисленные отличительные признаки русских в Латвии от русских, проживающих на территории России. За рамками нашего наблюдения остаются и другие экстралингвистические факторы, обуславливающие акт коммуникации (близость к столице и нахождение на периферии, в провинции, социальный статус, воспитание и многое другое).

Характерно, что за последнее время, в связи с подвижностью и более свободным пересечением границ, намечается тенденция «размывания» понятия нации как таковой.

Клубков П.А. «Прибалт» – слово и представление. // <http://www.grammatik.narod.ru/pribalt.html>

Новоселов Ю.Д. Латыши: очерки по этнографии и современной культуре латышей. Рига, издание Кузнецова, 1911.

Karpova Ā. Tēva mājas un latvieša raksturs. – Dabas un vēstures kalendārs 1993. gadam. Rīga: Zinātne, 1992. стр. 214-219.

Kušķis J. Nešķobīsim savu valodu! – Dabas un vēstures kalendārs 1993. gadam. Rīga: Zinātne, 1992. стр. 93-97.

Meikšane D. Latviešu mentalitāte. // Skola un ģimene. 1989. № 7, 11 стр.

Raipulis J. Latviešu labās un sliktās īpašības. – Dabas un vēstures kalendārs 1993. gadam. Rīga: Zinātne, 1992. стр. 205-214.

Русское коммуникативное поведение

М.С. Саломатина

Коммуникативное поведение российского филолога

Нами были исследованы особенности коммуникативного поведения российского филолога – начиная от студентов филологических факультетов и заканчивая учителями-филологами с большим стажем работы в учебных заведениях (Саломатина 2005).

Описанные в работе результаты получены при помощи психолингвистических методик, через обращение к коммуникативному сознанию испытуемых – носителей языка. Коммуникативное поведение типичного филолога описано по представлениям носителей русского языка – как самих филологов, так и нефилологов - об общении филологов.

Специфика коммуникативной личности филолога, как показало исследование, в целом является очевидной и для большинства филологов, и для представителей других профессиональных групп.

Для студентов 1 – 2 курсов характерны наличие некоторых стереотипных представлений о коммуникативном поведении филолога как носителя особой (высокой) речевой культуры, как человека с высоким уровнем коммуникативной компетенции – налицо стремление наделять свою референтную группу положительными характеристиками. Несформированность достаточной профессиональной компетенции у студентов начальных курсов не дает им возможности объективно оценить речевое поведение окружающих.

Студенты старших курсов, учителя-филологи более дифференцированно, а следовательно, и более объективно воспринимают вербальное коммуникативное поведение филологов. Это дает основание предположить, что профессиональная коммуникативная личность филолога является уже в значительной степени сформированной на заключительной стадии обучения.

Главным отличительным признаком речи филолога является нормативность. Учителя-филологи прежде всего акцентируют внимание на лексическом аспекте нормы, связанном с неупотреблением определенных лексических единиц. Нормативность должна быть и главной характеристикой эталонной речи филолога, по мнению членов исследуемой профессиональной группы. В качестве черт эталонной речи филолога отмечаются также яркость, выразительность, образность, эмоциональность - качества речи, которые усиливают ее воздействующую функцию. Нефилологи же придают большое значение такому качеству речи, как культурность, акцентируя тем самым свое внимание в том числе и на этическом аспекте культуры речи.

Речь учителей-филологов является более нормативной в лексическом отношении, чем речь студентов.

Нефилологи дают определение *красиво* при характеристике речи филолога. По результатам опроса можно определить круг характеристик, включаемых в понятие *красиво*: образно, с использованием всех лексических ресурсов русского языка, избегая повторов, эмоционально, грамматически правильно, интересно.

Филолога отличает стремление к повышению эффективности речи, что актуализируется в таких характеристиках речи филолога, как *выразительность, убедительность, доступность, эмоциональность*. Стремление говорить четко, логично, лаконично, интересно, умение корректировать свое речевое поведение в зависимости от ситуации и собеседника (*знают, что, где, кому и как сказать; избирательны в том, что сказать*) свидетельствует об ориентации филолога на адресата, а также об умении структурировать свою мысль и выражать ее в оптимальном для слушателя виде.

На коммуникативную личность филолога оказывает влияние регулярная работа с художественным текстом: так, одними из самых ярких дифференциальных признаков речи филолога являются образность, использование изобразительно-выразительных средств, сравнительных конструкций, крылатых слов и выражений, цитат из произведений художественной литературы.

Высок уровень цитируемости прецедентных текстов, к числу которых относятся главным образом произведения мировой художественной литературы, широко используются в речи литературные аллюзии, причем в сокращенной форме, рассчитанной на понимание с учетом общности пресуппозиции.

Интересно, что только 3% опрошенных учителей-филологов и студентов 4 – 5 курсов выделяет такие признаки, как вежливость и культурность, тогда как 7% студентов 1 – 2 курсов считают вежливость одной из характерных черт вербального коммуникативного поведения филолога. Это отнюдь не значит, что вежливость и культурность вербального коммуникативного поведения филолога снижаются по мере формирования его профессиональной личности. Видимо, вежливость и культурность осознаются студентами старших курсов и учителями в большей степени как поведенческие аспекты, а не характеристики речи.

Обращает на себя внимание тот факт, что учителя русского языка и литературы и студенты 4 – 5 курсов называют «негативные» характеристики речевого поведения филолога такие, как невыразительность, небрежность, нечеткость, безапелляционность и др. Это говорит о формировании объективного взгляда на собственное коммуникативное поведение и на коммуникативное поведение своей референтной группы. Студенты младших курсов негативных характеристик не отмечают, что свидетельствует о некоторой

коммуникативной самоуверенности. О формировании более объективного и дифференцированного восприятия коммуникативного поведения филологов говорит и то, что учителя и студенты старших курсов дают более развернутый список качеств речи филолога, чем студенты 1 – 2 курсов.

Частотность употребления в речи лексики, свойственной книжным стилям речи, свидетельствует о значительном влиянии, оказываемом обучением и последующей профессиональной деятельностью на речь филолога. Следует обратить внимание на то, что если употребление в речи названного пласта лексики является одной из главных особенностей речи филологов, по мнению учителей-филологов и студентов 4 – 5 курсов, то студенты 1 – 2 курсов не считают ее таковой.

Это позволяет говорить о том, как происходит процесс формирования коммуникативной личности филолога, какие факторы являются определяющими в этом процессе. По мере формирования и развития «профессиональных» качеств у коммуникативной личности филолога усиливается влияние книжных стилей речи на вербальное коммуникативное поведение филолога. Влияние книжных стилей речи на вербальное коммуникативное поведение филолога является очевидным: филологи называют следующие признаки: *использование сложных синтаксических конструкций, оборотов, свойственных книжной речи*, отмечается низкая частотность употребления лексических средств, маркированных как сугубо разговорные.

Характерной чертой коммуникативной личности филолога является частотное употребление эмоционально-экспрессивной лексики.

Учителя русского языка и литературы и студенты 4 – 5 курсов более дифференцированно подходят к восприятию речи представителей своей референтной группы, чем студенты 1 – 2 курсов, называя в числе употребляемых филологами речевых средств просторечную, диалектную лексику. Этот факт позволяет говорить о том, что по мере развития профессиональной коммуникативной личности происходит расширение арсенала используемых речевых средств и появляется большая свобода их использования.

Близкое количество учителей-филологов и студентов 4 – 5 курсов (31% и 37% соответственно) считает редкое использование ненормативной лексики одной из характерных особенностей речи филолога. Значительно выше (49% и 51%) число назвавших тот же признак среди учителей-нефилологов и студентов 1 – 2 курсов. Приведенные данные говорят о том, что учителя русского языка и литературы и студенты старших курсов значительно более дифференцированно, а, следовательно, и более адекватно, анализируют звучащую речь, ее лексический состав, нежели неспециалисты, которыми являются студенты 1 – 2 курсов и нефилологи.

Для вербального коммуникативного поведения студентов-филологов в большей степени, чем для коммуникативного поведения учителей-

филологов, характерно употребление жаргонной и сленговой лексики. Напрашивается вывод о значительно более сильном влиянии литературной нормы на речь учителей-филологов и о воздействии фактора профессиональной деятельности, которая в силу своей специфики заставляет учителей более тщательно следить за своей речью. И, безусловно, одним из решающих является возрастной фактор: известно, что в молодежной среде жаргонная и сленговая лексика функционирует значительно более активно, чем в других.

Низкая частотность использования филологами в речи так называемых слов-паразитов говорит о том, что филологи осуществляют постоянный контроль над своей речью. Признак коммуникативного поведения филолога «умение следить за своей речью» отмечался отдельно рядом членов исследуемых групп. Способность контролировать свое речевое поведение, безусловно, является одним из показателей высокой речевой компетенции и одной из характеристик развитой коммуникативной личности.

Такие коммуникативные характеристики, как вежливость, культурность, тактичность, корректность, интеллигентность, умение себя вести, соблюдение норм поведения и т.п. (указанные реципиентами) позволяют говорить о филологах как о людях с достаточно высоким уровнем культуры поведения. В эти характеристики включен, несомненно, и аспект морально-этического восприятия личности филолога.

Можно также указать на наличие речевых табу на употребление грубой нецензурной лексики в процессе внутригрупповой коммуникации (табу преимущественно выдерживается).

Одной из характеристик коммуникативного поведения филолога, проявляющейся не только на речевом, но и шире – на поведенческом уровне (как психологическая черта коммуникативной личности филолога) является эмоциональность.

Значительная часть филологов замечает ошибки в своей речи, что, с одной стороны, говорит о высокой степени объективности в оценке собственной коммуникативной практики, о достаточно высокой степени профессиональной компетенции, позволяющей замечать ошибки в своей речи, а с другой – о регулярном нарушении языковых норм. Студентам младших курсов в большей степени, чем студентам 4 – 5 курсов и учителям-филологам свойственна языковая самоуверенность (они считают, что реже допускают ошибки в речи), которая является результатом еще несформировавшегося профессионального взгляда на собственную коммуникативную практику.

Самые частотные ошибки, допускаемые филологами в своей речи, связаны с нарушением орфоэпических норм. Это обусловлено тем, что орфоэпические нормы русского языка (в частности постановка ударения) являются одними из самых трудных для усвоения, поскольку почти не регламентированы правилами.

Учителя-филологи делают меньше грамматических ошибок, чем студенты филологического факультета. Последнее можно объяснить тем, что учителя-филологи больше работают с грамматическими нормами практически. Кроме того, объяснение грамматических правил и норм учащимся, безусловно, способствует их лучшему усвоению. Низкий процент студентов 1 – 2 курсов, указавших в числе частотных ошибок использование слова в несвойственном ему значении, видимо, объясняется недостаточно сформированной профессиональной компетенцией, о чем уже говорилось выше.

От 81% до 89% филологов с большей или меньшей частотой исправляют ошибки в речи окружающих (при горизонтальном общении). Названный факт говорит о том, что члены рассматриваемой профессиональной группы внимательны к речи окружающих, и, безусловно, является профессионально обусловленной характеристикой коммуникативной личности филолога.

От 11 до 17% опрошенных оценивают уровень культуры речи своих знакомых филологов как высокий. От 59 до 63% - как достаточно высокий. От 19 до 28% - как средний. Таким образом, значительное количество филологов, по результатам анкетирования, не обладает безупречно высоким уровнем культуры речи. Видимо, имеют место нерегулярные нарушения норм культуры речи.

Довольно значительная часть филологов, по мнению опрошенных, владеет культурой речи на среднем уровне, то есть речь филолога не отличается в названном смысле качественно от речи неспециалиста со «средним» уровнем культуры речи.

Обращает на себя внимание тот факт, что если при характеристике уровня культуры речи знакомых филологов от 58% до 63% охарактеризовали своих знакомых филологов как носителей *достаточно высокого* уровня культуры речи, то при определении собственного уровня культуры речи себя к носителям достаточно высокого уровня культуры речи отнесли от 37% до 49% респондентов. Указанное несоответствие объясняется, видимо, большей критичностью при оценке собственной коммуникативной практики, высокими требованиями, предъявляемыми к своему речевому поведению.

Отличительной особенностью коммуникативного поведения филологов является развитое чувство функционально-стилевой дифференциации. Высокий уровень уместности употребления стилистически окрашенных языковых средств. Учитель русского языка и литературы с легкостью переключается с одного языкового регистра на другой, а также строит текст со смешением подязыков.

Наиболее релевантными в процессе коммуникации с членами своей профессиональной группы являются темы *работа и учащиеся* (для учителей) и *учеба и преподаватели* (для студентов). Таким образом, можно констатировать, что доминирующей в общении филологов является

ситуативно обусловленная тематика.

Характерен тот факт, что по мере развития профессиональной коммуникативной личности филолога более значимой становится тема *литература* (с 50% у студентов 1 – 2 курсов до 65% и 64% у студентов 4 – 5 курсов и учителей-филологов соответственно); то есть профессионально обусловленная тематика, связанная с содержательной стороной обучения активно участвует в формировании структуры интересов коммуникативной личности филолога.

Для разных возрастных групп филологов характерна разная степень приоритетности тех или иных тематических сфер общения. Постепенно акценты с таких тематических сфер, как *кино, музыка, мода* (у студентов) смещаются на сферы *здоровье, семья, личные проблемы*, что обуславливается рядом объективных причин, не связанных с профессиональной деятельностью.

Наиболее значимой в общении студентов-филологов с нефилологами является тематическая сфера, обозначенная как *личные проблемы*. Более востребованными, чем в общении с филологами, становятся такие темы, как *кино, музыка, мода*. Но в то же время тематика, связанная с обучением (обозначенная в анкете как *учеба, однокурсники, преподаватели*), остается актуальной, что показывает степень важности для коммуникативной личности филолога профессиональной деятельности.

В общении учителей русского языка и литературы с коллегами-нефилологами значимой является, так же, как и в общении с филологами, ситуативно обусловленная тематика: *работа, учащиеся*. Но, строго говоря, эта тематика не является приоритетной: почти столько же внимания уделяется темам *семья, здоровье*. Менее значимой, по сравнению с общением с филологами, становится тема *литература*.

В целом можно утверждать, что для филологов характерно отсутствие жестких тематических табу в общении.

Таким образом, можно говорить о коммуникативной гибкости филологов, о достаточно высоком уровне их коммуникативной культуры, проявляющейся в способности варьировать тематику общения в зависимости от собеседника и ситуации.

В качестве характерной черты коммуникативного поведения филолога выявляется его заметная конформность, которая проявляется в том, что учителя-филологи, выбирая кооперативную коммуникативную стратегию, достаточно солидарны в использовании тех или иных речевых средств; в абсолютном большинстве случаев собеседниками поддерживается заданная инициатором коммуникации тональность общения, его стилистика, а также тематическая направленность; кроме того, отмечается значительное количество так называемых речевых штампов и клише, свойственных именно рассматриваемому микросоциуму. Указанная черта (конформность) проявляется и на уровне невербального поведения.

Студенты значительно больше общаются во внеучебное время, чем учителя во внерабочее. Продолжительность общения учителей во время рабочего дня также ниже, чем продолжительность общения студентов во время учебного дня.

Филологи в целом – люди со средним и высоким уровнем коммуникабельности. Среди них почти нет людей с низким уровнем общительности. Коммуникабельность членов исследуемой профессиональной группы отмечалась рядом реципиентов: *общительные, много говорят*. Но наряду с этим можно говорить о наличии некоторых коммуникативных трудностей и недостаточной сформированности коммуникативных навыков почти у половины филологов (трудности на определенных стадиях общения, невладение некоторыми коммуникативными стратегиями, конфликтность общения и др.).

У учителей значительно выше склонность к модификации поведения и эмоционально-психологического состояния собеседника, чем у студентов, что, несомненно, обусловлено воздействием, оказываемым педагогическим общением на коммуникативную личность учителя в целом.

Склонность учителей к коррекции коммуникативного поведения и эмоционально-психологического состояния собеседника объясняется влиянием педагогической деятельности, которая формирует доминантный тип собеседника. Последнее касается уже не только учителей русского языка и литературы. Эта профессионально обусловленная характеристика коммуникативной личности филолога (склонность к модификации коммуникативного поведения и эмоционально-психологического состояния собеседника), проявляющаяся в общении, в ситуативном отношении профессионально не маркированном (общение с незнакомыми людьми), может быть квалифицирована как одна из составляющих коммуникативного поведения педагога вообще.

Склонность учителя-филолога к осуществлению коррекции поведения и эмоционально-психологического состояния собеседника, вызванная помимо привычки, сформированной работой с детьми, еще также и чувством осознания собственной правоты, собственного превосходства, позволяет сделать вывод о том, что учителю-филологу свойственно частое исполнение коммуникативной роли *родителя* (по Э.Берну).

Общение студентов-филологов с однокурсниками и учителей-филологов с коллегами в целом характеризуется высокой комплиментарностью. Это говорит о том, что филологи в общении с коллегами в основном выбирают кооперативную коммуникативную стратегию.

Однако около половины филологов испытывает коммуникативные трудности, связанные с коммуникативной стратегией комплимента. Трудности эти обусловлены, видимо, восприятием комплимента не как этикетного речевого жанра, а как выражения особого расположения к собеседнику, а также неумением реагировать на комплимент.

Комплиментарность общения учителей-филологов и студентов 4 – 5

курсов с друзьями значительно выше, чем комплиментарность общения с друзьями студентов 1 – 2 курсов. Это дает основания предполагать большую развитость коммуникативных навыков, более высокий уровень коммуникативной компетенции у студентов старших курсов и учителей русского языка. Последними комплимент уже осознается как этикетный жанр, как один из способов реализации стратегии поддержания коммуникативного контакта. Однако это верно лишь частично, поскольку более высокая частотность использования стратегии комплимента в «дружеском» общении, чем в «служебном» говорит о том, что комплимент значительной частью испытуемых все же воспринимается исключительно как способ демонстрации особого расположения к собеседнику, что, впрочем, характерно для русской коммуникативной культуры в целом.

Учителя-филологи чаще делают комплименты незнакомым людям, чем студенты. Обозначенный факт позволяет говорить о более высокой степени контактности учителей, о большей легкости вступления в коммуникативный контакт с незнакомыми людьми, а, следовательно, о большей коммуникативной компетенции и о наличии меньшего количества коммуникативных трудностей и барьеров.

Степень дискуссионности общения студентов старших курсов с однокурсниками и учителей-филологов с коллегами значительно выше, чем степень дискуссионности общения с однокурсниками студентов 1 – 2 курсов. Можно предположить, что причиной подобной динамики не является рост конфликтности общения. Скорее, увеличение дискуссионности общения связано с ростом сплоченности коллектива с течением времени, и, следовательно, появлением большего числа общих тем для обсуждения, с установлением более тесных личных отношений между членами коллектива, а поэтому и отсутствием необходимости повсеместно сглаживать возникающие противоречия.

Степень дискуссионности общения учителей-филологов в процессе вертикального общения (с руководством) выше, чем степень дискуссионности общения студентов в ситуации вертикального общения (с преподавателями). Это, видимо, связано с тем, что (как уже говорилось ранее) дистанция между студентом и преподавателем значительно больше, чем между учителем и руководителем. Однако степень дискуссионности общения студентов 4 – 5 курсов в общении с преподавателями выше степени дискуссионности общения студентов 1- 2 курсов в процессе коммуникации с той же категорией собеседников. Видимо, определяющим фактором является здесь рост профессиональной компетенции, а значит, и возможность обсуждать более широкий круг *профессиональных* вопросов.

Учителя значительно чаще вступают в спор с незнакомыми людьми, чем студенты. Кроме того, учителя довольно регулярно вступаю в спор с учащимися. Названные факты дают основание сделать вывод о том, что профессиональная педагогическая деятельность способствует повышению уровня дискуссионности и конфликтности общения.

Большая часть филологов считает приоритетным в конфликтной ситуации, в ситуации спора, доказать свою правоту. Об этом говорит значительный процент опрошенных, ответивших, что всегда спорят до конца, а также, видимо, большая часть тех, кто ответил, что не всегда может уступить в споре, осознавая правильность своей позиции, и ответивших, что стараются в споре установить истину. Большой процент опрошенных, отметивших пункт «стараюсь, но не всегда получается» позволяет предположить недостаточность коммуникативных навыков для урегулирования конфликтной ситуации, незнание правил бесконфликтного общения.

При общей дискуссионности общения, учителя в большей степени готовы к нейтрализации конфликтной ситуации, больше нацелены на сохранение коммуникативного равновесия с собеседником, тогда как студенты больше ориентированы на результативное общение.

Для коммуникативного поведения филолога характерна невербальная коммуникативная приветливость (в большей или меньшей степени, в разных ситуациях общения).

Не все филологи воспринимают улыбку как этикетный сигнал, как средство реализации контактоустанавливающей функции. Значительная часть филологов воспринимает улыбку как способ демонстрации личного расположения к собеседнику. На использование улыбки в контактоустанавливающих целях влияют фактор ситуации, фактор адресата и фактор адресанта, что типично для представителей русской коммуникативной культуры, для которой в общем характерна бытовая неулыбчивость. В целом филологи проявляют большую приветливость при установлении коммуникативного контакта со знакомыми, чем с незнакомыми людьми.

Студенты-филологи в среднем жестикулируют более активно, чем учителя-филологи. Возможно, это связано с тем, что у учителя сформирована профессионально обусловленная привычка контролировать свое невербальное поведение, поскольку большую часть рабочего времени учитель проводит в ситуации урока. Самоконтроль осуществляется и в ситуации неформального общения с коллегами.

Одной из характеристик коммуникативного поведения филолога является неконгруэнтность, то есть противоречие смыслов вербального и невербального сигналов: нередко во всех исследуемых группах можно наблюдать закрытое невербальное общение: партнеры по коммуникации, даже будучи в дружеских или приятельских личных отношениях, в процессе интеракции выбирают закрытые позы.

Имеет место определенный парадокс - при достаточно высоком уровне контактности филологов их общение часто сопровождается закрытыми позами, даже при дружеском общении. Можно предположить, что *закрытость* и *авторитарность*, проявляющиеся на уровне невербального поведения, являются профессионально обусловленными.

Возможно также, что во многих случаях закрытые позы объясняются не негативным отношением к собеседнику (хотя это, конечно, может иметь место), а скорее свидетельствует о некотором неосознанном желании филолога защитить внутренне пространство своей личности от «чужого» вмешательства – от «чужой» точки зрения, «чужого» мнения, совета и т.д.

В процессе коммуникации учителей-филологов мимика играет более значимую роль, чем другие невербальные сигналы. Мы отмечаем высокую степень ее (мимики) интенсивности. Значение жестикуляции в передаче эмоциональной или интеллектуальной информации невелико, хотя в ситуациях неформального общения использование жестикуляции заметно активизируется.

Коммуникативная личность филолога по результатам исследования может быть отнесена к среднелитературному типу речевой культуры

Таким образом, основные (доминантные) признаки коммуникативного поведения филолога могут быть сформулированы следующим образом.

1. Стремление к нормативности речевого поведения.
2. Предпочтение профессионально обусловленной тематики в общении.
3. Коммуникабельность.
4. Высокая степень речевого самоконтроля.
5. Дискуссионность общения.
6. Значительное влияние книжных стилей на вербальное коммуникативное поведение.
7. Доминантность общения.
8. Склонность к модификации эмоционально-психологического состояния и коммуникативного поведения собеседника.
9. Коммуникативная самоуверенность.
10. Частотность употребления эмоционально-оценочной лексики.
11. Наличие коммуникативных трудностей.
12. Средний уровень культуры речи.
13. Принадлежность к среднелитературному типу речевой культуры.

На этапе верификации результатов исследования двадцати филологам, работающим в воронежских вузах, было предложено сравнить полученные в ходе исследования результаты с их собственным представлением о коммуникативном поведении филологов.

Основные признаки коммуникативной личности филолога, выделенные в ходе настоящего исследования, были в общем подтверждены вузовскими филологами. При этом вузовские филологи сочли необходимым добавить к коммуникативному облику филолога некоторые признаки, которые они посчитали яркими, существенными.

Так, в отличие от учителей-филологов и студентов-филологов, яркими признаками коммуникативного поведения филолога ученые-филологи считают *богатый словарный запас, развитую способность варьировать речевые средства в зависимости от ситуации общения*. Отметим, что

опрошенные нами испытуемые также называли среди дифференциальных данные признаки вербального коммуникативного поведения филологов, однако эти признаки не отмечаются информантами в качестве ярких. Очевидно, массовое коммуникативное сознание наличия этих признаков как доминантных у коммуникативной личности филолога не подтверждает.

Кроме того, по мнению вузовских филологов, филологи широко используют в своей речевой деятельности *языковую игру* и *прецедентные тексты*. Испытуемые же (учителя-филологи и студенты-филологи), хотя и отмечают эти факты, но не считают данные особенности яркими, существенными. Языковая игра, использование прецедентных текстов – явления сравнительно новые. Для значительной части филологов (главным образом молодых) – это уже норма, поэтому они в большинстве своем не замечают названных особенностей своей речи. Кроме того, вузовские эксперты-филологи, говоря об использовании языковой игры и прецедентных текстов, ориентировались на речевую практику членов своей референтной группы. Очевидно, что для современного филолога использование прецедентных текстов и языковой игры можно квалифицировать не как доминантные, а уже как фоновые качества коммуникативной личности. Филологи же *старшего* поколения (которые в основном и составили экспертную группу) обращают внимание на эти качества речи филолога: они для них новы и необычны.

Выявлен также признак, который учителя-филологи и студенты-филологи, в отличие от вузовских филологов, отметили как яркий. Так, учителя русского языка и литературы и студенты-филологи отмечают *нормативность* в качестве главного отличительного признака коммуникативного поведения филолога. Опрошенные же вузовские филологи не выделяют указанный признак в качестве яркого. Вузовские филологи полагают, что речь большинства филологов, в том числе студентов и учителей, не является нормативной в лексическом отношении. Вузовские филологи утверждают, что в ситуации неформального общения филологи регулярно употребляют грубую ненормативную лексику, причем в ряде случаев немотивированно.

Вузовские филологи считают, что большая часть филологов не обладает безупречно высоким уровнем культуры речи и что филологи являются носителями *среднелитературного типа речевой культуры*. Данное наблюдение подтверждается настоящим исследованием, однако в массовом коммуникативном сознании, одновременно существует устойчивое представление об эталонности речи филолога, которое выступает как положительный стереотип.

Саломатина М.С. Коммуникативная личность филолога (психолингвистическое исследование). Автореф. дисс... канд. филол. наук. - Воронеж, 2005. – 24 с.

Сиротинина О.Б. Русский язык в разных типах речевых культур / О.Б. Сиротинина // Русский язык сегодня. Вып. 1. Сб. статей./ РАН. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. Отв. ред. Л. П. Крысин. – М.: Азбуковник, 2000.– С. 240-250.

Е.Ю.Лазуренко

Коммуникативное поведение российского руководителя

Приметой современности стало появление коммуникативных профессий (термин Ю.П.Тимофеева), освоить которые без необходимого навыка в области коммуникации невозможно. В условиях растущей конкуренции от коммуникативных умений профессионалов во многом зависит успех предприятия, дела.

Особый интерес вызывает коммуникативная личность современного российского руководителя среднего звена.

Руководитель среднего звена (с точки зрения современного менеджмента) является профессиональным управляющим, он назначается, как правило, на основе уже имеющегося профессионального опыта руководства в нижнем звене, совершенствует профессиональные управленческие навыки в процессе работы, имеет перспективу повышения уровня управления, в современных условиях обычно проходит обучение - профессиональную подготовку и переподготовку.

Руководители среднего звена - достаточно большая социальная группа, широко представленная в системе управления любого предприятия, организации и являющаяся промежуточным звеном между высшим и низшим звеном. Данная социальная группа является объектом пристального внимания со стороны других носителей языка. От руководителя, с которым контактируют подчиненные, и коммуникативное поведение которого могут наблюдать, многое зависит: атмосфера на предприятии, заработная плата, материальные поощрения, слаженная работа коллектива.

Представляет большой интерес исследование и описание коммуникативного поведения современного руководителя среднего звена, что позволит оптимизировать обучение деловому общению руководителей и подчиненных.

Описание типового коммуникативного профессионального поведения представляет собой описание соответствующей коммуникативной личности.

Понятие *коммуникативная личность* шире понятия *языковая личность*. «*Коммуникативная личность* определяется как коммуникативная индивидуальность человека (индивидуальная коммуникативная личность) или усредненная коммуникативная индивидуальность некоторого социума (коллективная коммуникативная личность), представляющая собой совокупность интегральных и дифференциальных языковых характеристик и особенностей коммуникативного поведения личности или социума, воспринимаемых членами соответствующей лингвокультурной общности как характерные для данного типа личности» (Саломатина 2005, с.6).

Профессиональное коммуникативное поведение представляет собой разновидность группового коммуникативного поведения, регулируемого нормами и традициями общения определенного социума, и изучено еще недостаточно.

Описание коммуникативной личности руководителя является очень трудоемким процессом, поскольку для получения достаточно обобщенных данных предполагает очень большой объем наблюдений за разными типами руководителей в течение длительного времени, что практически невыполнимо. В связи с этим нами были использованы экспериментальные методики, направленные на анализ коммуникативного сознания носителей языка и выявление обобщенного образа коммуникативной личности руководителя в сознании испытуемых.

Данный подход предполагает использование ряда методик, в своей совокупности позволяющих составить коммуникативный портрет современного российского руководителя среднего звена.

1. Предварительный этап

Цель предварительного этапа - составление исходного списка личностных качеств, которыми обладает представитель исследуемой профессиональной группы.

На этом этапе следует выполнить следующие шаги:

1) Пилотажный опрос для получения первичной информации.

Респондентам предлагается назвать личностные качества, которыми обладает руководитель. В результате данного опроса формируется список качеств руководителя, выявленный при пилотажном опросе. В список включаются только коммуникативные признаки: *уравновешенный, умеет слушать, умеет сопереживать, терпимый, способен к компромиссу, внимательный, вежливый и т.д.*

2) Непосредственное наблюдение.

Наблюдение как метод исследования предполагает сбор информации без прямого вмешательства и взаимодействия с объектом наблюдения.

При непосредственном наблюдении наблюдение за предметом исследования осуществляется непосредственно исследователем. Одним из видов непосредственного наблюдения является включенное наблюдение.

Нами использовано *включенное наблюдение*: фиксация речевого поведения руководителя с помощью магнитофонной записи с последующей расшифровкой. Анализируется магнитофонная запись поведения руководителя в ситуациях делового общения (10 часов).

Выявленные коммуникативные качества пополняют список коммуникативных качеств руководителя, отмеченные при пилотажном опросе: директивные указания (*садись, давай, зайдите, отпишите, подъезжай, делай, решай, слушаем диспетчера*); использование прецедентных текстов (*спилил сук, на котором сидел; путаетесь в трех соснах; путей к отступлению не будет*); вопросы на понимание и уточнение условий задачи (*В чем вопрос?; Когда поступило?; Что у вас? Какие положения, о чем?; Что касается главного механика?; Как у них обстоят дела?*); перебивание собеседника; развитое чувство юмора; указания, что нужно делать (*надо зарегистрировать, отнести, обязательно отправить; насос надо сделать; давайте, вопрос решайте; оригинал никому не давать*); критические замечания в адрес подчиненных, указание на обязанности (*инструкции надо знать; документ не оформлен; не указан срок; где срок окончания работ?; сколько нужно времени, чтобы прочесть акт*); приглашение к совместному обдумыванию (*я прав или нет; правильно я говорю?; давайте посоветуемся; давайте разберемся; этот случай меня настораживает; разберем, чтобы выяснить, в чем ошибки*); обращение с просьбами (*прошу обратить внимание; прошу вас...заслушать четкий доклад; просьба – отпиши до исполнения*); приглашение к общению (*садись, пожалуйста; присаживайтесь; располагайтесь*); обещание оказать помощь, поддержку (*если нужна будет моя помощь, обращайся; будут проблемы – скажи; какая помощь нужна*); советы (*Не нажимай, остаток нормальный; Слабоват выход, 4 градуса, холодильники забиты*); активное, внимательное слушание; компетентность; речевые ошибки; употребление профессионализмов; средний темп речи; адекватная громкость.

3) Опосредованное наблюдение

Заключается в том, что респондентам предлагается охарактеризовать коммуникативное поведение руководителей по специально разработанной анкете, которая представляет собой список качеств личности. Данный список составлялся по итогам пилотажного эксперимента. Респондентам предлагалось охарактеризовать качества, используя три варианта степени проявления их: *встречается часто; встречается редко; не встречается*.

Данные, зафиксированные в анкетах, обобщались, и на их основе был составлен список коммуникативных качеств руководителя с высокой степенью проявления (встречаются часто): руководители *требовательные, уверенные в себе, говорят громко, авторитетным, строгим тоном, категорично высказываются, умеют поддержать разговор, часто*

делают замечания, отклоняют возражения, высокомерные, эмоциональные, общительные, улыбчивые, неискренние.

4) Методика идеальной типизации.

Респондентам предлагается назвать признаки идеального руководителя: «Идеальный руководитель. Какой он?» Сбор информации о коммуникативных качествах идеального руководителя проводился двумя способами: свободный подбор типичных коммуникативных признаков руководителей и выбор коммуникативных признаков из предложенного перечня коммуникативных качеств. Время на проведение эксперимента не ограничивалось, как и количество возможных ответов.

В ответах перечисляются профессиональные и коммуникативные качества, которыми, по мнению респондентов, должен обладать хороший руководитель.

Коммуникативными качествами руководителя, выявленными в результате идеальной типизации, явились следующие: *руководитель профессионал, хороший организатор, имеет авторитет, верит в свое дело, любит свое дело, внимательный к коллективу, способен убеждать, помогает подчиненным, упорный, справедливый, требовательный, решительный, образованный, целеустремленный, честный, прозорливый, корректный, ответственный, заботливый, сочувствующий, опытный, компетентный, честный, справедливый, принципиальный, уважительный, доверительно относящийся к подчиненным, контактный, умеет общаться с подчиненными, умеет выслушивать, ответственный, умеет работать в команде, доброжелательный, умеет принимать решение, умеет расставлять приоритеты, четко ставит задачу, уравновешенный, вежливый.*

Сопоставление полученного списка со списком реальных качеств российских руководителей позволило выявить качества, которыми не обладают реальные российские руководители в сравнении с «идеалом»: *профессионализм, авторитет, умение защитить подчиненных, образованность, умение анализировать, прозорливость, ответственность, уважение, доверие к подчиненным.*

Дефицитными качествами руководителей оказались *умение общаться; умение сформулировать задачу; справедливость; забота о подчиненных; компетентность; умение принимать решения; умение выделять главное.*

5) Методика ранжирования.

Респондентам дается список заранее выделенных экспериментатором коммуникативных признаков и предлагается ранжировать их по определенной шкале.

Испытуемым предлагалось ранжировать коммуникативные качества реальных руководителей по степени встречаемости. Им был предложен набор из 15 карточек с перечисленными на них коммуникативными качествами: *умеет слушать, умеет сопереживать, строгий, терпимый, способный к компромиссу, привлекательный внешне, внимательный к*

подчиненным,, вежливый, спокойный, уравновешенный, коммуникабельный, уважающий подчиненных, умеющий разрешить конфликт, требовательный, справедливый.

Испытуемым предлагалось задание: сложить карточки так, чтобы первая отражала коммуникативный признак руководителя, наиболее часто встречавшийся в личном опыте испытуемых, вторая – менее часто и так далее.

Эксперимент показал, что наиболее яркими коммуникативными качествами реальных руководителей оказались следующие: *требовательный, справедливый, строгий, коммуникабельный, умеет разрешить конфликт, уравновешенный, способен к компромиссу, уважает подчиненных, умеет слушать.*

Наиболее дефицитными качествами руководителей являются *терпимость, спокойствие, умение сопереживать, вежливость и внимание к подчиненным.*

6) Тестирование уровня культуры речи руководителя.

В результате тестирования выявлены слова, которые в наибольшей степени представляют трудность для руководителей: *углублённый, осуждённый, договор, обеспечение, намерение, афера, опека, премировать, облегчить, исчерпать, осведомить, откупорить, звонит, включит, вручит, поручит, баловать, маркетинг, жалюзи, диспансер, квартал, дерматин, свёкла, ходатайство, досуг, оптовые закупки, наложенный платеж, на доску, на складах, истекший год, истёкшая жидкость, конкурентоспособный.*

7) Методика выявления дифференциальных коммуникативных особенностей речи руководителей.

Для выявления дифференциальных особенностей речи руководителей испытуемым предлагалось привести примеры качеств речи и коммуникативных качеств, отличающих речь и коммуникативное поведение руководителя от речи и коммуникативного поведения остальных людей.

Проведенный эксперимент показал, что дифференциальными признаками коммуникативного поведения руководителей являются *категоричные высказывания, перебивание собеседников, повышенная громкость речи, несоблюдение норм речевого этикета, критические замечания в адрес подчиненных.*

8) Методика выявления чувственного образа руководителя в языковом сознании.

Объектом исследования являлся стереотипный образ начальника, руководителя, сформировавшийся в массовом сознании.

Проводился направленный ассоциативный эксперимент, заключающийся в предъявлении испытуемым слов-стимулов, реакция респондентов на которые направляется при помощи конкретизирующего вопроса. Предлагается ответить на вопросы: *руководитель внешне –*

какой?; что делает?; характер – какой? Время выполнения задания ограничивается пятью минутами.

Наиболее яркими характеристиками внешности руководителя оказались следующие: *строгий одет, аккуратный, солидный, среднего возраста, интеллигентный.*

Доминантные характеристики поведения: *руководит, дает указания, критикует, общается с подчиненными, кричит.*

Признаки характера начальника, имеющие внешнее проявление - *строгий, властный, сдержанный, эмоциональный, требовательный, общительный, энергичный, доброжелательный.*

9) Методика выявления типичных речевых выражений руководителя (методика Е.В.Харченко). Цель исследования – выяснить, какие выражения чаще всего адресуются руководителем подчиненным.

При обработке результатов эксперимента отдельно описываются типичные выражения, которые являются общими для всех руководителей, а также выражения, которые свойственны руководителям разных коллективов (педагогических, медицинских, производственно-технических, рабочих и др.).

Проведенный эксперимент позволил выявить некоторые доминантные черты общения руководителей с подчиненными. Все руководители достаточно широко используют директивные указания (*выполняйте; займите свои места; иди, сходи, принеси*); комментарии в виде прецедентных текстов (*куй железо, не отходя от кассы; время дорого; дорога ложка к обеду; хотелось как лучше, а получилось как всегда*); иронические фразы и комментарии (*сушите сухари; здесь вам – не тут; наберут детей на флот; прокукарекал – и не рассветай*); грозят увольнением (*не нравится – пишите заявление; уволю; вас здесь никто не держит*); демонстрируют свой статус (*я сказал; я так сказал; я сказал – и точка; я здесь начальник!; когда будешь на моем месте – будешь командовать*); объясняют собственные деловые принципы (*производственная необходимость; инициатива всегда наказуема; нужно быть всегда в форме; надо, чтобы все было эстетично*); задают вопросы на понимание условий задачи (*Вы меня поняли?; В чем проблема?; Все поняли? Ясно?; Где вы сейчас работаете?; Осознали? Теперь за работу!*); дают стратегические советы (*не прыгайте через голову; уважай мнение других; не спеши, все успеем сделать*); напоминают об обязанностях подчиненных (*вы должны, обязаны это сделать; вы должны это уметь; вы должны понимать*); грозят наказанием (*два раза повторять не буду; мы будем отслеживать тех, кто...; контроль усиливается; будем писать приказ; вы ответите за все; я вам покажу!*); обвиняют подчиненных в лени (*вы не умеете работать, за что вам платить деньги; ты не умеешь мыслить категориями; вы напрасно получаете деньги; ты опять опоздала; не хотят работать; так работать нельзя*).

10) Методика выявления высказываний руководителей, одобряемых и не одобряемых подчиненными.

В ходе эксперимента респондентам предлагалось написать запомнившиеся выражения руководителей, которые нравятся и которые не нравятся им.

Среди одобряемых выражений были названы *похвала, юмористические и афористические деловые принципы, реплики одобрения, сопереживания; обещание материально поощрить; прямые указания, что надо делать; вежливые обращения; фразы, подчеркивающие значимость подчиненных; приглашение к отдыху; приглашение к совместному обдумыванию.*

Среди неодобряемых были названы: *угрозы увольнения, демонстрация статуса начальника; императивные указания; критические замечания и угрозы в адрес подчиненных; угрозы лишения отдыха; иронические комментарии речи и поведения подчиненных; оскорбительные, оценочные выражения; критика интеллектуальных способностей подчиненных; угрозы материального наказания; грубые выражения; указания на обязанности подчиненных; обвинение в лени.*

11) Анализ образов художественных текстов.

Применяется анализ художественных текстов, в которых создаются художественные образы представителей исследуемой социальной группы. Учитывается, что в художественном тексте коммуникативное поведение *изображается* автором с целью решения им определенных художественных задач. Данный метод не является экспериментальным, но включается в алгоритм описания, поскольку дает интересные данные для накопления коммуникативных признаков.

При анализе коммуникативного поведения руководителя по данным художественного текста учитываются два аспекта: непосредственное коммуникативное поведение, выраженное прямой речью, и авторская речь, характеризующая типичные черты руководителя.

В результате формируется список «художественно-зафиксированных» коммуникативных признаков руководителя – *громкая речь, грубость, категоричность, критические замечания и угрозы в адрес подчиненных, и под.* Внешность руководителя отличается от внешности других людей: *он всегда хорошо, дорого одет, у него есть предметы и аксессуары, подчеркивающие его статус.* Руководитель обычно *полный, в костюме, галстуке, очках, белой рубашке.*

II. Этап обобщения экспериментально выявленных коммуникативных признаков.

Сходные признаки, выявленные на первом этапе, обобщаются, и общий список корректируется.

Полученные данные используются для ранжирования коммуникативных признаков руководителя по яркости в сознании носителей языка и полевой стратификации модели коммуникативного поведения руководителя.

III. Этап моделирования коммуникативного поведения руководителя.

На этом этапе описывается коммуникативное поведение руководителя как совокупность ядерных и периферийных признаков.

Наиболее яркие коммуникативные признаки профессиональной личности руководителя среднего звена таковы:

к ядерным признакам относятся: *умеет разрешить конфликт, критикует подчиненных, высказывается категорично, общительный, строгий, спокойный, требовательный, уверенный в себе, внимательный к подчиненным;*

ближнюю периферию коммуникативной личности руководителя составляют следующие признаки: *дает директивные указания, говорит громко, кричит, вспыльчивый, эмоциональный, высокомерный, справедливый, вежливый, образованный, компетентный, умеет слушать, умеет сопереживать, часто перебивает собеседников, использует грубые, оценочные выражения, допускает речевые ошибки, отклоняет возражения, обладает чувством юмора, представительный, солидный, привлекательный внешне.*

Таким образом, метод обращения к коммуникативному сознанию носителей языка показал свою эффективность в описании профессионального коммуникативного поведения и позволил представить профессиональное коммуникативное поведение как совокупность релевантных коммуникативных признаков и как упорядоченную структуру этих признаков.

Коммуникативное сознание носителей языка включает устойчивые представления о коммуникативных особенностях представителей определенных профессиональных групп.

Исследование подтвердило существование профессионального коммуникативного поведения как вида коммуникативного поведения человека. Профессиональное коммуникативное поведение представляет собой совокупность типовых дифференциальных особенностей внешности, речи, деятельности представителей определенной профессии.

Разработанный алгоритм анализа продемонстрировал свою эффективность и позволил описать коммуникативное поведение руководителей среднего звена. Вместе с тем, выявлена специфика отдельных методик, которые с разной степенью эффективности позволяют описать коммуникативное поведение руководителей.

Наиболее эффективными способами описания профессионального коммуникативного поведения следует считать опосредованное наблюдение, методику идеальной типизации, методику выявления дифференциальных коммуникативных особенностей речи руководителя,

методику выявления чувственного образа, методику выявления типичных профессиональных речевых выражений.

Результаты, полученные при включенном наблюдении за коммуникативным поведением руководителя, коррелируют с результатами, полученными при применении методики выявления типичных речевых выражений руководителя. Если включенное наблюдение дает представление об одном руководителе, то методика выявления типичных речевых выражений даст нам представление о сотнях разных руководителей.

Материал для изучения собственного речевого поведения руководителей был получен с помощью четырех методик: методики выявления дифференциальных особенностей речи, тестирования уровня культуры речи, методики выявления типичных речевых выражений и методики выявления одобряемых и неодобряемых выражений руководителя. Наибольший объем разнообразного материала, характеризующего речевое поведение руководителя, дают методика выявления типичных речевых выражений и методика выявления одобряемых и неодобряемых выражений руководителей.

Экспериментальное исследование профессионального коммуникативного поведения выявило наличие в сознании людей яркого чувственного образа руководителя. Чувственный образ тесно связан с внешними проявлениями многих коммуникативных признаков, поэтому мы считаем целесообразным включение стереотипного чувственного образа в структуру описания профессионального коммуникативного поведения.

При изучении запомнившихся речевых выражений руководителей установлено, что лучше всего подчиненным запоминаются комментарии в виде прецедентных текстов, иронические фразы и комментарии, а также категорические указания и угрозы.

В ходе исследования выявлена определенная специфика речи руководителей разных профессиональных групп: так, наименее вежливыми оказались руководители медицинских учреждений и руководители производственных коллективов. Коммуникативное поведение руководителей образовательных учреждений ближе к идеальному образу, чем коммуникативное поведение руководителей других профессий, но при этом ни один педагог не назвал своего реального руководителя интеллигентным, культурным, спокойным, человечным, умным.

Таким образом, в коммуникативном сознании носителей языка есть коммуникативный идеал руководителя, но коммуникативное поведение реальных современных руководителей среднего звена достаточно далеко от идеала.

Результаты эксперимента по выявлению одобряемых и неодобряемых выражений руководителей подтвердили результаты, полученные при

оценке дифференциальных особенностей речи руководителей: руководители часто используют категорические указания и критику в адрес подчиненных, ругают подчиненных, значительно реже хвалят и подбадривают их.

Методика анализа художественных текстов подтвердила наличие представлений о типичном руководителе, начальнике: о его внешности, речи, поведении, характере. Художественные образы руководителей практически верно отражают реальных руководителей в языковом сознании носителей языка, особенности коммуникативного поведения которых мы выявили в психолингвистических экспериментах. Художественно «зафиксированные» образы более стереотипны.

Обнаружена гендерная специфика восприятия коммуникативного поведения руководителей: мужчины и женщины по-разному оценивают коммуникативные качества, по-разному ранжируют их по степени важности, различаются гендерные представления об идеальном руководителе. Идеальный руководитель в представлении мужчин *умеет выслушивать; умеет защитить подчиненных; справедливый; внимательный к подчиненным; умеет поддержать разговор; умеет разрешить конфликт; уверенный в себе; вежливый; требовательный; с развитым чувством юмора; авторитетно одет; доброжелательный.*

Для женщин идеальный руководитель *требовательный; скромный добрый; привлекательный внешне; умеет разрешить конфликт; вежливый; уверенный в себе; деликатная манера речи; умеет выслушивать; умеет сопереживать; умеет защитить подчиненных; умеет поддержать разговор; следит за модой.*

В сознании мужчин и женщин чувственный образ руководителя сформирован по-разному. Женщины с присущей им эмоциональностью подробно описывают внешность, различные детали одежды и внешнего облика руководителей. Мужчины дают лишь обобщенные характеристики внешнего облика руководителей. Заметим, что в сознании носителей языка типичный руководитель – это мужчина, а не женщина.

При проведении экспериментальных исследований нужно учитывать гендерное восприятие коммуникативного поведения, так как без учета этой особенности возможно искажение восприятия реальности и интерпретации.

Сами руководители должны знать, как воспринимается их коммуникативное поведение мужчинами и женщинами, что позволит им эффективнее общаться с подчиненными.

При проведении исследований нужно быть готовым к тому, что мужчины часто отказываются участвовать в экспериментах, боясь быть узванными своими непосредственными руководителями и опасаясь репрессий с их стороны. Респондентам-мужчинам следует объяснять, что опрос имеет анонимный характер.

При обработке анкет обращает на себя внимание разная оценка коммуникативного поведения руководителя людьми разных возрастных групп. Наиболее категоричны в оценке поведения руководителей люди молодые, у них встречаются лишь негативные оценки. Люди среднего и старшего возраста менее категоричны, они дают более взвешенную и правдоподобную оценку коммуникативного поведения руководителей, где есть как положительные, так и отрицательные характеристики. При проведении исследований для получения объективной картины следует обращаться к людям среднего и старшего возраста.

Итоговое моделирование коммуникативной личности руководителя среднего звена по результатам экспериментального исследования показывает, что описание профессиональной коммуникативной личности может быть организовано по полемому принципу; в области ядра и ближней периферии наблюдается высокий уровень согласованности оценок испытуемых, что позволяет с уверенностью констатировать наличие профессионального коммуникативного поведения как вида коммуникативного поведения.

Обобщая наиболее яркие (доминантные) коммуникативные признаки коммуникативного поведения руководителя среднего звена, можно представить его коммуникативный портрет таким образом:

внешне аккуратный, привлекательный, интеллигентный, серьезный, одет строго, демонстрирует свой статус; говорит авторитетным тоном, говорит громко, кричит, использует в речи профессиональные термины, этикетные формулы приветствия, прощания, темп речи средний; в общении руководитель – человек требовательный, общительный, уравновешенный, строгий, эмоциональный, вспыльчивый, несдержанный, критикует, категорично высказывается, перебивает собеседника, уверенный в себе, умеет сопереживать, умет поддерживать разговор, обладает чувством юмора; мотивирует к труду; умеет убеждать, выслушивать, разрешать конфликты; дает прямые указания, что надо делать; дает срочные указания, советы; угрожает подчиненным; высказывает неодобрение; указывает; часто делает замечания; обращается с просьбами; приглашает к совету, обдумыванию.

Системное описание профессионального коммуникативного поведения в принципе позволяет разработать рекомендации по оптимизации профессионального общения.

Национальные особенности коммуникативного поведения русского тележурналиста (на материале телеинтервью)

Идея сопоставления образцов коммуникации в различных национальных культурах возникла с появлением возможности фиксировать (записывать на видео) данные образцы с программ телевидения разных стран. В результате наблюдения и анализа просмотренных образцов русского телевидения была сделана попытка классифицировать программы в соответствии со спецификой целей и поведения ведущих этих программ (репортаж, интервью, очерк и т.д.). Интервью было выделено как самая яркая форма «коммуникативного типа».

Исследование телеинтервью как речевого жанра позволило разработать обобщенную модель для описания коммуникативного поведения журналистов и гостей студии - участников телеинтервью в различных коммуникативных культурах (в данном случае - русской).

Проведенное исследование показало, что важной характерной чертой политического, делового и творческого типов русских телеинтервью является наличие обширной личностной информации о госте студии как фактора, влияющего на оценку информации через характеристику ее носителя. Это проявляется в обращении коммуникантов друг к другу по имени и отчеству, в обязательной информации о госте студии, его общественном и профессиональном статусе, в сообщении сведений личного плана (семья, свободное время и т.д.). Данная информация представлена устно или видеоматериалом.

Например:

(голос за кадром):

Владимир Семаго. 51 год. Окончил МИСИ и Всесоюзную академию Внешней торговли. Работал мастером передвижной механизированной колонны «Мособлстрой», заместителем генерального директора гостиничного комплекса «Солнечный», главным инженером в госкомитете по науке и технике. В КПСС с 1977 года. В 88-м, оставаясь преданным сторонником коммунистических идей, создал Московский коммерческий клуб. В 95-м возглавил наблюдательный совет Росбизнесбанка и вошел в национальный совет Центробанка Российской Федерации. Депутат Госдумы двух созывов. Фракция КПРФ. В руководстве компартии имеет репутацию раскольника и возмутителя спокойствия.

Личностная информация задает тон всей программе, сообщает зрителю направление, в котором будет развиваться интервью. Русские журналисты обязательно называют имя и фамилию приглашенного в студию, а также называют свое имя и фамилию.

Наибольший объем фактической информации характерен для российского политического интервью. Мнение наиболее широко представлено в российском деловом интервью. Характерной формой творческих интервью в российской речевой культуре является интервью-портрет.

Приоритетными в области целевой направленности телеинтервью в российской коммуникативной культуре являются комментарий и информация. Спецификой российских интервью является сенсационность и разоблачение.

Самыми популярными видами монологического действия для всех трех типов российского телеинтервью являются мнение и объяснение.

(здесь и в дальнейших примерах: Ж - журналист, Г - гость программы)

Примеры:

Ж.: Есть основные фракции... Или я неправильно понимаю это?

Г.: Ну, правильно. Но я хотел бы несколько уточнить. Значит, во-первых, содержание...(объяснение).

Г.: Я думаю, что наши дети спокойно решат эту задачу. Я хотел бы лично, чтобы это уже произошло, лично я. Но думаю, что правильным будет не толкать в спину этот процесс, не торопить его (мнение).

Характерной чертой российского телеинтервью является журналистский комментарий уже сказанного гостем студии и \ или высказывание собственного суждения по поводу.

Примеры:

Ж.: Ну, а что касается вот того вопроса, о котором Вы, кстати, только что упомянули – вот, идентификация останков наших солдат, погибших в Чечне. Ведь, это не в порядке вопроса и не в порядке полемики, просто хотелось об этом сказать, чтобы это прозвучало...(высказывание собственного суждения по поводу).

Г.: ...очень жаль, что это стало предметом столь бурной политической дискуссии.

Ж.: Ну, Вы знаете, дискуссия на тему научных проблем, она идет, в общем-то, от... от невежества, от вот такого, знаете, агрессивного обскурантизма (журналистский комментарий).

В российской коммуникативной культуре поводом приглашения для интервью является известность интервьюируемого и его компетентность.

По количеству словоупотреблений объемы телеинтервью колеблются от 2000 до 3500, в секундах – от 1000 до 2400.

Объем речевого вклада журналиста колеблется в пределах 25 – 40 % общего объема, объем речевого вклада гостя студии составляет 55 – 75 %.

Российские интервью отличаются текстами больших объемов. Для российских коммуникантов характерной чертой является стремление к развернутости высказывания. Процентная составляющая участия в диалоге гостя превышает по объему значение составляющей тележурналиста. Но участие российского журналиста в теледиалоге является самым активным, скорее «наступательным», чем «выжидательным».

Журналист является активным слушателем, комментирует высказывание гостя, предлагает свою точку зрения.

В последнее время на российском телевидении появились краткие интервью (интервью – включения в программу) появилась возможность классифицировать интервью на интервью-программы (вся программа построена на интервью) и экспресс – интервью - включения в программу (эпизодические интервью, составляющие часть программы).

Деловое и политическое интервью являются умеренно структурированными. В ходе ведения интервью «просматривается» предварительное планирование интервью, примерный круг задаваемых в ходе интервью вопросов. Низко структурированным является творческое интервью. Оно носит обычно характер непринужденной беседы с приблизительно намеченной тематикой. Момент смены темы беседы и новое направление разговора является загадкой не только для зрителя, но и для участников диалога.

Высокоструктурированное интервью мало характерно для российского типа коммуникации. В нестандартном построении российского телеинтервью проявляется уход журналистов от шаблона, стремление к демонстрации творческой индивидуальности.

Самым употребительным в речевом жанре интервью типом диалогического единства в российской коммуникативной культуре является тип «повествование – повествование» и тип «вопрос-повествование».

Примеры:

Ж.: ...И я не думаю, что у у у Кириенко сейчас есть карт-бланш хотя бы на два-три года. Я не думаю, что он это чувствует.

Г.: Мне кажется, что когда тот же самый Сергей Владленович Кириенко получал карт-бланш ... у него эти возможности были (повествование - повествование).

Ж.: То есть леса пока не подпадают под это?

Г.: Не подпадают. И я считаю, что на этом этапе экономического развития Российской Федерации это очень хорошо (вопрос - повествование).

Реже встречаются такие типы диалогических единств, как «вопрос – вопрос+повествование», «повествование – вопрос+повествование» и «побуждение – повествование».

Самым «диалогичным» является российское творческое интервью – параметр «краткий вопрос - краткий ответ» представлен показателем 52,5%.

Частотность использования российскими коммуникантами разных видов вопросов указывает на умеренно официальный характер российских телеинтервью.

По-разному сформулированный вопрос требует по-разному акцентированного ответа. Постановка разных типов вопросов делает интервью не похожими друг на друга.

Использование провокационных вопросов в ходе интервью ведет к созданию конфликта в общении, характерного исключительно для российских интервью.

Пример:

Вы думаете, мы могли бы принять эту безумную идею? (провокационный вопрос).

Риторический вопрос очень часто используется в творческих интервью как журналистом, так и гостем студии. При этом характер вопросов отражает самые различные оттенки эмоций говорящих. В политическом интервью риторический вопрос звучит не часто и служит для усиления утверждения и отрицания (отрицания - чаще). В деловом интервью нет случаев употребления риторических вопросов.

Типичной для российских и телеинтервью является ситуация, когда мена ролей «вырвана» слушающим (*термин Н.Д. Арутюновой*).

Примеры:

Г.: Знаете, у нас много перепутано с терминами, э-э, поэтому, если как-то себя определять, то для многих это будет непонятно. Я бы сказал...

Ж.: (жесткий перебив) И все же интересно. Давайте для немногих тогда определим.

Г.: Хорошо, я скажу что...

Ж.: (перебив) Для тех, кто понимает.

Российское политическое и российское деловое интервью являются умеренно официальными. Наименее официальным является творческое интервью.

Число участников интервью может варьироваться: один журналист – один гость студии, два журналиста – один гость, один журналист – два гостя. Количество журналистов не превышает двух (исключение - пресс-конференция). Количество гостей обычно не более двух. Если интервью организовано в форме беседы экспертов, то их количество может быть увеличено до пяти – шести участников, хотя такая форма подачи информации не является «чистым» интервью.

В целом, для российского телеинтервью характерна ситуация, когда один журналист задает вопросы одному гостю студии. Лишь два вида телеинтервью: пресс-конференция и ток-шоу предполагают наличие зрителей в студии. Участники пресс-конференции всегда активны – они задают вопросы, комментируют факты. Ток – шоу может происходить с активизацией зрителей в студии, например, в программах: «Моя семья», «Большая стирка» или с меньшей активизацией, например: «Времена».

Часто в российском интервью наблюдается тенденция к доминированию в общении между партнерами по интервью.

Российские журналисты в ходе интервью серьезны, иногда ироничны, конфликтны, многословны; российские гости студии обычно деловиты, серьезны, очень мало улыбаются, часто многословны.

Анализ использования экспрессивных средств показывает, что для российского интервью характерно самое широкое использование различных видов метафор, иронии, сравнений, приемов контраста. В речи россиян значителен процент использования отрицательных предложений.

В процессе общения российские коммуниканты пользуются кодифицированным литературным языком и разговорной речью.

В политическом интервью довольно часто используется прямая речь как синтаксический прием. Журналисты цитируют речь из предыдущих выступлений в СМИ тех людей, которые находятся в их студии в момент текущего интервью, чтобы более объемно продемонстрировать политические взгляды интервьюируемого. Такие цитаты, заготовленные заранее, помогает журналисту сориентировать разговор в студии в желаемом направлении. Кроме того, фразы, подбираемые журналистами для цитирования, иногда «конфликтно окрашены».

Гости студии также нередко обращаются за цитатами к политическим заявлениям общественных деятелей, выступлениям в СМИ своих коллег, чтобы сделать свою речь более аргументированной, веской, значительной.

В деловом интервью журналисты иногда прибегают к использованию цитат, чтобы грамотно сформулировать вопрос, опираясь на данные статистики, положений законодательства и т.д.

Гости студии в деловом интервью редко пользуются прямой речью как синтаксическим приемом, редко цитируют документы. Они чаще комментируют определенные законодательные акты, статистические данные.

В творческом интервью журналисты иногда прибегают к прямой речи как к синтаксическому приему, чтобы привлечь внимание гостя студии и телезрителей к каким-либо моментам в жизни и творчестве интервьюируемого. Гости студии активно цитируют свои собственные мысли, высказывания своих коллег, делая свое выступление более экспрессивным и живым.

Национальные особенности жанра интервью являются отражением основных особенностей российской коммуникативной культуры в целом.

Наиболее яркими национальными особенностями российского телеинтервью являются: высокая речевая активность журналиста, преобладающая политематичность телеинтервью, пространность телеинтервью по количеству словоупотреблений и по времени, умеренная структурированность, выраженная склонность коммуникантов к доминированию в общении, наличие большого количества личностной информации об интервьюируемом, склонность коммуникантов к озвучиванию «конфликтосодержащей» информации в

ходе интервью, «узконациональная» направленность большинства телеинтервью.

Уровень проявления национальной специфики в речевом жанре телеинтервью в российской коммуникативной культуре может быть определен как существенный, что позволяет говорить о наличии национальной модели телеинтервью.

Телеинтервью для российского журналиста – это: а) способ самопрезентации, б) способ получения интересующей его и телезрителей информации, в) возможность высказать собственную точку зрения на проблему.

Культурология и лингвокультурология

С. Казакова

Эстония и Россия: проблема взаимоотношений

Эстонско-российские отношения являются стабильными. Эстония открыта для сотрудничества с Россией в рамках своих внешнеполитических приоритетов и желает развивать политический диалог на основе взаимных интересов. Мы хотим видеть Россию демократическим и сильным государством, с которым у Эстонии такие же хорошие отношения, как и с другими соседями. Членство Эстонии в Европейском Союзе (ЕС) и НАТО способствует интенсификации двустороннего сотрудничества. Отношения Эстонии и России являются частью отношений ЕС и России. Цель Эстонии – в сотрудничестве с другими государствами-членами ЕС развивать и укреплять стратегические отношения между ЕС и Россией. Основой эстонско-российских двусторонних отношений является Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между ЕС и Россией и достигнутое в мае 2005 года Соглашение о четырёх пространствах. Действуют также около 30 эстонско-российских двусторонних договоров.

Эстония в отношениях с Россией продолжает следовать принципу, по которому различные вопросы решаются на основе конструктивного и добрососедского диалога при соблюдении норм международного права. Договорная база Эстонии и России нуждается в дальнейшем развитии – до сих пор отсутствуют многие существенные договоры.

Членство Эстонии в Европейском Союзе (ЕС) служит предпосылкой для более быстрого развития эстонско-российских торгово-экономических отношений. С 1 мая 2004 года внешнеэкономическая политика Эстонии стала частью единой внешнеторговой политики ЕС. В тоже время на Эстонию распространилось и Соглашение о партнёрстве сотрудничестве между ЕС и Россией, которое создаёт более прочную основу для эстонско-

российских торгово-экономических отношений. Данное соглашение регулирует как внешнюю торговлю товарами и услугами, так и транзит, защиту интеллектуальной собственности и совершенствование законодательства.

По данным Банка Эстонии на 31.12.2004 года, прямые инвестиции Эстонии в Россию составили 43,4 миллиона евро, что составляет 4,2% от всех инвестиций Эстонии. Россия занимает 5-ое место среди стран, куда Эстония вкладывает свои инвестиции.

За то же время Россия вложила в Эстонию прямых инвестиций на 144,5 миллиона евро, что составляет 2% всех иностранных инвестиций в Эстонию. Таким образом, Россия занимает 9-ое место среди иностранных инвесторов.

По сравнению с 2003 годом количество посетивших Эстонию российских туристов, а также продолжительность их пребывания в Эстонии увеличились. Всего в 2004 году количество проживавших в эстонских отелях российских туристов составило 42 348, что на 13% больше по сравнению с 2003 годом. Россия занимала 4-е место по количеству туристов, проживавших в Эстонии в 2004 году, что составило 3,1% от всего количества проживавших в отелях туристов.

Отношения в сфере культуры между Эстонией и Россией довольно интенсивны, и для этого созданы значительные институциональные предпосылки. Так, уже в 1992 году между министерствами культуры Эстонской Республики и Российской Федерации было заключено *Соглашение о сотрудничестве*, которое реализуется в конкретных программах. В марте 2005 года министр культуры Эстонии и руководитель Федерального агентства по культуре и кинематографии России подписали в Таллине программу сотрудничества в области культуры на 2005-2007 годы. Препятствующим развитию культурных отношений фактором служит отказ России в визе избранному Министерством культуры Эстонии атташе по культуре в РФ.

В 2004 году в культурной жизни Москвы, а также в российских СМИ наибольшие отклики заслужили два спектакля: эстонского режиссёра Эльмо Нюганена "Tout raue, или всё оплачено" в театре Ленком и спектакль режиссёра Райво Трасса "Forever" в Российском Академическом Молодёжном Театре.

В марте 2004 года на открытии международного фестиваля искусств "Экология и мир" Эстонию представлял ресторан "Дары земли".

В апреле 2004 года на кинофестивале ЕС в Москве Эстония была представлена тремя фильмами - "Добрые руки", "Сердце медведицы" и "Пересечение с главной дорогой". Присутствовавший на фестивале эстонский кинорежиссёр Арво Ихо ответил на вопросы зрителей.

Также в апреле 2004 года на гала-концерте Московского симфонического оркестра в Большом зале консерватории выступил эстонский тенор Юхан Тралла.

В июне 2004 года на Московском международном кинофестивале специального приза жюри "Серебряный Георгий" удостоился фильм Рене Рейнумяги и Яака Килми "Бунт свиней".

В октябре 2004 года молодые эстонские музыканты Яан Капп (фортепьяно), Анна-Лийза Эллер и Лаура Линдпере (каннель) при поддержке фонда Спивакова выступали в музее Рериха.

В феврале 2005 года в выставочных залах Псковского Кремля демонстрировались сразу две связанные с Эстонией выставки: акварельная выставка картин Александра Пилара и фотовыставка псковского архитектора, члена Союза архитекторов РФ Игоря Лагунина «Архитектурные зарисовки Тарту и Пскова».

В 2004 году в Таллине выступали с гастролями солисты как Московского Большого Театра, так и Петербургского Мариинского театра.

В октябре 2004 года в Таллине прошла выставка российского художника Михаила Шемякина, а в декабре 2004 года – выставка художника Василия Гречко.

Культурные ценности с территории Эстонии вывезены в Россию в основном во время двух мировых войн, а также в советское время, начиная с 1944 года. В России находятся: собрание культурных ценностей Тартуского университета (т.н. собрание Моргенштерна в Воронеже), имущество Музея Эстонской почты (в Музее связи в Санкт-Петербурге), а также Должностной Знак Президента Эстонской Республики (в фондах Оружейной Палаты в Москве). Впервые представителям Эстонии удалось увидеть национальную реликвию в конце 1994 г. В последующие годы Эстония не раз поднимала вопрос о возвращении символа власти президента Эстонской Республики – цепи Ордена Государственного герба – и хотя многие высокие представители российской власти заверяли об отсутствии каких-либо препятствий для возвращения президентских регалий, они до сих пор находятся в Москве, в Оружейной палате Кремля.

На сегодняшний день в России проживает около 40 000 эстонцев. Это самая большая диаспора за рубежом. В основном эстонцы проживают в Москве, Санкт-Петербурге, Сибири (самая большая община эстонцев в Красноярском крае – около 5000 человек), на Кавказе и Дальнем Востоке. В феврале 2001 г. Эстонское общество в Красноярске вместе с Посольством Эстонской Республики в России отметило День независимости Эстонии и 10-летие Общества праздничным концертом в Красноярске.

После революции 1917 г. в России был учрежден ряд эстонских школ, но большая часть их была закрыта в 30-е годы в результате политических репрессий. За последующие 50 лет у эстонской диаспоры в России не было ни эстонских школ, ни обществ, ни газет.

Начавшаяся в Советском Союзе либерализация позволила воссоздать национальные общества культуры и основать национальные школы. В

настоящее время воссозданию школ препятствует экономическое положение и нехватка учителей. В 2003/2004 учебном году в России работала только одна эстонская школа – это 2-ая средняя школа в г. Печор Псковской области, в которой учатся около 30 детей. Деревня Верхний Суетук в Красноярском крае – одна из многочисленных деревень, основанных переселенцами из Эстонии в конце 19-го века. Более 100 лет ее жители сохраняют эстонский язык и культуру. В местной школе учится около 40 эстонских детей, которым уже несколько лет подряд преподает родной язык учитель эстонского языка, командированный Министерством образования Эстонии.

Единственным университетом в России, где преподавание эстонского языка ведётся педагогом из Эстонии, является Санкт-Петербургский Университет, в котором в феврале 2004 года открыли кабинет эстонского. Кроме того, курсы эстонского языка организованы в Институте Вольского в Пскове, в Московском институте международных отношений и в Государственном университете Республики Мари Эл, а также при эстонских обществах в Москве, Санкт-Петербурге, Красноярске и Череповце. Министерство образования и науки Эстонии помогает российским школам и университетам учебной литературой. По инициативе эстонских обществ в Москве, Санкт-Петербурге и в Красноярске для эстонских детей работают воскресные школы.

По инициативе Общества родного языка при Академии наук Эстонии в России были проведены дни эстонского языка. Так, в апреле 2005 года в Санкт-Петербурге Днём родного языка и научной конференцией отмечалось 200-летие со дня рождения Фердинанда Йоганна Вийдемманна. Мероприятие было проведено при содействии эстонского общества в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербургского Университета, Министерства образования и науки и Министерства иностранных дел Эстонии и прихода церкви св. Яана, общества эстонской культуры Санкт-Петербурга и генконсульства Эстонии в Санкт-Петербурге.

При поддержке государства у детей зарубежных эстонцев есть возможность каждым летом побывать в детских языковых лагерях в Эстонии. Такие лагеря задуманы для детей от 10 до 15 лет и способствуют языковой практике, изучению культуры Эстонии и укреплению связи с Эстонией. Кроме летних детских лагерей, в Эстонии также устраиваются молодежные летние лагеря для молодых зарубежных эстонцев в возрасте от 16 до 21 года.

Все эти данные взяты из различных интернет-источников. Они достаточно лучезарны, однако, как мне кажется, не все так просто и красиво, как здесь описано. Мне представляется, что все же отношения Эстонии и России достаточно напряженные, а с приходом к власти нынешнего президента Эстонии Томаса Хендрика Ильвеса отношения стали еще более напряженными. Об этом я лично сужу из его высказываний о том, что его не интересует мнение России в каком бы то

ни было вопросе. Это было сказано в его новогоднем обращении к народу, а также об этом можно судить из выступления одного из представителей Эстонии в России, когда она во всеуслышание заявила по вопросу о памятнике на Тынисмяги в Таллинне, что «там захоронены семь мародеров» и что даже вопроса не может стоять о том, сносить памятник или нет. Как можно после всего этого думать, что отношения Эстонии с Россией улучшаются? На это лишь можно надеяться.

Эстония, по-видимому, решила сменить своего восточного Большого Брата на Западного. Это, конечно, ее право. Но надо все же относиться к людям, к своим соседям по-добрососедски, а не кусать руку, кормившую и кормящую тебя. Возможно, это слишком резко сказано, но это лично мое мнение по этому вопросу.

И. Костюкевич, Е. Протасова

Эстония: авто- и гетеростереотипы

Эстония позиционирует себя как маленькая северная страна, близкая к Скандинавии и Финляндии, находящаяся на границе ЕС и России. Ровная местность, морская граница, обилие озер, болот, морских островов и лесов. Территория была населена уже 7 тысяч лет назад, и современные эстонцы – один из древнейших народов в Европе.

Исторические сведения

Эстонцы любят подчеркивать, что хотя их захватывали то немцы, то датчане, то шведы, то поляки с литовцами, то русские, они сумели сохранить свой язык и культуру, выстоять - возможно потому, что были привязаны к земле. Время шведского владычества считается золотым веком просвещения и процветания. Подчеркивают, что до II Мировой войны здесь было довольно гомогенное население, лишь около 12% составляли русские, немцы, шведы, латыши, евреи, поляки, финны и ингерманландцы. В результате советской политики было депортировано в Сибирь, Казахстан, на Крайний Север до 100 000 эстонцев (www.okupatsioon.ee), а на территорию Эстонии мигрировало другое население, выходцы из России, Украины, Белоруссии, Татарстана, Азербайджана, Армении и др., так что к 1991 г. меньшинства составили более одной трети всего населения, причем нерусских 6,5%, которые теперь получили возможность развивать свои языки (например, существует украинская школа).

Русские оказывались в Эстонии и раньше (Исаков 2002). Политика Эстонии в отношении местных этничностей менялась несколько раз на протяжении последнего периода независимости (Полешук, Хелемяэ 2005). В это время происходила интенсивная самокатегоризация эстонских русских: больше, чем другие русскоязычные группы на постсоветском

пространстве, они были склонны считать себя отличающимися от русских в России, национальным меньшинством, жителями Эстонии, Прибалтики, Северных стран, европейцами. Объединяющим моментом является только русский язык (Ботиенко 2004, Вихалемм, Массо 2003).

В конце XIX в. в русских этнографических описаниях эсты характеризуются как люди честные, упрямые, угрюмые, хитрые, храбрые, любящие семейную жизнь, из отрицательных черт, в отличие от немецких источников, где говорят о трудолюбии, умении читать и писать, называют лень, беспечность и склонность к пьянству; среди развлечений упоминаются страсть к качанию и пению; и те, и другие источники носят колониалистский характер (Брюггеманн 2006).

При анализе советской литературы выясняется, что эстонцы честные, бесхитростные, прямые люди, основательные и медлительные, держащиеся друг друга, замкнутые, дисциплинированные, себе на уме, представители настоящего европейского Запада, совсем не похожие на русских, в целом – инокультурные (Семенов 2006).

Согласно проф. Т. Карьяхарму, представления эстонской элиты о России и русских определяются тем, что 200 лет существовала верховная государственная власть России, проводившая определенную политику в Прибалтике; исторически существуют активные экономические связи; многие годы эстонцы служили вместе с россиянами в армии (так, в I Мировой войне участвовало 100 000 эстонцев); на территории России имеется 350 эстонских поселений и живет 20% от общего числа эстонцев; 40% эстонской интеллигенции учились в России и сотрудничают, а многие и состоят в браке с русскими.

Эстонская элита считала себя принадлежащей к западной (немецкой) культуре, малым (негосударственным) народом, геополитически вынужденным в контексте национального движения бороться с прибалтийско-немецким дворянством как наибольшим злом в сотрудничестве с социалистами и кадетами, и думать о национально-политической автономии в форме штата в составе демократической России.

Считалось, что Россия – страна огромных возможностей, где можно стать богатым, задешево стать владельцем земли, преуспеть в жизни, т.к. там не хватает образованных людей (русские малограмотны, хорошие охотники и рыболовы, но недостаточно выносливы и упорны для интенсивного земледелия), и жить в России лучше; русские влияют на ход мировой истории, а эстонцы могут достичь высот в сфере культуры и образования.

До 1940 г. русофобия среди эстонцев встречалась редко. К. Брюггеманн подчеркивает, что даже во времена вхождения в Российскую империю сопротивление русификации оказывалось немецкой верхушкой, что

воспринималось славянофилами как борьба за души эстонцев и латышей². С одной стороны, утверждалось, что Петр I в 1710 г. вернул России те земли, которые уже принадлежали ей исторически, с другой стороны, в советское время они считались «нашим западом», а иногда даже «фашистами».

Согласно Т. Агарину, Европа и Россия на протяжении последних 15 лет борются за влияние на русскоязычное население Эстонии; если первые используют методы социальных реформ, поддерживают местное самоуправление, то вторые ведут лишь информационно-политическую линию. К. Келлер придерживается мнения, что эстонские и русскоязычные студенты в Тарту мало общаются друг с другом не потому, что у них нет общего языка, а потому, что у них разные культурные модели общения.

К. Райк показывает, что в хрониках XVI-XVII вв. местные летописцы приукрашивали жизнь эстонцев, а немцы, недостаточно хорошо знавшие локальные особенности, считали их варварами; крестьяне описывались в черно-белых тонах, но во время войны «не-немцы» становились их союзниками; в последующие века в Европе поддерживался стереотип эстонцев как бедных язычников, нуждающихся в применении управляющей силы, склонных к пьянству, имеющих красавиц-женщин, а их язык считался странной выдумкой.

Образ Латвии и Эстонии, выделенный О. Дзярновичем по литовской мемуаристике XVI-XVII вв., говорит о том, что Ливония воспринималась как приятная германская страна с ненемецкими коренными народами.

По русским источникам конца XVIII – начала XX вв., как пишут Т. Гузаиров и Е. Нымм, эстонцы показаны как народ, в котором постепенно пробуждается этническая индивидуальность, но разные стороны оценивают эти процессы по-своему. В представлениях русского национализма XIX в. латыши и эстонцы, считает Ю. Михайлова, виделись, в противоположность остзейским немцам, как оплот России. Отношения между русскими и эстонцами испортились после 1940 г. в результате взаимного опыта действий против друг друга и на территории России, и в Эстонии, и хотя на личностном уровне отношения между представителями народов могли быть хорошими, в целом между этносами сложилось недоверие и неприязнь, полагают О. Мертельсманн и Т. Приветелли.

В. Семенов показывает, что этностереотипы были идеологическим оружием в советской публицистике, например, в 1950-е гг.; интересно, что среди персонажей фигурировали группы «плохих эстонцев» (неаккуратные, эксцентричные, пристрастные к алкоголю, оторванные от реальности, легковверные, корыстные, беспринципные) и «хороших эстонцев» (трезвых, идейных, благородных, последовательных, аккуратных, бескорыстных и т.п.). По мнению М. Алексахиной, недавний

² На наш взгляд, однако, неверно утверждать, что любой вид русского культуртрегерства заканчивался провалом в советские времена, что противоречит и мнению вышеупомянутого эстонского историка.

этап развития повлиял достаточно сильно на становление новой идентичности как эстонцев, так и эстонских русских (Nõmm, Roose, Villiko 2006).

Закон о культурной автономии национальных меньшинств 1925 г. во исполнение конституции Эстонии 1920 года признал меньшинствами русских (8,2% всего населения Эстонии), немцев (1,7%), шведов (0,7%), евреев и всех других, численность которых не менее трёх тысяч человек. За ними были признаны юридические, образовательные и культурные права, а в тех местностях, где граждане эстонской национальности составляли меньшинство, даже культурное самоуправление, что было реализовано немцами и евреями; русские не успели их получить, а после присоединения к СССР эти права были уничтожены (Кошкарров 2003).

Эстонцы и другие национальности

За последние годы отношения между этничностями в Эстонии менялись в лучшую сторону. В 1993 г. 2/3 эстонцев и 3/4 эстонских русских считали эти отношения напряженными, а в 2005 г. они заметно улучшились. В 1999г. более 2/3 эстонцев считало, что присутствие русских в Эстонии является угрозой национальному выживанию, а в 2005 только 16%. 44% готовы жить с русскими в одном доме или проводить вместе с ними время в клубе, 40% готовы работать под началом русского или пойти к русскому врачу.

80% эстонцев обеспокоены тем, что русские не знают их языка, 78% считают, что они ведут иной образ жизни и отличаются по своему мышлению, 59% недовольны поведением и образом жизни эстонских русских.

20% эстонцев относятся к живущим в стране представителям других национальностей как к равным, удовлетворены текущей политикой в отношении гражданства, имеют сами позитивный опыт сотрудничества, а 33% терпимы к представителям национальных меньшинств, но их терпимость носит прагматический характер: они смиряются с необходимостью работать в интернациональном коллективе при определенных обстоятельствах. 19% эстонцев – радикальные националисты, 28% - менее терпимые эстонцы: и те, и другие считают, что неэстонцы опасны для сохранения и развития языка, культуры и государства и хотели бы, чтобы эстонцам предоставили больше прав, чем представителям других национальностей; к последним типам относятся, в основном, пожилые люди без высшего образования. Только 24% русских оценивали свое знание эстонского в 1994 г. как достаточное, а в 2005 – 48%; только 3% сильно, а 23% немного недовольны поведением и образом жизни эстонцев (Pettai 2006).

Эстонские поселения есть, например, в Крыму, и их жители сохранили культуру и язык, а учителя эстонского языка находятся на полном обеспечении эстонского государства (Роозе).

В Калмыкии: «Учителя и юристы, земледельцы и чабаны, повара и портнихи – кем бы ни работали, эстонцы в силу своего национального характера берутся за дело основательно, с дотошностью вникают в его суть и доводят до конца» (Известия Калмыкии (Элиста); 17.12.2005).

На идентичность эстонцев в Петербурге влияли такие факторы, как церковь, образование, общество, пресса, которые подвергались испытаниям в переломные моменты истории. На сущность идентичности влияют возраст и принадлежность к определенному поколению, место рождения, степень владения эстонским языком, длительность проживания в Петербурге, ограниченность доступа к этническим СМИ, хотя по чертам характера современники говорят о них как о типичных эстонцах: аккуратность, сдержанность, основательность, индивидуализм, любовь к труду, любовь к Эстонии, но есть и черты, отличающие их как жителей большого интернационального города (Махтина 2006).

Этнические характеристики в прессе

Скорее в российской, чем в эстонской прессе, встречаются скопления стереотипов. Эстонцы индивидуалисты, они реже, чем литовцы и латыши, уезжают за границу на заработки – во-первых, потому, что у них выше зарплата, а во-вторых, потому, что не любят покидать свой дом. Уезжают молодые люди, чтобы отчасти расширить свое образование; квалифицированные рабочие, которые могут получать больше, чем дома; высококвалифицированные специалисты, потому что на родине у них нет условий труда (по данным газеты «Ярилехт»).

«Медлительность и неторопливость приписывается эстонцам как черта национального характера», но в некоторых случаях они поступают быстро и решительно (vesti.ru 18.04.2002). Им трудно сниматься в сериалах (Baltic News Service 26.04.2000); «у спокойных, сдержанных эстонцев, как бы они ни старались, не получится темпераментно, на всю катушку, станцевать самбу» (Московский комсомолец (Волгоград); 03.05.2006); «именно посредством джаза эстонцы, с одной стороны, осознают себя частью мировой культуры, а с другой – воспринимают его как символ национальной сплоченности» (Коммерсантъ-Daily; 26.04.1997); «Историю взаимоотношений Финляндии с великим восточным соседом полезно изучать нам, эстонцам, ведь по национальному характеру мы очень близки» (Московские новости; 16.03.1994); «Национальные черты характера эстонцев – немногословность и эмоциональная сдержанность, – отнюдь не сказались на проведении конференции» (Российская музыкальная газета; 10.09.2003); «Нашему национальному характеру больше всего подходит Антарктида — чистая, белая и неприступная, как великая справедливость эстонцев» (Континент; 15.04.2002); «Не учитывая свойства эстонского национального характера, мы хотели переделать их согласно постулатам интернационализма и широте собственной натуры, мы даже почти уверились в успехе предприятия, но ведь из этого ничего не

получилось... Попытки создать Представительную Ассамблею русскоязычного населения, Русскую общину, Союз лиц без гражданства, Координационный совет, «единый фронт» на парламентских или муниципальных выборах неизбежно кончаются скандалом» (МЭ, 26.05.2000); «Программы обучения в эстонской и русской школах не могут копировать друг друга, а должны учитывать особенности исторических традиций, системы ценностей, ментальности и национального характера» (МЭ 18.11.2000); «Эстонский театр исходит из национального характера, сдержанного и ироничного отношения к ритуалу» (Независимая газета, Москва; 06.11.1996); «Особенности национального характера – северное спокойствие и основательность» (МЭ; 17.11.2000); «Вот эстонцы еще с советских времен учили иностранные языки, а русские все больше обходились языком межнационального общения, а сегодня они отдают предпочтение эстонскому, как заявила учитель Маардуской гимназии Людмила Тамм, отметившая, что в русских школах методика преподавания иностранных языков, которые все еще пользуются старыми учебниками, отличается от методики эстонских школ, которым после обретения независимости помогают и учебными, и методическими материалами зарубежные эстонцы» (Эстония; 07.08.2001); «Марина говорит, что у них с мужем не было проблем, связанных с культурой или национальностью... Поначалу Марина не могла привыкнуть к закрытости эстонцев, к сдержанному общению, к скупости на похвалу: "О плохих вещах говорят, а на хорошие даже улыбку жалко потратить"» (МЭ; 08.05.1999). «Эстонцам все не дают покоя... странные представления русских о мире» (ИА Regnum-Балтика; 18.06.2005).

Существует разница между русскоязычными жителями Эстонии разных поколений: «Кто-то из молодых людей поделился опытом, что в России русских жителей Эстонии уже воспринимают как иностранцев, указывают на какой-то странный акцент и даже называют эстонцами» (МЭ – Суббота; 04.10.2003); «Наверное, для многих россиян будет странно услышать то, что все-таки в Прибалтике, причем не только живущие там эстонцы, но многие русские, опасаются того, что Россия снова может предъявить свои претензии на эти края, на эти территории» (Радио Свобода; 29.06.2005).

По поводу сравнения с американцами: «Эстонцы считают жизнь более проблемной, чем американцы... у эстонцев выше уровень стресса... эстонцы относятся к жизненным проблемам трагичнее американцев... в активном решении проблем и приспособлении к обстоятельствам между американцами и эстонцами различий нет... маловероятно, чтобы в проблемной ситуации эстонец стал бы искать помощи у других... эстонцы гораздо оптимистичнее американцев... по числу близких людей американцы не отличаются от эстонцев... эстонцы получают меньшее удовлетворение [от общения с другими людьми]... в плане застенчивости эстонцы не отличаются от американцев... американки застенчивее эстонок... среди эстонцев меньше представителей спокойного стиля, а

больше – отторгающего... эстонцы больше ценят независимость, для них характерно отсутствие близких отношений... мамы и папы у эстонцев в эмоциональном плане не так близки с детьми, как у американцев... гораздо меньшая близость в эстонских семьях между отцами и дочерьми... эстонцам свойственно признавать самостоятельность детей в большей степени, чем американцам...» (МЭ; 18.09.1999).

По поводу общения с эстонцами отмечены следующие высказывания: «Для эстонцев интеграция означает перемену их настроения с тем, чтобы в мультикультурной Эстонии сформировалась открытая среда общения» (МЭ; 18.01.2000); «Эстонцы очень осторожны: при общении тщательно подбирают слова, предпочитают не заводить новых друзей, ведут строгий распорядок дня – в общем, держат себя «в узде» (Красный Север, Вологда; 25.05.2001); «Приятный для нас факт: герои фильма - латыши и эстонцы, испытывая трудности в межнациональном общении, то и дело переходят на русский язык» (Труд, Москва; 18.09.2001); «Если относиться к языку как к наиболее удобному для присутствующих средству общения, то в Узбекистане с эстонцем логичней разговаривать по-русски» (Вечерняя Москва; 18.06.2001); «Многое в характере и поведении эстонцев сильно напоминало ему [Пушкину] соседних скандинавов или немцев» (МЭ; 02.08.1999); «Эстонец долгое время жил под гнетом чужой власти, вынужденно срывая собственные стремления и идеи» (МЭ; 06.03.2000); «Эстонцы по своему поведению, вкусам, оценкам ценностей относятся к жителям Северных стран» (МЭ; 21.05.2001); «Эстонцы народ пассивный и, немного поворчав, мирятся с положением» (МЭ ; 15.06.1999); «Эстонцы считали всех русских угнетателями, мой пример был странным исключением для них тогда», - вспоминал позже Солженицын о своих эстонских встречах 60-х годов» (МЭ; 17.03.2000); «Анекдот об эстонце, построившем однокомнатный дом и на вопрос чужака, почему в доме всего одна комната, ответившем «меньше не имело смысла», достаточно точно описывает линию поведения часто меняющихся эстонских правительств» (Известия, Москва; 10.01.2000); «Как ни странно, эстонцы очень завистливый народ. И когда у тебя все хорошо, они начинают тыкать. В автобусе, на улице... а когда пытаешься ответить - "Ах! Какой грубый!"» (Эстония; 1.12.2001). Россиян удивляет также, что эстонцы хотят ограничить скорость движения в городах, но зато завести сверхбыстрый трамвай.

По словам Карин Яани, посла Эстонии в России, эстонцы «один из самых оседлых народов Европы. На культуру нашего народа оказали влияние скандинавы и славяне, балтийские племена и даже страны Востока. Через древний Таллин проходил торговый путь «из варяг в греки». В языке и духовном облике эстонцев переплелись влияния индоевропейской и угрофинской культур. Писатель и экс-президент Эстонии Леннарт Мери в своей книге «Серебристый рассвет» замечает, что эстонский характер – это сплав индоевропейской динамики и уральской

статистики. Важнейшими факторами сохранения нашего народа всегда были родной язык, богатое фольклорное наследие и жажда к образованию» (Коммерсантъ; 27.02.2002).

А. Валк и другие социологи о впечатлениях иностранцев об Эстонии: «В Эстонии никогда не наступает рассвет, тамошние жители сидят на морском льду и ловят в проруби угря, а вокруг ходят дикие медведи. У них есть коровы, хлеб плохой, а женщины красивые. Эстонцы тихие и сдержанные, как слой льда, который так просто не прорубить»; «каждая встреча с девушкой напоминает ему разговор с профессором - все воспринимается чертовски серьезно»; «В эстонских семьях люди не общаются и не договаривают вещи до конца, в результате – разводы и самоубийства»; «Хотя иностранцы считают эстонцев холодными, унылыми и сердитыми, многие приехали в Эстонию из-за любви»; «Эстонцы слишком серьезно относятся к своей работе, что их больше заботит задача выжить, чем получить от жизни удовольствие»; «Продавцы и владельцы квартир постоянно пытаются вас надуть»; «Поражает иностранцев привычка эстонцев делать заготовки на зиму из того, что они собирают в лесу и в саду»; «Равнодушие, материалистичность, безжалостное отношение друг к другу»; «Расслоение в обществе увеличивается, идей и представлений о будущем нет. В людях есть потенциал измениться в лучшую сторону, но сейчас в Эстонии решения принимаются только в пользу небольшой элиты. Разрыв увеличивается, и это не дает Эстонии меняться в лучшую сторону»; «В Эстонии не так быстро можно обрести настоящих друзей, которые готовы на бескорыстную помощь. ”Все спешат, если начнешь рассказывать о своих проблемах, то они торопятся уйти – послушай, ладно, будь умницей, держись!”. Часто кажется, будто люди стесняются быть искренними»; «Если тебе 19, приезжаешь из Америки, где платил за комнатенку 500 долларов в месяц, попадаешь в страну, где пиво стоит 20 центов США, где дружелюбные люди, мало материализма и красивые девчонки, да кто бы здесь не остался? Рай, экзотика, много возможностей!»; эстонцы «более сонные, чем люди в других странах»; «В то же время люди привыкли бороться, потому что советское общество было хорошей школой жизни. Теперь, конечно, все иначе – крутой мобильник, автомобиль, дом в Виймси и квартира в Каламая с красивой девчонкой. Время другое, сейчас нет профессии «вечного студента»; «Вообще-то эстонцы больше держатся обособленно... Часто они считают, что каждый должен решать свои проблемы сам»; «Эстонцам нужно много времени, прежде чем они потеплеют. «Но если они что-то говорят, то это всерьез, это от души. И те люди, с которыми я каждый день общаюсь, сейчас стали мне ближе, чем несколько месяцев назад» (МЭ; 24.12.2004).

Новые экспериментальные данные

Осенью 2006 г. среди жителей Нарвы и окрестностей нами было проведено пилотное исследование, в котором определялась их

идентичность и отношение к близким национальностям. Средний возраст испытуемых составил 26 лет, 75% женщин, 80% русские, 10% эстонцы, 10% другие национальности. 80% родились в Эстонии, 10% в России, остальные не указали место рождения. 5% имеет гражданство России, остальные – Эстонии. Большинство решило не отвечать на вопрос о своей национальности. На вопрос «Кто я?» нужно было дать 5 возможных ответов; на первом месте по частоте упоминание «человек», на втором – мама, жена или муж, на третьем – дочь или сын, далее нет выраженных предпочтений.

По всем полученным определениям (их несколько больше, чем по пять на человека) на первом месте по частоте упоминания характеристика своего места в обществе по профессии: 19%, на втором – по национальности: 12%, на третьем – «человек» 11% или «сын / дочь» 11%, на четвертом пол: 9%, далее идут: «мама» 8%, «жена / муж / холостяк» 8%, «сестра» 4%, личность 4%, друг 3%, житель данного места 2%, гражданин 2%, другие определения, встретившиеся по одному разу (например, «успешный», «православный», «внучка»), – около 7%. Можно, конечно, считать, что «человек / личность» или «жена / женщина / мать» – это характеристики одного типа.

На вопрос о значении русского языка 90% сказали, что он родной, среди других определений встретились: *язык, на котором я говорю и думаю; знаю довольно хорошо, это язык общения и чтения.*

О значении эстонского языка, который 15 % опрошенных (в дополнение к 10%, для которых он родной) считают вторым родным, еще 10% – рабочим, 25% – государственным, было сказано: *язык общества, в котором я живу, язык общения; язык, на котором я получила высшее образование и благодаря знанию которого получила хорошее место работы; язык, с помощью которого я могу (много) общаться с носителями данного языка; знание этого языка помогает мне в жизни (например, заполнить какие-либо документы и т.д.); предметы в колледже также на эстонском языке (не все); знание этого языка помогает мне в учебе; важен, нужен; нужный и интересный; самый красивый; необходим для обучения, ориентирования в повседневной жизни; язык государства, в котором живу; необходимость; язык моих родственников и работы; требуемый в обучении; язык страны, в которой живу; важен для карьеры; надо выучить; дает работу, язык общения с эстонцами, язык получения важной информации.*

Помимо этих, упоминаются среди значимых и другие языки. Так, говорится, что английский язык – *иностраный* (несколько ответов), *язык межнационального общения* (несколько ответов), *международный язык общения, международных контактов, малозначительный язык, язык который остался на уровне школьной программы; не используемый сейчас; язык, который я очень хотела бы выучить и свободно говорить на нем, но эстонский язык, его углубленное изучение отодвинуло на второй план*

изучение английского языка, который мне очень нравится и который в школе очень хорошо осваивался; важен в будущем, нужен, вспомогательный, не вызывает интереса, самый красивый по звучанию, этот язык я понимаю, язык фильмов, шоу, компьютера, полезно знать, возможность путешествовать, общаться с новыми людьми, ключ в будущую жизнь, моя работа, язык общения, престиж, солидность, карьера, общее образование, чужой.

Для многих остальные языки ничего не значат.

Меньше интереса вызвал немецкий язык: не нравится на слух, изучала в школе, в ВУЗе знание этого языка помогло мне общаться с австрийцами, сложен, хобби, увлекательный и легкий, знаю тоже довольно хорошо, это язык общения и чтения, хотел бы свободно общаться, использую иногда в общении, немаловажен, но пока мало знаний, язык замечательных поэтов, музыкантов, бывшего врага, изучала в школе, в плане на будущее, неприятен, есть мотивация к изучению, родственники в Германии.

Так же стереотипично воспринимается французский язык: мне очень нравится, язык красивых песен, язык большой моды, воспоминания о молодых годах, когда были кумиры французские артисты, язык песен и любви, красивый, романтика и воспоминания о детстве, безразличен, язык очень привлекательной страны гурманов, высокой моды, русской знати, французской песни, мечта.

Об итальянском и испанском говорится, что они очень красивые, мелодичные, в то время как голландский по звучанию самый некрасивый.

Большое количество отзывов вызвал украинский язык, например: язык моего деда по материнской линии, язык которого, к сожалению ни я ни мама не знаем, так как дедушка не настаивал на его использовании и изучении, а жаль! Деда уже нет в живых, а он свободно говорил и по-русски, и по-украински, и по-польски, язык, вызывающий улыбку, похож на русский, старые советские фильмы, воспоминания о СССР, безразличен, язык веселого и трудолюбивого народа – братьев-славян, язык материнской родины, язык второго дедушки.

Было бы естественно ожидать, что какое-то отношение вызывают языки соседей. Выяснились следующие реакции, причем наиболее частой ассоциацией для всех была язык соседней страны / соседей.

Финский язык – привлекателен, остается мечтой, хочется его знать и говорить на нем, язык свободного мира, потому что, живя в Таллинне в советское время, я имела возможность смотреть финское телевидение, так сказать, видеть, как живут на Западе, безразличен, нагромождение звуков.

Латышский язык: не нравятся на слух, красивый, мелодичный, безразличен, язык моего дедушки.

Шведский язык: не нравятся на слух, учила раньше, первое знакомство с границей, расширение опыта, безразличен, непривычен для моего слуха.

Литовский язык: безразличен, чужой.

Белорусский язык: *похож на русский, безразличен, почти понятный язык, язык национальности, к которой принадлежу, интересный, славянский, простой и родной для меня.*

Следующая группа вопросов касается ассоциаций, вызываемых странами. Об Эстонии говорится, что это практически для всех *родина или страна, где / в которой родился/-ась, а также живу и хочу остаться на всю жизнь; место, где я прожила всю свою жизнь, место жительства, место, где я создала семью и родила ребенка; самое-самое...; где моя семья и работа, страна возможностей; страна, где я вырос, выучился и, по всей вероятности, буду жить оставшуюся жизнь; родная страна, где родилась и выросла, где хочу жить дальше.*

Россия вызывает совершенно другие ассоциации; типичный ответ: *страна / родина моих предков / где / в которой живут мои (дальние) родственники; другие ответы касаются детства своего или родных, общего языка, культуры и мыслей: моя культура, мое отношение и привязанность к людям моей ментальности; страна, с которой мы связаны языком и культурой; близка по духу; близкая мне страна, говорю на русском языке; страна моего родного языка; страна, на языке которой говорю; чужая для меня страна; место, где часто бывала в детстве; вторая родина; страна детства и родителей, страна прошлого; родная страна; родина; где родились мои бабушки; уважаемая мной страна, богата всем; я родилась в Ивангороде (Россия), но больше 2х месяцев в России не жила; соседняя с Эстонией страна.*

Среди упоминаний других стран Германия – *страна, где я бы не хотела ни жить, ни учиться; страна, где живет моя подруга; красивая и удивительная страна со многими возможностями; я жила 4 года, была замужем за немцем; там я хотел бы жить; близка по духу; хорошо развитая, где можно подработать; чужая страна, но хочется в Альпы; это и враги (2-я мировая, плохие воспоминания дедушек и бабушек), богата финансово и бедная духовно; страна, где живут мои родственники; жила 4 года в Германии.*

Франция – *страна, которую я хочу посетить, но не жить там; супер для путешествий, для покупок, для культурных мероприятий, музеев, вин, духов, моды. Хотела бы выучить язык и немного пожить в этой стране; отдыхать; хотелось бы там побывать; страна романтического отдыха, сбывшаяся мечта; хорошо развитая, где можно подработать; страна виноделия и музеев; страна, где я хотела бы побывать; страна, где я хотела бы пожить (но не на ПМЖ).*

Финляндия – *отдых на зимних курортах, на финских озерах; страна, в которой я работала, когда была студенткой 1 год; страна, где живут родственники и я хочу их навестить; удалось посетить вместе с сыном-футболистом; страна летних приработков для многих русских в Эстонии; соседняя страна; страна, где живут друзья, куда легко приехать*

погостить; хорошо развитая, где можно подработать; очень похожа на соседнюю Карелию (природа); хотела бы пожить некоторое время.

Швеция – холодная, слишком устоявшаяся во всем страна. Внешнее очень правильная; у меня много хороших знакомых – эстонцев, друзей; удалось посетить вместе с сыном-футболистом; хотела бы жить там некоторое время; страна студенческой молодости; далекая и незнакомая. Жила 2 месяца в Швеции. Латвия – жить и ездить туда не хотела бы, одного раза хватило! страны, где я отдыхала – мне нравится проводить отпуск, отдыхать. С этими странами связано много красивых, хороших воспоминаний; страна, в которой я отдыхала; соседняя страна; близкая и красивая страна, где хорошо отдыхать всей семьей; страна с жесткой антирусской политикой, курорты; страна, где родился дедушка.

Литва – соседняя страна, оставила приятные воспоминания о пребывании там.

Белоруссия – училась 4 месяца в Гомеле в Белоруссии, страна – сосед России, не разбазарила созданное при советской власти и т.п.; родина отца; страна с хорошими людьми, простыми и веселыми.

Украина – родина моего деда и его родственников. Хочу съездить и посмотреть на быт, культуру.

Из других стран интерес вызвали США: страна, где я хочу посетить многие художественные музеи – там учится сейчас моя дочка (22года). В Исландии – хочу увидеть природу своими глазами. В Норвегии – самая красивая природа для меня, я была там. Испания – страна, которую хотела бы посетить; там проведено немало приятных дней всей семьей; воспоминания о детстве; страна, где родился второй дедушка В Испании и Италии – легко, хорошо и весело. Интересная культура! Живется людям там тепло и красиво. Для меня все люди важные и одинаково интересные, если они интереснее....., люблю всех, абсолютно толерантна. Имею друзей среди эстонцев, русских, немцев, шведов, африканцев, азиатов. Страны, где я отдыхала – мне нравится проводить отпуск, отдыхать. С этими странами связано много красивых, хороших воспоминаний. Англия – страна, где я хотел бы жить; страна, где здорово проводить летние каникулы; еще не побывала, но хочу обязательно побывать (Stonehenge посмотреть London); страна с крепкими традициями. Австрия – страна, куда я хочу вернуться хотя бы еще на 3 месяца. Хотела бы побывать в Австралии.

Следующая группа вопросов касалась представителей определенных национальностей. Выяснилось следующее.

Эстонцы – гости моего общества, коллеги; «титульная нация», соседи, которым мы, русские должны постоянно доказывать, что не глупее их, и во многом и лучше. Отношение к ним всякое. Жалко, что у нас в стране есть работа – «эстонец» (не важно, какой он специалист и с каким образованием, главное – эстонец), люди этой национальности проживают в стране, в которой я живу; соседи; народ, рядом с которым я живу;

люди, живущие вместе со мной в Эстонии; люди, живущие со мной в одном государстве; соседи; прежде всего родственники по материнской линии, вышестоящее руководство, коллеги; люди, с которыми я живу в одной стране; как двоюродные братья; близкие и понятные люди "домашние", приятные, близкие по отношению к жизни, жизненным ценностям; соседи по комнате, друзья; такие же люди, но другой менталитет; жители страны, в которой и я живу; люди, с которыми мы живем в одной стране; люди, независимо от национальности. В политике вызывают отвержение, так как явно видно отрицание русских; жители моей родины; люди, с которыми мы живем в одной стране.

Русские – родные люди, потому что считаю себя русской; свои, близкие сердцу во всем; родные братья и сестры; люди, которых я понимаю; мой народ; родные; (живущие в Эстонии) – чужие для меня люди; единомышленники; близкие по духу; люди, с которыми общаюсь; родные братья; корни, друзья, беспокойные; отличные партнеры, всегда помогут в беде; тоже люди; люди, которые живут рядом со мной; моя семья, родственники; (в Эстонии) – хорошие соседи, в России – иностранцы; родственники, родные люди.

Из других национальностей упомянуты: немцы – близкие по духу; троюродные братья; мои родственники; французы – образец вежливого поведения, элегантности; люди, с которыми я хотела бы познакомиться и побольше узнать об их культуре, стране; англичане – интересные люди в общении, общительные, верны своим традициям; украинцы – гостеприимные, добрые родственники; латыши – очень дружелюбный для меня народ; финны – холодные; интересные; наиболее часто посещающие наш город (Таллинн) туристы; владельцы банков и недвижимости на территории Эстонии; ирландцы – приветливые люди, ирландский кофе; датчане – гостеприимные, американцы – забавные люди.

Требовалось также продолжить фразу: «Люди в нашем городе/в нашей деревне делятся на...», что вызвало появление следующих реакций: эстонцев и русских (35% ответов), богатых и бедных (20%); по национальности; на русских и не русских; знакомых и прохожих; интеллектуалов и средний класс; я эстонка и здесь, в Нарве чувствую себя дискриминированной; граждан и неграждан; нормальных и остальных; на взрослых и детей, работающих и празднующих; на безработных и работающих; на богатых, со средним заработком и бедных (как везде); работающие и безработные, интересные мне и неинтересные; на преуспевающих и нет; наркоманов, алкоголиков; успешные и маргиналы, что свидетельствует об остроте межнациональных и социальных проблем.

Продолжение предложения «Когда я слышу, как рядом говорят по-русски,...», вызвало появление реакций: не обращаю на это никакого внимания (несколько ответов); думаю, что это наш человек; я спокойна, общительна, довольна; но со мной ничего не происходит; я не удивляюсь; чувствую себя комфортно; то прислушиваюсь или вовсе не обращаю

внимания; я все понимаю, это интересно, например в Германии; мне это понятно; я не удивляюсь; мне понятна их речь; обычно не вникаю в разговор и прохожу мимо; то присоединяюсь к разговору; я спокойна. Если это мат – коробит; я все понимаю; я чувствую себя спокойно, это для меня естественно; ничего не происходит (я в городе не единственный русский); чувствую себя дома; я все понимаю.

На стимул «Когда я слышу эстонскую речь...» реакция иная: значит, это эстонец; я в напряжении, включаю в голове автоматический переводчик, жду от эстонцев высокомерного тона и т.д.; пытаюсь понять, о чем они говорят, – это позволяет мне (поддерживать) проверить уровень знаний этого языка; шум; чувствую себя комфортно; прислушиваюсь, пытаюсь понять, о чем говорят; тогда я дома; для меня это привычно; не удивляюсь; стараюсь уловить знакомые слова; обращаю внимание; стараюсь иногда прислушиваться, чтобы понять; заинтересовываюсь и вслушиваюсь в разговор; пытаюсь понять; без эмоций; я думаю, что это гости нашего города; немного напрягаюсь, настораживаюсь; ничего не происходит; узнаю второй родной язык, я тоже все понимаю.

Более развернутые ответы описывают реакцию на речь из телевизора, причем большинство по-эстонски смотрит новости и слушает музыку: «Когда я слышу по телевизору, эстонская речь – хочется переключить канал; новости на русском языке мне интересны и я не отвлекаюсь; новости, то сразу же начинаю смотреть телевизор, чтобы знать, что происходит в мире; про теракты, то ужасаюсь; немецкий язык – это очень полезно для меня, не забуду этот язык совсем; про международные конфликты; криминальные новости – очень раздражаюсь; эстонскую или немецкую речь, то прислушиваюсь (если мне интересна тема); внимательно слушаю новости – то происходит в Эстонии; эстонскую речь, то через некоторое время переключая канал; песни; кино».

Довольно много информации содержалось в ответах на сложный вопрос «В моей теперешней жизни мне труднее всего...»: быть полноценным членом общества, чтобы эстонцы не воспринимали меня как чужую; становится тяжело правильно писать и говорить как по-русски, так и по-эстонски, постоянно кажется, что ошибаешься; было перенести смерть моей собаки; заставить себя работать; рано просыпаться; совмещать работу и учебу; понять, что мое здоровье и память уже не прежние. К сожалению возраст!; найти общий язык со своими родителями; получаю образование; быть самой собой; учиться и работать; занять ведущий пост в Эстонии; сочетать семью и работу; влиться в эстонскую жизнь, выучить его до конца; сохранять спокойствие и не реагировать на деятельность эстонских политиков; учиться на эстонском языке; общаться с начальством; найти свободное время для себя, для уединенного образования; реализовать свои амбиции; трудно сказать, со всем справляюсь. Мне жаль, что я не знаю эстонский язык в

совершенстве; я не знаю английского, французского, итальянского языка. Уехала бы!!!!; некоторые предметы в ВУЗе, в котором я учусь, читаются на эстонском языке, так как я не всегда понимаю, о чем идет речь; я плохо учился в школе; я не знаю много языков; в сутках не 48 часов; не нашла путевого мужа до сих пор, нету таких; я оказалась чужой в своей стране; жизнь такая; в детстве не научилась говорить по-эстонски; русские в Нарве; я не живу в красивом городе; в нашем городе мало мест для культурного отдыха с ребенком; я не родился эстонцем; не хватает времени на многие мои интересы; язык надо изучать долго и старательно; что я только учитель; хотелось бы больше быть культурным, образованным, православным; я родилась не в семье миллионеров; что я выросла.

О том, кто такие «русские в Эстонии», сообщается, что это отдельная часть общества; дети «оккупантов»; живут, работают, учатся и т.д.; жители; такие же простые и обычные люди; люди как люди, но пожалуйста – выучите наш язык (эст) тогда все будет ок; отличаются от русских в России; живут, работают, учатся и т.д.; живут гораздо спокойнее, чем в соседних странах бывшего СССР; не те, что русские в России; живут в общем хорошо; могут добиться многого, но для этого приходится стараться намного больше, чем эстонцам; более 40% вполне приспособились; не те, что в России; лишние люди; свои люди; это не русские – смесь культур – ни рыба, ни мясо; значительная, но малозначимая часть населения; живут хуже, чем хотелось бы.

По поводу близости России: близко от нас; Россия находится близко и поэтому живет спокойно, чувствуешь какую-то эмоциональную удовлетворенность, что ты не один и не брошен в Эстонии, а твоя этническая родина очень рядом; в городе, в котором я живу; близко ко всему миру; с Эстонией, близко от нас; к Эстонии и Финляндии; ну и пускай, а многие боятся в мире Россию, русских значит, есть причина; от нас; есть возможность обмениваться опытом с коллегами; не для всех; от Эстонии; но контакта с ней мало; можно поехать в путешествие, работать или остаться жить; близок локоть, да не укусишь. Не так просто добраться, вся информация по ТВ и Интернету; от Эстонии; но меня туда не тянет; это очень хорошо; но для меня далеко; от нас.

Выводы

По сравнению с исследованием (Горохов, Лийметс 2004), заметно, что продолжается движение в сторону осознания отдельности идентичности русскоязычного эстонца даже в преимущественно русскоязычной пограничной Нарве. Россия не воспринимается как абсолютная чужая страна, скорее, отождествляется с прошлым и поддерживает самосознание. Автоидентификация противоречива, но становится более сбалансированной. Внутри самой Эстонии этнические стереотипы

сглажены, а вовне то, что говорится в отношении эстонцев, воспринимается русскоязычными как характеризующее их самих.

Ботиенко Е. Стратегии поведения русского населения в Эстонской республике // *Дiasпоры*, 4/2004, 53-73.

Брюггеманн К. Эстонцы в русских этнографических описаниях в конце XIX в. // *Acta et commentationes collegii Narovensis*, VI, 2006, 57-72.

Вихалемм Т., Массо А. Динамика идентичности русских Эстонии в период постсоветских трансформаций // *Дiasпоры*, 2/2003, 230-257.

Горохов С., Лийметс А. Об идентичности национальных групп жителей Эстонии (ситуация в Нарве) // *Дiasпоры*, 4/2004, 8-52.

Исаков С. Основные этапы истории русской общины в Эстонии // *Дiasпоры*, 3/2002, 46-77.

Кокшаров Н.В. Международный опыт решения культурных аспектов этничности // *Credo* 1/2003, www.orenburg.ru/culture/credo/01_2003/3.html.

Махтина В. Петербургские эстонцы: идентичность и использование СМИ. Магистерская работа. Тарту: ТУ, ф-т социологии, 2006.

Полещук В., Хелемяэ Е. Эстонская этнополитика после 1991 года: первые итоги // *Дiasпоры*, 4/2005, 140-172.

Семенов В. образы эстонцев и Эстонии в советской художественной литературе 1960-70-х годов // *Acta et commentationes collegii Narovensis*, VI, 2006, 91-103.

Nõmm J., Roose A., Villiko J. (eds.) *Ethnic images and stereotypes – where is the borderline?* Narva: University of Tartu, 2006.

Pettai I. *Tolerance towards minorities in Estonia // Media against Intolerance and Discrimination: Estonian Situation and International Experience.* Tallinn: Legal Information Centre for Human Rights, 2006, 22-27.

Ю. Бироци

Современные мифы Эстонии

Миф (от греч. *μῦθος* (mythos) предание, сказание), в традиционном понимании – повествование о богах, духах, обожествленных героях и предках, возникшее в первобытном обществе. Миф, таким образом, означает рассказ о том, чего не существует в материальной реальности. Элементы мифологического мышления сохраняются и в современном массовом сознании (например, расовые и классовые мифы и т. п.).

Современная психология утверждает, что человека больше всего пугает неизвестное, неопознанное, т.е. то, о чем нет знаний. Таким образом, логично предположить, что для того, чтобы обезопасить свой внутренний мир, свою психику от нежелательного неопознанного, человек, не имея знаний об этом неопознанном объекте, начинает фантазировать,

придумывать объяснения явлению или объекту или, другими словами, начинает заниматься мифотворчеством. Значит, там, где отсутствует знание, присутствует миф и мифотворчество. Например, самые ранние этнические мифы в Европе зародились в средневековье, в эпоху, как известно, царящих предрассудков и стереотипов в мышлении, со слабо развитой научной мыслью. В это время крестьяне, которые, как известно, составляли более 95% населения, считали, что за пределами их страны, границы которой крестьянин мог обойти пешком за пару дней, начиналась чудесные страны, где люди имеют головы зверей, ходят задом наперед. Отправляясь в первый крестовый поход, в котором принимало участие множество простолудинов, крестьян, нищих, люди считали, что Иерусалим – это чудесный город, где сокровища рассыпаны по земле, а реликвии встречаются на каждом шагу, а арабы, царящие в Палестине – это слуги дьявола, злодеи, нелюди. А на далеком северо-востоке, на Руси, люди ходят одетые в звериные шкуры и живут в норах. На Руси же, по причине того же отсутствия знаний, всех людей, говоривших на непонятном для русского уха языке, считали не умеющими говорить, немymi, от чего и произошло современное слово «немец», но уже с иным смысловым значением.

Другой причиной зарождения мифов может быть разница в темпе развития и изменения в обществе и «скоростью» развития сознания. Новой информации может быть столько много, что человек просто не успевает за ней уследить, вследствие чего многие вещи становятся непонятными, что и приводит к зарождению мифа. Мифы возникают т.к. преобразования в обществе идут быстрее, чем человек успевает за ними следить и изменить свое сознание.

Развитие мифов ведет к формированию стереотипов. Стереотип обозначает особенно углубившийся в умах миф, фантазию, которая произвела на ум человека особо сильное впечатление. Борьбсья со стереотипами гораздо сложнее, чем с только что зародившимся мифом. Корни любого стереотипа, а особенно этнического, очень глубоки, т.к. порой наследуются от отца к сыну и становятся частью воспитания нового поколения – в таком случае стереотипное мышление руководит не только обдуманными поступками, образом жизни, но и управляет мышлением на уровне подсознания, а это особенно опасно.

Примеры особенно опасных этнических стереотипов, передававшихся в течение нескольких поколений мы можем наблюдать, например, по отношению к еврейскому этносу. Мифы о евреях и стереотипы в мышлении и поведении по отношению к этому этносу встречаются уже в средневековой Европе, когда за ростовщичество, запрещенное христианской религией, за иной уклад жизни и отличную от христианства религию, евреев считали приспешниками дьявола, обвиняли в сатанинских обрядах, умерщвлении младенцев, разносчиками смертельных болезней. Такое стереотипное мышление, привело к созданию еврейских гетто в

Германии и, к крайней степени этнической неприязни – к физическому уничтожению евреев во время т.н. еврейских погромов. Такие еврейские погромы встречались не только в средневековье и не только в Германии. Позором кровавых еврейских погромов и покрыты страницы истории и России, и Украины, и Польши, и Австрии, и Швейцарии, и Испании, и Италии, а также других стран в разные исторические эпохи, начиная с дохристианской эпохи и кончая гитлеровской Германией, и современными террористическими актами в Израиле. Стереотипы и мифы о евреях до сих пор глубоко сидят в умах многих людей разных национальностей и стран.

Этнические мифы могут быть разнонаправленными, т.е. миф может быть направлен как на свою нацию, так и на соседский этнос или же на весь остальной мир.

Этнические мифы, направленные на свой этнос, этноцентричны и псевдоисторичны. В таких мифах обосновывается этнокультурная уникальность данного народа относительно соседствующих этносов, выявляется некая избранность. Например, богоизбранность еврейского народа или мессианская роль России, которой суждено спасти весь мир, или миф, распространившийся в фашистской Германии, об избранности арийской нации.

Мифы, направленные на соседствующие этносы, носят особый характер. Соседний этнос в таких мифах представляется, как правило, со знаком минус и является воплощением самых разнообразных пороков либо носителем невероятных и необъяснимых явлений. Так, например, эстонское население Принарья и побережья Чудского озера в старину псковичи называли «чудью белоглазой», что уже в названии передает много необъяснимого и непонятного, «чудного» для русских людей в жизни соседского этноса в то время.

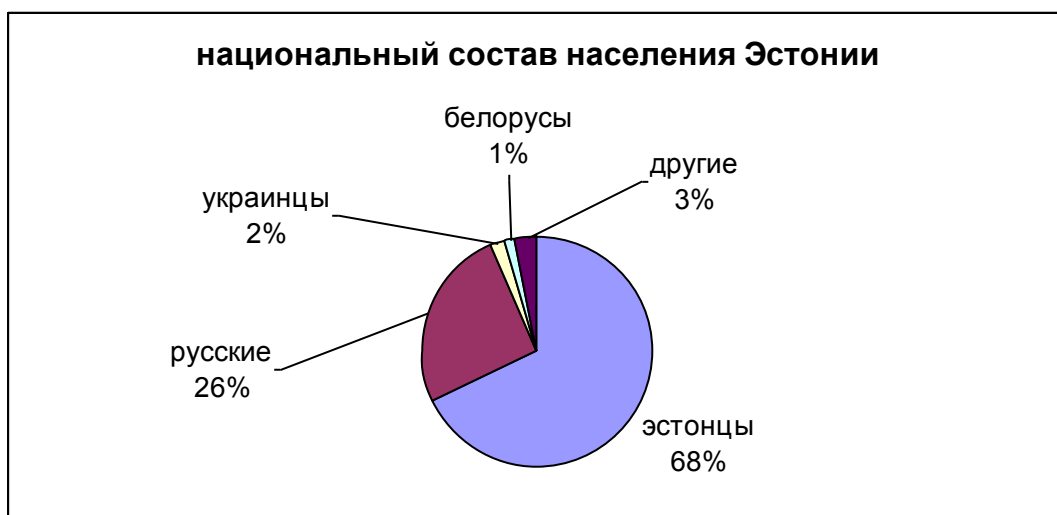
Исторически сложилось так, что этнический состав населения Эстонии был и остается неоднородным. В зависимости от исторической эпохи, на территории Эстонии вместе с коренной нацией, эстонцами, проживали также русские, немцы, шведы, а в советское время национальный состав Эстонии стал более пестрым и полиэтническим. Причиной тому стал переезд на территорию ЭССР белорусов, украинцев, казахов, грузин, армян, татар и других представителей национального состава СССР. Эти люди перемещались в пределах своей тогдашней родины, но история распорядилась по-иному, и такие люди из граждан своей родины превратились в национальные меньшинства, проживающие на территории нового государства.

По последней переписи населения в 2000 году в населении Эстонии, при общей численности населения 1370052 человека, соотношение национальностей следующее:

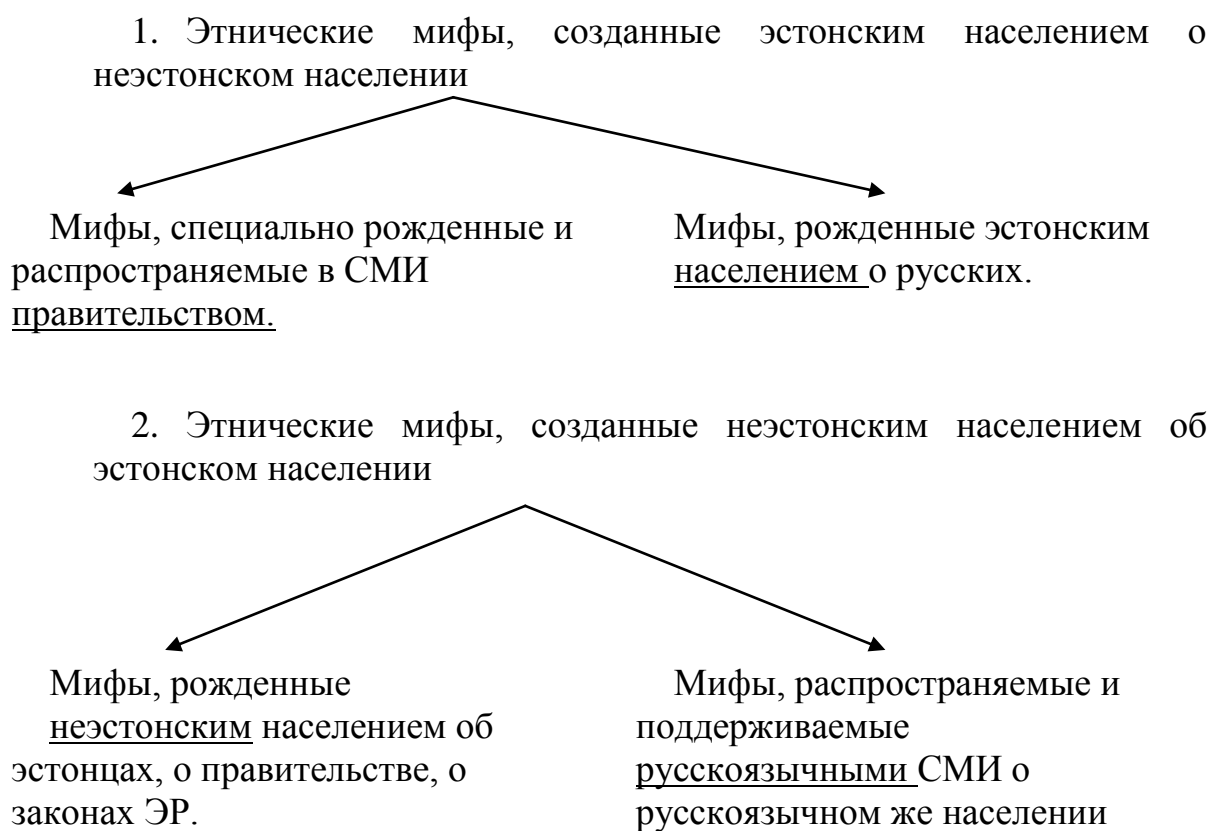
Venelased / русские	35117
Ukrainlased / украинцы	29012
Valgevenelased / белорусы	17241
Soomlased / финны	11837
Tatarlased / татары	2582
Lätlased / латыши	2330
Poolakad / поляки	2193
Juudid / евреи	2145
Leedulased / литовцы	2116
Sakslased / немцы	1870
Armeenlased / армяне	1444
Aserbaidžaanid / азербайджанцы	880
Moldovlased / молдаване	645
Mordvalased / мордва	562
Mustlased / цыгане	542
Truuvapid	495
Grusiinid / грузины	430
Karjalased / карелы	430
Ingerisoomlased / ингерманландцы	358
Rootslased / шведы	300
Marid / мари́йцы	245
Udmurdid / удмурты	241
Bulgaarlased / болгары	204
Ungarlased / венгры	172
Korealased / корейцы	169

Есть и представители других национальностей, всего 144 национальности.

В процентном соотношении национальный состав населения Эстонии можно представить так:

Этнические мифы Эстонии можно разделить на следующие группы:

Этнических мифов, как царящих десятилетия, так и новейших и постоянно рождающихся в нашей стране, очень много, поэтому, безусловно, в данной работе мы рассмотрим лишь наиболее яркие.

Этнические мифы, созданные эстонским населением о неэстонцах

1. Мифы, рожденные эстонским правительством о русских

Таких мифов много, и они имеют как социальный, так и исторический окрас.

- Миф о том, что русские в Эстонии – это оккупанты. Современное русскоязычное население Эстонии не может быть оккупантами, во-первых, по причине своего возраста, т.к. большинство русскоязычных родилось гораздо позже утраты Эстонией независимости в 1940-ом году; во-вторых, юридически Эстония добровольно отказалась от независимости, подписав все необходимые документы, и, наконец, много русскоязычных жило в Эстонии издревле (в Принаровье и на побережье Чудского озера) также и во время «Первой республики», до оккупации, таким образом, они никак не могли быть оккупантами своей же родины. Граждане же СССР приезжали жить и работать в Эстонию, перемещаясь в

пределах своей страны, поэтому и они также не могли быть оккупантами своего отечества.

- Миф о том, что после восстановления независимости неэстонцы уедут за пределы Эстонии. Этот миф специально распространялся для того, чтобы объяснить, почему на территории Эстонии такому большому количеству людей не дали эстонского гражданства, а выдали паспорта иностранцев. Считалось, что эти люди еще не определились, гражданство какой страны, после развала СССР им взять – гражданство страны - этнической родины или гражданство Эстонии.

- Миф, зародившийся до и распространившийся после восстановления независимости – это миф о том, что Россия является для Эстонии потенциальным врагом и угрозой ее суверенитету.

Безусловно, этот миф выгоден определенным политикам, т.к., запугав население угрозой со стороны России, легко отвлечь народ от повседневных и более насущных проблем. Этот миф царит и сейчас, уже через столько лет после восстановления независимости, на этом мифе строят свою политику многие правящие круги. Например, перед выборами в Евросоюз улицы Таллинна пестрили плакатами «Разве Россия нам друг?». Причем тут Россия, когда речь о Евросоюзе? Попытка запугать людей, дать ложное представление о том, что у Эстонии только два пути: либо в Евросоюз, либо в состав Российской Федерации.

Один из последних мифов, который распространяла партия «Reformierakond», считая, что Россия в ближайшем будущем может создать угрозу независимости Эстонии. Лидер партии Сийм Каллас, выступая в Таллинне на конференции, посвященной Дню государственной обороны в начале ноября, назвал Россию опасным для Эстонии государством из-за недемократических, по его мнению, проявлений в сегодняшней российской политике. *«Как я уже заявлял, нельзя исключить, что когда-либо не будет предпринята попытка насильственного уничтожения независимости Эстонии. В свете новой военной концепции России это будущее кажется не таким уж и далеким <...> Нет ничего проще, чем устроить провокацию с жертвами в Нарве, чтобы отправить туда Псковскую дивизию»*³, заявил Каллас. Заявления подобного рода из уст руководителя одной из правящих партий, бывшего премьер-министра не может остаться без внимания, и с трудом верится, что столь высокопоставленный волей народа политик так открыто блефует. Опроверг этот миф не менее высокопоставленный политик из России, член Совета Федерации Михаил Маргелов, который возглавлял российскую комиссию международных парламентариев на встрече с эстонскими коллегами из МИДа «Российский сенатор Михаил Маргелов поспешил заверить Сийма Калласа, что со стороны России никогда не будет совершена агрессия в отношении Эстонии. *«Я хочу, чтобы главное, что*

³ <http://www.moles.ee/03/Nov/10/1-1.php>

увезла с собой делегация Эстонии, – это уверенность в том, что Россия никогда не будет угрозой для суверенной Эстонской Республики», - заявил он в Пскове»⁴.

- Миф о том, что Эстония – это маленькая страна, которой грозит вымирание своего языка и культуры, и, поэтому русскоязычные являются внутренними врагами, создающими угрозу вымирания эстонского языка. Чтобы предотвратить этот процесс, необходимо эстонизировать население Эстонии: ввести государственный язык как обязательный в школах, ввести обязательный экзамен на знание языка всем государственным служащим и постоянно их проверять языковыми комиссиями и тд.

- Миф о том, что лояльность к государству определяется знанием эстонского языка, что отмечается в программе «Интеграции в эстонское общество 2000-2007 гг». Определения слова «лояльность» много, однако ни одно не отождествляет это понятие со знанием языка. Большой Энциклопедический словарь дает следующее понятие слову «лояльность» - (от франц. или англ. loyal верный), 1) верность действующим законам, постановлениям органов власти (иногда только формальная, внешняя); 2) Корректное, благожелательное отношение к кому-либо или чему-либо. Таким образом, необходимость лояльного отношения людей к своему государству бесспорна, но она никак не может ограничиваться пределами знания государственного языка.

- Один из мифов, царящих в эстонском обществе – это миф о том, что все население Эстонии делится на эстонцев и русскоязычных. Это неправда, поскольку, как уже упоминалось выше, в Эстонии проживают представители 144 национальностей. Ни одно современное государство Европы не может заявить о своей мононациональности или о том, что в пределах какой-либо из стран Европы проживают представители даже двух национальностей. Европа давно признала свое общество поликультурным и многонациональным. В Эстонии, однако, присутствует очень упрощенный взгляд на национальности – их представлено две: эстонцы и русские.

2. Мифы, рожденные эстонским населением о русских

Эти мифы, в отличие от предыдущей группы рождены не с хитрым умыслом и не ради тайной выгоды, а от незнания, невежества, скупой информации о русских.

- Нарва – «эстонская Сибирь». Город, в котором русскоязычное население представлено больше, чем в других городах – это Нарва. Считается, что в Нарве гораздо больше, чем в других городах преступлений, пьяниц, наркоманов, асоциалов, ВИЧ-инфицированных.

⁴ <http://www.moles.ee/03/Nov/15/5-1.php>

Несмотря на то, что в пропорциональном отношении в Таллинне преступлений и торговли наркотиками больше, этот стереотип прочно впечатался в сознание эстонцев.

- Исходя из данных о средних доходах на человека, эстонцы имеют доход больше, чем русские. С этим связан миф о том, что русские более ленивы, что они не были столь гибки к переменам в обществе, как эстонцы. Это неправда, поскольку истинные причины сложившейся ситуации кроются не в лени русских, а в законах, которые ограничивают их возможности. Для того чтобы начать бизнес или открыть свое дело, необходим начальный капитал. Человек, не имеющий такого капитала, естественно, обращается в банк за ссудой. До недавнего времени ссуды давали лишь тем людям, за кого могли поручиться двое поручителей, имеющих эстонское гражданство. Поскольку неэстонец, зачастую сам не имеющий гражданства, не всегда может найти поручителей на таких условиях, то и денег на организацию бизнеса, в отличие от эстонцев, он не мог получить.

3. Мифы, рожденные неэстонским населением об эстонцах, о правительстве, о законах ЭР.

Неэстонское население также богато своим мифотворчеством, причины которого те же, что и причины создания мифов о русскоязычных – это отсутствие или недостаточное количество информации о стране, обществе, его законах, процессах, происходящих в государстве. Большая часть русскоязычного общества и особенно люди пожилого возраста, живут в информационном пространстве российских СМИ: смотрят только российские каналы и российские новости, читают российскую прессу, которая продается в русскоязычных регионах в изобилии, до востока страны беспрепятственно доходят волны российского радио и тд. Это и обуславливает искаженное видение современности, создает прекрасную почву для создания мифов.

- Миф о том, что всем русским, проживающим в Эстонии и имеющим «серые» паспорта, рано или поздно все равно дадут гражданство. Этот миф приобрел даже подробности, что, мол, после вступления в ЕС проблема лиц без гражданства будет сама собой разрешена. На самом деле этот миф обусловлен незнанием основных законов ЭР, в которых ясно оговорены условия получения гражданства. А решение проблем Эстонии с лицами без гражданства ЕС, конечно, брать на себя не будет, Европа может лишь советовать, настоятельно рекомендовать, но не будет вмешиваться во внутреннее законодательство страны, а, значит, Эстонии самой придется решать эту проблему и «синие» паспорта на несчастных апатридов с небес не упадут.

- Миф о том, что после вступления в ЕС актуальность знания эстонского языка упадет на фоне других европейских языков, поэтому - зачем его сейчас учить, если через пару лет он уже будет ненужным. Этот миф порожден скорее желанием оправдать свое незнание языка и нежеланием его учить, ведь закон о государственном языке Эстонии после вступления Эстонии в ЕС никуда не денется и государственным языком, неизменно останется эстонский, а не английский или финский. А то, что в Эстонии после вступления в ЕС станет жить так много европейцев, что в учреждениях, школах и магазинах заговорят на немецком или шведском больше, чем на эстонском и вследствие этого актуальность эстонского языка исчезнет, кажется маловероятным.

- Миф о введении русского языка как второго государственного.

4. Мифы, распространяемые и поддерживаемые русскоязычными СМИ о русскоязычном же населении.

Зарождение и распространение мифов такого характера является ярчайшим примером передачи искаженной или неполной информации, демонстрацией русскими СМИ собственного невежества. Хочется проиллюстрировать это всего одним, но очень ярким примером. В одном октябрьском выпуске замечательной русскоязычной телепередачи «Субботея» было проинтервьюировано в эфире около двух десятков жителей Нарвы. Встречных людей просили ответить на простейшие вопросы, как: кто президент Эстонии, премьер-министр, мэр Нарвы. Из всех опрошенных ни один не дал правильного ответа, зато предложенные нарвитянами варианты были фантастичны: президентом считали Пятса, Лаара, Сависаара, а мэром Нарвы и Стальникову и даже Мери, но в большинстве случаев люди просто затруднялись ответить и говорили, что не знают. Зато на саркастичный вопрос известных телеведущих, «А кто президент России или мэр Санкт-Петербурга?», обрадованные, что хоть что-то знают, старушки с удовольствием отвечали, но на этот раз верно.

Конечно, это интервью было преподнесено вечно улыбающимся ведущим с юмором и весело, в виде шутки. Однако, людям, живущим в Таллинне или даже в Ида-Вирумаа, конечно, подобное невежество отвечающих покажется вопиющим. Чем же оно объясняется? Дело в том, что, задавая подобные простые вопросы, популярные журналисты обращались исключительно к старушкам и старичкам очень преклонного возраста. Ни одного молодого человека или средних лет не попросили ответить на вопросы. Понятно, что русской бабушке, живущей в информационном поле России, на территории русскоговорящей Нарвы, общающейся в среде себе подобных, незнание таких простых вещей объяснимо. Но необъяснимым остаются

истинные цели такого интервью. Ведь русскоязычное население Нарвы в который раз предстало в СМИ в виде невежественного, социально неблагополучного региона. Неприятной особенностью, однако, именно этой передачи было то, что русские снимали этот сюжет о русских же, причем осознанно нарушив правила честной выборки. Нарва, таким образом, в очередной раз предстала не в лучшем свете, но источником такого освещения выступали русскоязычные СМИ, поддерживавшие очередной миф о русскоязычных же.

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что причиной зарождения любого этнического мифа является скупая информация этносов друг о друге, человеческое невежество, искаженная или односторонняя информация, искажение и неверная интерпретация фактов. Носителями же мифов являются люди, в душе которых посеяно чувство недоверия к соседствующему этносу, к властям, чувство отчужденности. Врагом любых этнических мифов являются достоверная информация, знания и критическое, логическое и здоровое человеческое мышление.

Большой Энциклопедический Словарь. – М.: «Большая Российская энциклопедия»; СПб.: «Норинт», 2001.

Интеграция в эстонском обществе в 2000 – 2007 гг. Государственная программа. – Таллинн, 2000

Конституция Эстонской Республики. – Таллинн, «Олион», 1996

Мифологический словарь / Гл. ред. Мелетинский Е. М. – М.: Сов. Энциклопедия, 1991

<http://www.nationalism.org/library/science/nationalism/reality/reality-of-ethnic-myths.htm>

<http://www.moles.ee/03/Nov/15/5-1.php>

<http://www.moles.ee/03/Nov/10/1-1.php>

Р. Гордеев

Эстонский президент в восприятии эстонцев

В истории Эстонии было четыре президента: Константин Пятс, Леннарт Мэри, Арнольд Рюютель и действующий президент страны Тоомас Хендрик Ильвес.

Кандидатом в президенты Эстонии может быть гражданин Эстонии по рождению, которому не менее сорока лет. Президент выбирается сроком на пять лет. Нельзя выбрать президента более чем на два срока. Для выдвижения кандидата должно проголосовать не менее пятой части от состава участников Рийгикогу. Выбранным считается тот кандидат, за которого отдало голоса не менее 2/3 состава Рийгикогу. Количество

представителей в Рийгикогу – 345. Если ни один из кандидатов не набирает необходимого количества голосов, на следующий день проводится еще один тур. Если в третьем туре голосования ни один из кандидатов не набрал необходимого количества голосов, то проводится третий тур, где баллотируются два кандидата, набравших во втором туре максимальное количество голосов. Если же и в третьем туре не удалось избрать главу государства, то председатель Рийгикогу созывает Коллегию выборщиков.

У президента Эстонии скорее представительские функции, его народ избирает косвенно, через народных избранников в Рийгикогу. Однако вреда демократии и ее развитию это не наносит. Несмотря на довольно ограниченную власть, президент остается лицом государства, он участвует в жизни страны как внутри, так и за ее пределами. Опыт показал, что личность главы государства имеет большое значение. Президент имеет право не оглашать законы, принятые Рийгикогу, если видит их несоответствие конституции. А законы – это и есть наша повседневная жизнь. Несмотря на представительские функции и то, что народ не участвует в выборах главы государства, интерес к выборам оставался и остается довольно большим. Противников и защитников того или иного кандидата определяет скорее его партийная принадлежность.

По данным социологических опросов, около 84% людей хотят выбирать президента напрямую, 11 % против, 5 % затрудняются ответить (по данным опроса EMOR).

Социологический опрос «Кого бы вы хотели видеть президентом страны?», который был проведен перед президентскими выборами, показал большой разброс мнений.

Будущий президент Эстонии,
автор: Reio Peilman, 6 лет

Каким хотят видеть президента эстонцы?

Верно ли утверждение, что при парламентской системе выборов президента народ должен нейтрально относиться как к выборам, так и к самой персоне президента? Думаю, что нет. Нет, потому что пока существует глава государства. Он будет считаться представителем народа, его предводителем, лицом государства, независимо от объема его представительских функций и формы выборов.

Вот некоторые мнения абитуриентов эстонской Гимназии Пайде:
«Будь он мужчиной или женщиной, главное, чтобы – человек».

«Президент должен быть с безупречным прошлым, чтобы во время его правления не нашлось бы ничего, что могло бы сделать скандал».

«Обычно выбирают все-таки лучшего, у кого было бы дипломатичное отношение к жизни, который бы не навязывал свои идеологии, а считался бы как с большинством, так и с меньшинством и находил бы между ними общий компромисс».

«У президента не должно быть проблем со здоровьем, связанных с его возрастом».

«Одним словом президент Эстонии должен быть умным, красивым, остроумным, ловким, сообразительным, опытным, понимающим, способным принимать решения и что главное – он должен быть сердечным эстонцем».

«Почему президентом не могла бы быть какая-нибудь интеллигентная женщина, а не какой-нибудь мужчина – пенсионер?»

«Как гражданка Эстонии, я бы хотела видеть в управлении страной эстонца, который был бы Человеком с большой буквы...» *По материалам газеты «Järve teataja» 16.09.2006 г.*

В целом приведенные выше высказывания абитуриентов ничуть не отличаются от таких же требований к будущему президенту страны жителей какого-либо другого государства. Общечеловеческие ценности – вот то, что люди ставят на первое место.

О. Сохримова

Эстонские праздники и связанные с ними традиции

Эстонские праздники подразделяются на государственные и народные. Некоторые из них, например Рождество, Иванов день и День поминовения, являются как государственными, так и народными праздниками.

К государственным и национальным праздникам эстонцев относятся 1 января – Новый год, 6 января – День трех королей, 24 февраля – День независимости, 14 марта – День родного языка, второе воскресенье мая – День матери, 14 июня – День скорби и надежды, 24 июня – Яанипяэв (Иванов день), 2 ноября – День поминовения, второе воскресенье ноября – День отца, 25 декабря – Рождество.

1 января – Новый год. Новогодний праздник появился 1 января 1691 года, когда начало года было переведено на 1 января. По своему расположению – после Рождества и в середине Сочельника – Новогодний праздник назывался еще вторым Рождеством. Новогодние традиции во многом совпадают с рождественскими, но отличаются большей веселостью и меньшей торжественностью. Новогодние традиции включают больше гаданий о судьбе. Гадали на счастье, давая петуху выбирать зерно, или собаке – кость, гадали о замужестве и т. д. В первый день Нового года ходили в гости и желали счастья. Если первым в дом приходил мужчина, то это должно было принести счастье на целый год, если женщина – то несчастье. В некоторых местах вслед женщине,

пришедшей первой, бросали пепел. Во всей Эстонии люди верили в примету: что делаешь в первый день Нового года, то будешь делать весь год. Звездная ночь предвещала большой приплод скота, покрытый изморозью лес – урожайный год и т. д.

В Эстонии счастье приносит, встреченный на улице трубочист с орудиями ремесла – высоким цилиндром и гирей на веревке с ершиком. Поэтому столь часты рождественские подарки в виде глиняного или тряпичного трубочиста, испачканного сажей. Если же вы встретите трубочиста, обязательно потрогайте медную пуговицу на его сюртуке и загадайте желание. Говорят, сбывается!

6 января – День трех волхвов. День трех волхвов – государственная знаменательная дата Эстонской Республики. Аналог католическому празднику трех королей и православному Крещению. В этот день ходили по гостям, играли в игры, пили пиво и доедали праздничную еду. Надо было вынести солому, принести прялки. На островах и западном побережье последним днем Сочельника считался день святого Канута (7 или 13 января). В этот день не работали, мужчины ходили из дома в дом и "выгоняли кнутом праздники", пробовали пиво и уносили с собой пробки от пивной посуды.

24 февраля - День независимости Эстонии. 24 февраля 1918 -Эстония провозгласила свою независимость от Советской России. В День независимости граждане Эстонии обязаны вывешивать на своих домах государственные флаги.

14 марта – День родного языка в Эстонии (Emakeelepäev). 14 марта отмечается День родного языка в Эстонии, если переводить буквально, то День "материнского" языка. В этот день, 14 марта 1801 года, в Риге родился Кристьян Яак Петерсон – первый поэт Эстонии. Кристьян, будучи бедным, закончил Рижское уездное училище и Рижскую гимназию. Он владел латинским, немецким, французским, английским, русским, шведским, греческим, эстонским и латышским языками. В 17 лет опубликовал первый научный труд о синтаксисе эстонского языка, а стихи начал писать по-немецки, потом перешел на родной язык. Он впервые заговорил о литературном эстонском языке и доказал, что на нем языке можно создавать стихи. Их опубликовали через 100 лет после его смерти. Памятник ему был открыт в 1983 году в Тарту на холме Тооме-мяги.

Второе воскресенье мая - День матери. Отмечают многие страны мира: Мальта, Дания, Финляндия, Италия, Турция, Австралия, Украина и Бельгия, Австрия, Бразилия, Венгрия, Германия, Канада, Китай, США, Япония. В Эстонии с 1992 года как праздник только для матерей и беременных женщин. Украшают дома флагами, в детских садах и школах проходят утренники и концерты для мам; дети дарят своим мамам самодельные подарки.

14 июня – День скорби и надежды. В Латвии, Эстонии и Литве посвящен дню первой массовой депортации граждан этих стран в Сибирь.

Во многих церквях происходят траурные богослужения в память о жертвах сталинского режима, на улицах вывешиваются флаги с траурными лентами.

23 июня - Яанипяэв (Иванов день). Народный праздник Яанипяэв совпадает с днем летнего солнцестояния. Традиционные народные гуляния проходят во всех уездах Эстонии, как в городах, так и в сельской местности. Зажигают костры Ивановой ночи, выступают эстрадные и народные ансамбли. Основная часть жителей отправляется за город, чтобы разжечь собственный костер, приготовить на нем мясо, а в полночь пойти искать цветок папоротника, чтобы стать богатым и счастливым или превратиться в невидимку и открывать все замки. Раньше приводились в порядок дом и двор, в комнаты приносили березки, варили пиво, ходили в баню, начинали заготавливать веники.

При помощи огня пытались избавиться от всего плохого, в первую очередь от злых сил и духов. Устраивали различные игры на испытание силы и ловкости, пели, танцевали, плели венки, надевали их на ночь на голову, чтобы увидеть будущее. В росе купались, ее собирали и держали для лечения. Начинался сенокос. Колдовали, чтобы коровы давали больше молока. Стадо украшали букетами цветов, а пастуху давали специально приготовленный сыр. Все весенние работы должны быть закончены, обязательно посажена капуста. По колосьям, собранным на чужом поле, определяли, каким будет урожай.

Второе воскресенье ноября – День отца. В Эстонии отмечается с 1992 года. Постепенно становится общим, например, традицией стало проведение силовыми структурами показательно-познавательных представлений в рамках благотворительного бесплатного семейного праздника "День отцов для всех детей": дети вместе с папами участвуют в соревнованиях и знакомятся с мужскими профессиями. Среди участников есть воспитанники детских домов. Союз женщин Эстонии избирает Отца года. Города украшены флагами, а дети готовят самодельные подарки отцам.

На народный календарь эстонцев сильное влияние оказала католическая церковь. Прижились те праздники, которые совпадали с местным хозяйственным ритмом, и те, с которыми связаны наиболее интересные ритуалы.

17 января - День Тыниса (Денисов день). Тынисов день (день памяти святого Антония) – середина зимы, когда «хребет зимы ломается пополам», медведь поворачивается в своей берлоге на другой бок, и в запасе должна оставаться половина кормов для скотины. В этот день у эстонцев было много гаданий и примет, связанных со свиньями. Было запрещено прясть, чтобы у свиней не закружилась голова, штопать, чтобы свиньи не были злыми. К столу подавали свиную голову. Солнечная и ясная погода предвещала богатое на сено и зерно лето. «Если мужик

успевают запрыгнуть на лошадь, пока светит солнце, – то этого достаточно, чтобы погода во время сенокоса была сухой».

2 февраля – Свечной день или **Сретенье**. В Южной Эстонии серединой зимы считалось Сретенье – женский праздник; тогда заканчивали прясть и начинали ткать.

29 февраля – День Мадиса. Весна начинала приближаться; было запрещено ткать, штопать, расчесывать волосы, возить сено и дрова. Осадки предвещали обилие летом насекомых и змей.

Масленица. Обычай скольжения по льду в этот день – чем дольше скольжение, тем выше уродится лен. Обилие сосулек обещало хороший, высокий лен. Готовили гороховый или бобовый суп со свиными ножками, а в Южной Эстонии еще и крупяную кашу. Из берцовой кости свиньи делали волчки. Вывозили на поля навоз. Надо было стричь волосы, чтобы стали гуще.

23 апреля – Юрьев день. Начинались полевые работы и выпас скота. Начало трудового года, нанимали рабочих и заключали трудовые договоры, дни с тремя перерывами для еды до Михайлова дня. Не рекомендовалось одалживать вещи, ходить босиком. Запрещалось шуметь и грохотать, чтобы летом не ударило молнией.

1 мая – Вальпургиев день или **день Вольбера**. Сажали бобовые.

Троица. Отмечается семь недель спустя после Пасхи. Делали уборку, приносили зеленые березки, ходили в баню. Выходной у пастухов, а молодежь качалась на качелях. Предсказывали погоду на Рождество.

23 августа - День Пяртеля (Partlipäev)

Считалось, что со дня Пяртеля начинается осень. Говорили, что Пяртель «бросает в воду холодный камень», то есть водоемы охлаждаются.

Ко дню Пяртеля должна была закончиться жатва ржи, потому что предстоял сбор картофеля, и продолжалась еще уборка яровых. Начинали мытье и настриг овец. Считалось, что овца, постриженная в день Пяртеля, даст длинную шерсть.

Для приготовления пива использовали хмель. Хмель, собранный в день Пяртеля, должен был быть особенно хорошим, потому что Пяртель придавал хмелю окончательную горечь. День Пяртеля является одной из ста знаменательных дат эстонского народного календаря.

29 сентября – Михайлов день. Заканчивал летний период. Убивали овцу: «Для каждого барана будет свой Михайлов день». Варили пиво, накрывали богатый стол, ездили на ярмарки и в корчму. Пастухи зажигали свой костер, обводили белого барана или козу три раза вокруг камня, чтобы быстрее выпал снег. У стада смотрели, есть ли у коров во рту соломинки – тогда могло не хватить зимних кормов. Волк мог нападать на скотину. Оживлялась и деревенская жизнь, начинались свадьбы.

2 ноября – День поминовения усопших. Души умерших предков приходят домой. Погода должна была быть туманной и безветренной, иначе души не могли обрести покой. Соблюдали тишину. Топили баню и

готовили лучшие блюда, которые оставляли в бане. Если душам понравятся угощения, то в доме будет счастье и удача.

10 ноября - День Мартина. Заканчивался хозяйственный год и начиналась зима: закончено трепание льна, начиналась стрижка овец, варили пиво и делали специальные толстые мартовские колбаски. Мужской день. Было принято рядиться и ходить из дома в дом, где ряженым давали угощение.

25 ноября – День Катерины, Кадри, женский день, ряжение в белую одежду, ходили по домам, пели, танцевали и звонили в колокольчики, желая семье счастья.

21 декабря - день Тоомаса (Фомы). Начинали приготовление рождественских блюд, ставили пиво, делали предпраздничную уборку. Из соломы делали рождественские украшения, игры, гадания.

25 декабря – Рождество, важнейший годовой праздник. Название его языческое, древнескандинавское. В рождественскую ночь за стол садились несколько раз, чтобы еды всегда было вдоволь, на ночь еду со стола не убирали, а оставляли для «душ», которые придут домой. Окна защищали от призраков, в хлеву животным давали хлеб. Обычай наряжать елку пришел из Германии и укоренился только к XX веку; елку держат с Сочельника до 6 января. С первого дня Рождества ходят в гости. Можно рядиться в «козлов», вывернув наизнанку шубу, и ходить по домам, желая счастья и достатка и получая за это угощение. «Рождественский дед» пришел в Эстонию в 1920-е гг.

Помимо вышеперечисленных государственных и народных праздников, в Эстонии существуют еще и другие знаменательные даты. Для школьников важной датой является День Знаний (1 сентября), когда в школах начинается новый учебный год. В первое воскресенье октября – День Учителя. 18 мая - Международный День Музея, в этот день вход в музеи бесплатный. День защиты детей – 1 июня. И, конечно же, в Эстонии, как и во многих других странах мира, в каждой семье есть свои маленькие, но без сомнения важные праздники и традиции: дни рождения, свадьбы, юбилеи и многие другие.

www.mkc-krasnoyarsk.ru;
www.erm.ee

К. Сисаск, И.Цопп

Праздничные традиции эстонцев и русских

Любимые праздники эстонцев – Рождество, Новый год, Пасха и Янова ночь [+ ночь на Ивана Купалу]. Сравним, как отмечали эти праздники эстонцы в старину и сейчас.

Название Рождества «Юл» пришло из древней Скандинавии, изначально у него не было никакой связи с христианством. До начала христианства на берегах Балтийского моря Рождество считалось праздником света в честь бога света. Вместе с освоением христианства и подлаживанием его под традиции здешнего народа начали Рождество считать рождением Христа.

Традиция рождественской ёлки пришла на хутора из мызы через школы. К 20-му веку пришедшая из Германии традиция закрепилась. Ёлку украшали настоящими свечами, яблоками и из соломы сделанными игрушками. В последние время вешают на ёлку пипаркоок [= пряники] и конфеты.

В рождественскую субботу заготавливали еду на весь праздник. Вечером ехали в церковь, этого ждали дети на протяжении всего года, так как в этот раз с собой брали даже самых маленьких. Ночью всем читали из песенника куплет на счастье. Для этого открывали книгу на случайной странице. Мужчинам зачитывали с правой, а женщинам с левой стороны. Эстонские няярид стали самостоятельным праздником 1 января 1691 года. Название произошло от диалектного немецкого слова *ni jar*, что означает *новый год*. Важным стало добавление к нему ритуала гадания (<http://woman.delfi.ee/archive/article.php?id=14597357>).

В наше время многие традиции сохранились, а другие видоизменились. Рождество начинают отмечать с первого адвента, когда зажигается первая свеча адвента. До рождественской субботы убирают дом, приносят ёлку и готовят много еды. Часть эстонцев ходит по-прежнему в рождественскую субботу в церковь и на кладбище. У эстонцев этот праздник отмечается тихо и спокойно в кругу семьи или с друзьями. Многие встречают Новый год на площади у городской ёлки, смотрят красивый салют. Живущие в Эстонии русские отмечают Рождество два раза: 24 декабря вместе с эстонцами, так как это всё равно выходные дни, и 6 января. Как выяснилось, и у русских важное место занимает праздничный стол, но у них на нем нет никогда кровяной колбасы.

Пасха знаменует воскрешение Христа. На протяжении долгих веков предшествовали Пасхе период карнавалов, пост и Страстная неделя. Праздник отмечался звоном церковных колоколов, цветами и процессией со свечами. Самая распространённая традиция в Эстонии – это окрашивание яиц, для чего существует много способов, и последующее их поедание. Было принято разбивание одного яйца о другое (www.rmp.ee/huvitavat/1885).

В наше время эстонцы стали отмечать Пасху немного скромнее. Яйца красят в Страстную пятницу, обычно этим занимаются дети. Друзьям и близким отправляют открытки. Некоторые семьи ходят в церковь. Разбивание яиц происходит воскресным утром.

Мне кажется, что в Эстонии живущие русские отмечают Пасху больше, чем эстонцы. Они так же красят яйца и ходят в церковь. Я знаю, что посещение церкви для них очень важная часть праздника. Когда они

выходят из церкви после службы, то раздают незнакомым людям яйца и говорят «Христос воскрес». Эстонец не настолько любезен.

Костёр разводили вечером Янова дня, и горел он до утра. Сейчас делают костер на земле, и никакого особого искусства в этом нет, но раньше знали очень много разнообразных способов разложить его, многие из которых уже забыты. Тогда было главным, чтобы огонь был большим и его было хорошо видно. Когда семейный костер был проведен, то шли на общий. Он был больше, и вокруг него пели, танцевали, играли, качались на качелях, кушали и разговаривали.

Янову ночь делает особенным то, что была возможность найти клад, так как считалось, что в эту ночь сам Бес достаёт котелок с деньгами и начинает сушить деньги. Считается, что в Янову ночь зацветает папортник, и тот, кто найдет его цветок, станет богатым и счастливым, будет понимать язык птиц, животных и других народов. (www.miksike.ee/docs/lisa/pidu/jaanipaev/jaanipaevast.htm).

Спустя века традиции Яновой ночи сохранились, правда, люди не особо верят в ту мистическую силу, но также прыгают через костёр, будь то для очищения от негатива или просто для веселья и ради интереса. Кажется, что главным блюдом в этот праздник, как у эстонцев, так и у русских стал шашлык.

Следовательно, в праздниках разных народов есть сходство. Они вносят в празднование свои традиции и индивидуальность.

И.Будалова

Отдых эстонцев

Эстонцы считаются одной из древнейших наций Европы. В историческом плане «возраст» Эстонии составляет около 10 000 лет. В настоящий момент жителей Эстонии насчитывается всего около 1,4 миллиона человек. Эстонцы очень гордая нация. Они гордятся своим языком, своей культурой, своей природой и землей.

На первый взгляд иностранцу может показаться, что эстонцы народ замкнутый и несловоохотливый. Но ничего страшного - если запастись терпением, то через какое-то время этот холодный, казалось бы, человек может оказаться достаточно милым, приятным собеседником, добрым хлебосолом и верным другом.

Эстонцы любят путешествовать, поэтому совсем не надо удивляться, встретив эстонца в самых неожиданных местах по всему миру, будь то альпинисты или покорители горных бурных рек. Есть даже утверждение в народе, что в каждом порту мира тебя ждет хотя бы один эстонец.

В настоящий момент Эстония – современная быстроразвивающаяся в экономическом и социальном плане страна Европы, где гостей страны ждут как удобства современного мира, так и нетронутая природа и

многочисленные возможности развлечься и отдохнуть душой. Как же предпочитают отдыхать, путешествовать и проводить свой досуг сами эстонцы?

Я провела анкетирование своих знакомых. В анкетировании приняло участие шесть человек, средний возраст 45 лет, 1 мужчина и 5 женщин.

Самыми популярными способами отдыха среди эстонцев были названы активный отдых на природе – игры с мячом, езда на велосипеде, баскетбол, волейбол, вечера, на которых готовят мясо на гриле, вечера и праздники в саду, а также вечера в приятной компании за распитием излюбленного эстонцами пива или красного вина. Также популярны среди эстонцев походы в сауну, активный отдых у моря или на озерах, которых очень много в Эстонии, посещение родных, поездки в гости к друзьям и близким в деревню, на хутор, отдых в деревне или вблизи места проживания.

Эстонцы больше предпочтений отдают отдыху в Эстонии, но при наличии финансовых возможностей выезжают за границу в теплые страны. Как самые своеобразные способы отдыха эстонцев были отмечены путешествия в экзотические страны, летом – вечера у костра, а также отдых и путешествия всей семьей по Эстонии. Самыми популярными местами отдыха названы 2 острова – Сааремаа и Хийумаа, а также города Пярну, Хаапсалу, Каукси, район Чудского озера, Оtepяя и Южная Эстония. Сейчас самыми любимыми местами отдыха эстонцев в зимний период можно назвать SPA-центры, аквапарки и сауны.

На первое место ставят отдых на свежем воздухе (у озера или на море), отдых на даче или в деревне, а также путешествия по Эстонии. Все перечисленные данные, действительно, отражают самые распространенные среди эстонцев виды отдыха, путешествий и досуга, поскольку в Эстонии достаточно много возможностей для активного отдыха – есть стадионы, спортклубы, яхт-клубы, кегельбаны, конные манежи, дорожки для катания на велосипедах и роликовых коньках, «тропы здоровья» для лыжников и мн.др.

В Эстонии много рек и озер, с двух сторон наша страна окружена морем. Эстонские реки богаты рыбой, в них водятся лосось, лещ, щука, угорь, минога – рыба, которая водится всего лишь в двух реках мира, одна из которых эстонская река Нарова. Так что выбор летом очень большой – и для туристов, и для самих коренных жителей Эстонии: если надоели пляжи, морское купание, то можно заняться рыбной ловлей, а то и просто побродить у моря или в сосновом лесу. У более современных и бесстрашных жителей Эстонии есть возможность попробовать свои силы в водном спорте (серфинг, катание на яхте) и в воздухоплавании. Кроме того, Эстония – это страна с обширными лесами и нетронутой природой, поэтому очень много среди жителей Эстонии любителей испытать на себе ее оздоровительное воздействие.

В Эстонии государственные леса открыты для всех. Здесь можно встретить походные тропы, бесплатные гостевые домики. Кроме этого в

Эстонии около тысячи островов, и поэтому отдых на островах среди эстонцев тоже достаточно распространенный вид времяпрепровождения.

Кроме вопросов про отдых, проведенное анкетирование затронуло и тематику проведения досуга и способов путешествий, которые любят эстонцы. Самыми популярными способами проведения досуга были названы походы в баню, в бар, в кинотеатр, на концерт или другие развлекательные мероприятия, просмотр телевизионных передач, езда на велосипеде, плавание, боулинг, время, проведенное с семьей на природе, а также поездки в гости к родным или друзьям, отдых в кресле, «прогулки» по интернету, шашки, шахматы, домино, прогулки с собаками и т.д. Самыми распространенным видом проведения досуга зимой эстонцы назвали катание на лыжах, а летом – поездки по Эстонии или по Прибалтике.

Через анкетирование стало известно, что самым любимым способом путешествия является путешествие на автомобиле в гости, езда на велосипеде или полет на самолете. Эстонцы предпочитают отдыхать семьей в Эстонии, не отъезжая далеко от своего дома.

Самыми трудными вопросами, на которые не удалось получить ответа, оказались вопросы, связанные с определением способов отдыха, досуга и путешествий, которыми эстонские традиции их проведения отличались бы от традиций других народов. Но при этом, особенными способами путешествий, которыми эстонцы могли бы отличаться от других народов, были названы велосипедные походы.

По сравнению с европейцами, в среднем только 10% жителей Эстонии проводят свой отпуск за границей. Эстонцы очень любят проводить отпуск в Финляндии на горных курортах, поскольку катание на лыжах – любимый вид спорта, а в Эстонии гор нет, не считая горы Суур-Мунамяги (318 м) в Отепя, но она невелика, поэтому эстонцы приезжают на финские горные вершины для занятий горным спортом и сноубордингом. Летом же эстонцы любят отдыхать на природе, кататься на лодках по озерам.

В последнее время среди эстонцев все большую популярность приобретает дробление отпуска на небольшие периоды. Отдыхают малое количество дней, но в несколько приемов. Стало довольно привычным брать несколько недель отпуска зимой для катания на лыжах, коньках и санках, а летом одну-две недели, чтобы позагорать и покупаться в море.

Летом эстонцы любят выезжать на народные гуляния. Например, на театральные летние представления, на водный музыкальный фестиваль или на фейерверк больших масштабов. Какое-то время назад на лебедином пруду в парке Кадриорг, где находится резиденция эстонского президента, люди могли наслаждаться искусством балета.

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что хоть Эстония и крошечная страна, в ней много мест, где можно хорошо отдохнуть, попутешествовать. Эстонцев привлекает отдых на природе, путешествия в эстонские старинные парки, мыйзы, природные заповедники и парки.

Когда-то экс-президент Эстонии Леннарт Мери дал совет турфирмам, обслуживающим эстонцев, путешествующих по своей стране: «Продавайте тишину, покой и чистый воздух».

С каждым годом растет интерес среди эстонцев к такому виду отдыха, как эстонские туристические хутора. Хотя у эстонцев становится все больше возможностей съездить в теплые экзотические страны, более половины эстонцев все же предпочитают отдыхать на родине. Чем моложе человек, тем чаще он путешествует летом. Пожилые люди предпочитают отдыхать на дачах или ездят в гости к родственникам.

Каждый четвертый эстонец считает, что лучшее время для отдыха и путешествий все-таки лето, но наметилась тенденция к уменьшению длительности летнего отпуска. Многие работающие люди берут летний отпуск для того, чтобы выполнить запланированные домашние дела – сделать ремонт, заняться консервированием овощей и ягод, приготовлением варенья или просто немного побаловать себя витаминами, которых в летнее время огромное количество и очень широкий выбор.

Самые скромные планы по отдыху и путешествиям летом у пенсионеров. С одной стороны, их финансовые возможности ограничены, а с другой – они могут наслаждаться и отдыхать не только летом, но также весной и осенью. Основной вывод проведенного анкетирования сводится к тому, что сами эстонцы считают, что их способы организации отдыха, досуга и путешествий серьезно не отличаются от подобных традиций организации свободного времени у других народов. Можно предположить, что способы организации отдыха и досуга эстонцев очень похожи с традициями отдыха и времяпровождения народов стран Северной Европы.

Интернет-источники:

www.neti.ee/cgi-bin/cache?query=kuidas+eestlased+puhkavad&alates=0&url=http%3A%2F%2Fsekretar.ee%2F172456art%2F

www.neti.ee/cgi-bin/cache?query+=eestlaste+reisimine&alates=0&url=http%3A%2F%2Fpublic.visitestonia.com%2Ffiles%2Fstatistika%2Fsuvi2002.pdf

www.moles.ee/99/Jul/24/14-1.html

www.portoftallinn.com/docs/handbook/rus/Port%20Handbook%20rus58-77.pdf

www.las-flores.ru/news/country-news-7321.html

Культура еды в Эстонии

Культура народа является основой его образа жизни, в ней отражается национальная самобытность.

Старые эстонские традиции – это преимущественно крестьянские обряды, которые сложились в деревенской среде. Жизненный уровень эстонских крестьян был низкий, повседневная пища скудная. В 1800-х годах основной пищей был мякинный хлеб – черный и рассыпчатый, как торф, и соленая вода из-под салаки. К хлебу употребляли кислое молоко, смешанное с водой и с ржаной мукой, салаку и сушеную рыбу, суп из репы и капусты. Свежее молоко и мясо ели очень редко.

Самой обычной пищей вечером или утром был бульон из крупы: его варили на воде, в конце приготовления добавляли молоко, а иногда также жир или масло. Бульон ели с хлебом и салакой. Мясо для эстонских крестьян считалось деликатесом. Его употребляли в пищу обычно осенью и зимой как добавку к зерновым, стручковым и садовым продуктам. Мясо употребляли в основном в соленом и копченом виде. Мясные супа варили вечером по четвергам и воскресеньям. Самый распространенный суп в те времена – суп из кислой капусты. Встречались также суп с клецками, картофельный, бобовый и гороховый супы. Летом, когда не было мяса, варили супа с жиром или молоком.

Существовало много обычаев и поверий, связанных с выпечкой хлеба, его хранением и употреблением в пищу. Долгое время хлеб был основной пищей эстонцев. Поскольку неурожай случался если не через год, то через каждые два – три года, эстонцы вынуждены были либо голодать, либо находиться на грани голода. Видимо, правы те, кто утверждает, что лишь начав выращивать картофель, эстонцы избавились от постоянного недоедания. Отсюда и многочисленные обычаи во славу хлеба, в которых он почитается, как святыня. Характерно сообщение из Марьямаа (область в Эстонии), относящееся еще к 1958 году: «Хлеб – хозяин пищи. Приступая к еде, прежде всего следует положить в рот кусочек хлеба, лишь после этого можно взять что-либо другое к хлебу». Праздничные хлеба отличались от будничных по форме: существовали круглые караваи, продолговатые, известны гнутые караваи и караваи, напоминающие скирду. Сверху такой каравай припечатывали амбарным ключом, фибулой, кольцом или просто выдавливали пальцами какой-нибудь узор. Случалось, что караваю придавали форму поросенка. Этот хлеб именовали «рождественским боровом», «рождественской лепешкой», «рождественской ячневой лепешкой» и т.п.

В южной и восточной Эстонии в будничные и особенно праздничные дни для разнообразия пищи употребляли каму (kaма). Толочно приготавливали из одного или нескольких видов сушеных или запеченных

зерновых и бобовых. Толокно - готовый пищевой продукт, из которого готовили еду очень быстро. Кама была питательной, вкусной и освежающей пищей в жаркую погоду.

В пище эстонцев присутствуют и продукты из конопли, например, пироги на основе ржаного теста. Каши и зерновые изделия заменяли в стародавние времена хлеб. Из овощей ели зимой больше всего репку, позже брюкву и кислую капусту. Брюкву и репку варили и запекали. Запеченная брюква была очень вкусной. Обычным напитком эстонцев считался квас.

Известно, что прежде, а в большинстве случаев и сейчас, существовали и существуют три времени приема пищи: полдник, обед и ужин. У предков эстонцев для каждого дня предназначалась своя еда. Завтрак или полдник имел место обычно около девяти часов, обед – в два часа, ужин – в восемь вечера.

Так, в понедельник ели крупяной суп (в Центральной Эстонии), молочный суп, мучную кашу (в Аудру); в Виру-Яагуи по понедельникам ели гороховый суп. По вторникам обычно ели картофельный суп (с мясом) – в тех местах, где по понедельникам ели крупяной суп. Исключением было Вирй-Яагуи, где ели крупяной суп во вторник, а также Амбла и Пылтсамаа – там ели гороховый суп. По средам в большинстве мест подавалась крупяная каша. Только в Амбла и в Виру-Яагуи по средам ели картофельную кашу. По четвергам были капустные щи с мясом. В некоторых районах (Амбла, Ярва-Мадизе, Аудру) ели картофельный или гороховый суп (Пайде). По пятницам традиционная еда была не столь строго регламентирована, по приходам же различия были значительны. В Пылтсамаа, Амбла, Ярве-Мадизе и в Тюри – это гороховый суп, в Аудру – картофельная или мучная каша, в Виру – Яагуи – бобовый суп и в Пайде – перловый. По субботам ели преимущественно перловую кашу. Только в Амбла и в Ярве-Мадизе упоминают еще картофельную кашу, а в Пярну – мясной или молочный суп. По воскресным дням подавали в основном капустные щи, по средам и субботам ели то же, по четвергам и воскресным дням подавалась также одна и та же еда.

Эстонская пища по способу приготовления была простой, но вкусной.

Чем же эстонцы питались в праздники? К Михкелеву (Михайлову) дню, 29 сентября, забивали одну или несколько овец, варили пиво, пекли хлеб нового урожая. В качестве угощения пекли брюкву в золе.

К Мартынову дню (10 ноября) разрешалось также зарезать какую-либо скотину, в зависимости от местных традиций готовить колбасу и кровяные клецки, варить пиво, печь ячневые лепешки и прочее. В этот день ходили ряженые, и ряженым давали мясо, картошку, крупу, овсяный кисель и всякие продукты. Для этого пекли сепик (серый хлеб), который сохранился и по сей день, и хлеб.

На рождество пекли особый хлеб – «рождественский боров». В наши дни он уже не выпекается, но это компенсируется обычаем печь особые

рождественские пряники (pirarkoogid) и булочки. Кровяная колбаса в качестве рождественского традиционного блюда получила распространение и в Северной Эстонии, где раньше только делали крупяную колбасу. Выпекание ячневых лепешек или оладий к масленице было древним обычаем предков эстонцев, однако современному представлению о масленичных булочках соответствуют лишь круглые булочки со взбитыми сливками.

У эстонцев имеются также свои пословицы о хлебе и еде:

- Всякий должен свой хлеб заработать.
- У всякого хлеба свой вкус.
- Если хлеб и салака в доме, то нет голода.
- Где хлеб, там и другая снедь.
- Хлеб, соль, огонь, вода – самые старшие.
- Кусок хлеба в кармане лучше, чем перо на шляпе.
- Хлеб стола не сломит.
- Всякий должен за свой кусок хлеба держаться.
- Хлеб – хозяин.
- Аппетит растет во время еды.
- Ешь тогда, когда у хлеба вкус булки.
- Ешь лук – голова будет ясная.
- Ешь, когда еда по вкусу, работай, когда работа спорится.
- Сытая лошадь всегда больше пробежит.
- Кто без еды, тот без сна.
- Кто лишнее ест и лишнее пьет, тот свое брюхо мучит.
- Не гляди в рот едящего и на сон спящего.
- Кто не едок, тот и не работник.

Сегодня национальными блюдами эстонцев являются мультгикапсад (mulgikapsad), кровяная колбаса (verivorst), жаркое из свинины (seapraad), кама (kama) и овсяный кисель (kaerakiel, kaerakiisel).

Рецепт приготовления мультгикапсад:

$\frac{3}{4}$ - 1 кг кислой капусты

400-500 гр свинины с жиром

$\frac{1}{2}$ стакана крупы

соль

сахар

1-2 головки лука

Капусту и мясо положить в кастрюлю, сверху крупу. Залить водой и тушить на медленном огне, пока продукты не будут мягкими. По вкусу добавить соль и сахар. Лук можно добавить вначале или в конце приготовления блюда с подогретым жиром. На стол подавать с картошкой или к тушеным мясным изделиям.

Рецепт приготовления камы:

Толокно смешать со свежим или кислым молоком, водой крупой или

молоком из конопли. Муку всегда помешивать. Готовую каму нужно кушать сразу же, иначе она потеряет свой вкус. В кислое молоко добавить по вкусу соль, сливки и сахар. Кушать как кашу или галушки. Вместе с камой кушают селедку, хлеб или бутерброд.

Е.Гаврилова, Ю.Каргу,
Т. Московцева, О.Румянцева,
Т.Слущкая

Народная эстонская одежда и приметы

Сейчас люди одеваются так похоже, что по платью почти невозможно определить местность, область, часто даже страну, из которой приехал человек. Но, сравнивая одежду современных эстонцев с одеждой других народов, можно заметить, что хотя все одеты более или менее современно, все же на улицах встречается гораздо больше людей в национальных костюмах, чем в других странах Европы. До сих пор эстонцы любят накидки и украшения, а студенты университета носят особые шапочки – фуражки.

Для самих эстонцев одежда является отличительным признаком наряду с языком народа, но как таковое явление была осознана в конце 19-го в. В гардеробе эстонцев хранятся традиционные костюмы именно того уезда, откуда они родом. Привыкнув к национальной одежде, сами эстонцы не замечают, что женщины в полосатых юбках и мужчины в темных картузах бросаются в глаза иностранцам. Правда, сегодня это очень дорогая, торжественная, парадная одежда.

Тысячу лет назад основными предметами женской одежды были полотняная рубаша с длинными рукавами и шерстяная верхняя глухая туника без рукавов, пояс из сукна (юмбрик) и толстая шерстяная накидка (сыба).

В конце 17-го века народная эстонская народная одежда имела свои особенности почти в каждом уезде. Ее формы и орнаменты связаны с занятиями людей, климатическими условиями и историческими традициями. Изготавливалась она из шерстяной или льняной ткани, позже, с 17-го в., также и вязалась. Льняные ткани были белого, шерстяные – белого, коричневого или черного цветов; использовались и растительные красители.

В 18-м в. появилась покупная отделка (тесьма, галуны и т.д.), полосатая широкая юбка, кокошник в виде горшка и цветочный орнамент вышивок. С 19 в. добавилось индиго и анилиновые красители; некоторые элементы одежды приходили из города, хлопчатобумажная ткань фабричного изготовления, кружева, узоры из журналов мод, жилеты, куртки и кофты. В 20 в. во многих местностях продолжали носить

национальную одежду. Обувь бывала кожаная и матерчатая. Одежда скреплялась металлическими пряжками.

По одежде раньше можно было узнать, из какой местности человек. Особенности были связаны с племенными различиями. В церковь было принято надевать свою лучшую одежду. Мужская одежда состояла из рубахи, коротких штанов, куртки, жилета и распашного кафтана; на праздник надевали войлочную шляпу, а по будням – восьмиклинную маленькую круглую шапочку. В западной Эстонии женщины позаимствовали у шведок платок (иногда два – полотняный, а поверх шелковый), сложенный треугольником, перекрещенный на груди и заправленный под пояс. Острова всегда отличались от материковой Эстонии и по материальной культуре, и по говорам. Так, женщины носили рубаху и черную плиссированную юбку.

К 1938 году, когда праздновалось двадцатилетие Эстонской республики, народный костюм был окончательно стилизован, а в 1940 г. приобрел статус национального символа. Знаменитые традиционные песенные праздники способствовали укреплению стереотипа.

В древние времена весь окружающий человека мир был полон добрых и злых сил, с которыми нужно было жить в мире. Большой силой обладали слово, взгляд, мысль...

В мире древних эстов одежда и ее элементы служили не только для защиты тела и украшения человека, они также выполняли конкретную магическую функцию защиты их носителя. Одежда могла уберечь от недоброжелателей, зла и несправедливости. Украшение одежды вошло в обычай еще в древности, когда каждый орнамент имел свое значение. Конкретное расположение узоров было своего рода рассказом, заключавшим в себе определенное известие, защищавшим от зла. Благодаря этому из поколения в поколение передавалась мудрость людей, а зачастую и судьба носивших ту или иную одежду. Древний орнамент поясов и вышивок обычно был геометрическим и содержал множество магических оберегающих знаков.

Пояс являлся неотъемлемым элементом одежды. Он не только скреплял одежду, но и создавал вокруг человека защитный магический круг: поясок охранял от злых духов, придавал силу, приносил удачу, оберегал от беды и болезни. Об этом говорит и народное присловье об урожайности поля: «на хорошей ржи пояс надет». Обычно для пояса был характерен красный цвет, являющийся жертвенным символом и носителем связующих свойств. Чтобы урожай был богатым – пояс вешали на рога рождественского козла. Хранителем домашнего очага и семьи был пояс, прикрепленный к ветвям вековых деревьев на свадебной церемонии, женский узорчатый пояс считали обладающим силой плодovitости. Зачастую в поясе спали, сохраняя веру в его магическую силу. Поясом «лечили» разные хвори и пораженные участки кожи, например после укуса змеи. Причем людей и домашних животных лечили одними поясами.

Не менее магическими и судьбоносными были рукавицы. В далеком прошлом надевали при жертвоприношении специальные рукавицы или чулки. Были рукавицы в которых отправлялись в суд (связаны они были из шерсти, взятой у 9-ти овец из 3-х разных мест). Чтобы волосы лучше росли, их стригли в узорчатых рукавицах. Рукавицы за поясом превратились в важную деталь мужского костюма.

Особое место отводилось украшениям. Их мелодичный перезвон ограждал от беды.

Очень модным женским украшением и в наши дни остается пряжка-сылг, защищавшая источник сердечной энергии. Украшения из серебра отваживали нечистого, губили русалок, призраков, чертей. Серебряные броши служили средством лечения, т.к. серебро обладает антибактериальным свойством. Серебряным украшениям отводилась важная роль во время сева и колдовских обрядов.

Приметы, связанные с одеждой:

- Если брошь на груди заржавела, жди нелегкой жизни.
- Человек, чью одежду мышь испортила, вскоре сей дом покинет.
- Коли материю в растворе соли вымочить, узор навсегда сохранится.
- Молодой человек, у которого платок неаккуратно на груди завязан, лентяем вырастет.
- Когда у женщины конец пояса болтается, то про нее говорят: «Мужик в кабаке, долги на шее».
- Сшей себе юбку всех цветов радуги, и никакое колдовство к тебе не пристанет.
- В переднике нельзя хлев прибирать – дочери гулящими станут.
- Если у матери передник рваный, дочка распутницей вырастет.
- Если у девицы передник на бок сбился, значит ее жених налево поглядывает.
- Женщине нельзя шить мужу рукавицы с красным узором – муж за другими бабами станет таскаться.

Белицер В. Эстонская народная одежда. Таллинн, 1960.

Карма М., Воагмаа А. Эстонская народная одежда. Таллинн: Eesti raamat, 1981.

Рихтер Е. Кто и как жил на земле Эстонии. Этнографические очерки. Таллинн: Александра, 1996.

Тамярв М. Эстонский народный костюм. Таллинн: КПД, 2001.

Eesti rahvakultuur. 1998 Eesti entsüklopeediakirjastus. Tallinn.

Eesti rahvarõivad. 2001. Tallinn.

Vunder E. Eesti rahvapärane taimornament tikandis. Tallinn, 1992.

www.erm.ee/vanast/pysi/ruspages/riided.html
www.paneuro.ru/main/estonia/culture/3.html

Н.Лобосок

Эстонская поэзия и проза в жизни русскоязычного человека и эстонца

*Причислять себя к эстонцам - родной язык русский
 Причислять себя к русским - не тот темперамент.
 Называться европейцем - привилегия избранных.
 Гражданином мира - слишком абстрактно.
 Остается быть просто человеком.
 По поймут ли?
 (Игорь Котюх "Попытка идентификации")*

Эстония – красивейшая страна. Сюда я приехала в один из ее переломных этапов, в 2002 году. И здесь я впервые познакомилась с потом уже ставшей для меня одной из любимых моих книг, книгой «Муфта, Полботинка и Моховая Борода» Эно Рауда. Эта в высшей степени эстонская книга о путешественниках в сказочном и обыденном мире, где можно найти одиночество, дружбу и уют, как и в Эстонии.

Хочется процитировать слова Игоря Котюха: «Фразу "маленькая, домашняя модель мира" (об Эстонии) не должно воспринимать как высокомерную иронию представителя "имперской нации". Это не ирония, это восхищение, близкое детскому: *настоящее* государство, настоящие парламент, конституция, армия, железная дорога, Академия наук!..»

В первые годы проживания в Эстонии я знакомлюсь с поэзией В. Луйк, Д. Каревой, воспевающей романтическую любовь и обращающейся к общечеловеческим истинам в сборниках 80-х годов. Все больше и больше я чувствовала, что мне одинаково интересно то, что связано с русской и эстонской культурой и традициями. Россия подкупала широтами и богатством выбора, Эстония – лаконичностью.

Снова возвращусь к Игорю Котюху, он пишет: «Я очень долго не понимал русской поэзии – вплоть до окончания школы. Маяковский мне был интереснее Пушкина, потому что Маяковский "ершистый", а Пушкин "причесанный". "Классический" означало для меня "правильный", и мне казалось, что идеальные столбики "сжирали" 90% мысли поэта. Вот почему Маяковский был мне ближе Пушкина. И, наверное, по этой же причине я сразу полюбил Блока – так как символизм позволял "дорисовывать" то, что оставалось за точкой или многоточиями.

Эстонскую поэзию принял безоговорочно. Возможно, потому, что начал ее читать не по указке учителя, а самостоятельно, и притом имея за плечами преодоленный опыт понимания русской поэзии. Надеюсь,

найдутся поэты, которые совместят российскую щедрость духа и эстонскую выдержку».

А о самом Игоре Катюхе во вступлении к его первому сборнику стихов проживающий в Таллинне поэт и переводчик Борис Балясный написал, в числе прочего, следующее: «Запутавшись в попытке классифицировать этого автора по культурно-языковой принадлежности, можно было бы пошутить, что он самый эстонский из русских и самый русский из эстонских писателей».

Кто-то, может, подумает - значит, нет у человека чувства родины. Но феномен "приграничья" невозможно заключить в одно предложение или формулу. Приграничье в культуре служит на благо двух культур.

Известный эстонский писатель и поэт Яан Каплински напомнил недавно в еженедельнике "Ээсти Экспресс", что "многое из того, что имеет на сегодняшний день "цивилизованная и образованная" Эстония, пришло к нам из России через Петербург. Ведь никогда нельзя забывать, что многие эстонские ученые и писатели, композиторы и художники, скульпторы и дирижеры, врачи и учителя, военные и юристы получили образование именно в России, в частности, в Петербурге".

В качестве примера хочется вспомнить Игоря Северянина. Он был знаком с эстонскими поэтами Х. Виснапуу, М. Ундер, И. Семпером и другими, устраивал поэтические вечера в Тарту. Ужин в его честь, устроенный эстонскими писателями и художниками, на котором присутствовали представители общественности города, стал значительным культурным событием. Б. Правдин писал: «С тех пор, как Игорь Северянин Наш тихий город посетил, Грущу о нем, раздумьем ранен, Как я давно уж не грустил». Дружеские отношения у И. Северянина установились со многими, а с Х. Виснапу они переводят произведения друг друга.

Северянин полюбил двуязычную дочь плотника Фелиссу Круут и обвенчался с ней, принял эстонское гражданство, превратившись из "петербургского дачника" в жителя Тойла.

Но многие писатели и поэты чувствуют себя на своей родине эмигрантами. В отличие от эстонских писателей, которые всегда востребованы у себя на родине, современная русская литература во многом определена тремя эмигрантами: поэзия – Иосифом Бродским; проза – Владимиром Набоковым; а «демократический слой» – Сергеем Довлатовым. Довлатов по-настоящему сформировался сначала в Эстонии, а затем в Америке.

«В прошлом году вышло в Эстонии на эстонском языке по крайней мере 58 сборников стихов. Примерно 10 из них можем назвать классическими, другие 10 – социальными, а остальные можем оставить, никак не назвав», пишет одна из газет Эстонии. Деньги дает писателям отдел фонда "Культууркапитал, около 90% стихов выходит при его поддержке.

Я провела маленький опрос среди своих знакомых:

1. Что Вы знаете об эстонской литературе?

2. Каких современных писателей, поэтов читаете?
3. На каком языке вы читаете?
4. Что для вас непонятно и вызывает изумление?
5. Что вы просто не принимаете?

Вот что у меня получилось:

Елена, преподаватель эстонского языка в школе.

1. Нравится любовная лирика Марии Ундер.
2. Не читаю, нет времени.
3. На эстонском и русском языках.
4. Всё понятно.
5. Всё принимаю.

Вера, домохозяйка

1. Практически ничего. О.Лутс, Э.Рауд, М.Саат. Ну, разумеется всякие Таммсааре и Койдула, не читала, но слышала.
2. Эстонских никаких. Другие: Хмелевская, Устинова, Сорокин.
3. На русском.
4. Меня трудно удивить...
5. Донцову. И кучу книжек, просто ужасно написанных, на уровне сочинения пятиклашки.

Ирсэн

1. Честно признаюсь, что не увлекаюсь эстонской литературой, читала только, что надо было по школьной программе, сейчас попробую вспомнить, кого.
2. Оскар Лутс, Таммсааре, Лидия Койдула...и тут память подвела... помню, их было значительно больше.
3. На русском языке и немного на эстонском.
4. -
5. -

Елена, домохозяйка

1. Помню отдельные имена и названия из школьного предмета «Эстонская литература». Помню, что что-то очень даже впечатляло, но уже не помню, что именно.
2. К сожалению, ничего сейчас не читаю. Совсем из последних современных – детективы Дарьи Донцовой. Кроме этого перечитывала Агату Кристи, вспоминала Ахматову и Цветаеву – люблю их.
3. На русском. Если очень надо, то на эстонском.
4. Считаю, что всё имеет место быть. Что мне не интересно, просто игнорирую.
5. Ответ как на п. 4.

Наталья, филолог

1. Прослушала курс полный курс лекций в Университете.
2. Современных эстонских почти не читаю, на других времени почти не хватает.
3. Читаю книги художественные на русском, по специальности – на эстонском и английском.
4. Читаю в основном понятную и близкую мне литературу. Легкое изумление вызывают некоторые статьи и высказывания в прессе, как в эстонской, так и русской. Если говорить в общем, я не очень люблю тратить время на ширпотреб, обилие которого и вызывает изумление.
5. Где? Я, например, считаю, что у каждого произведения есть свой читатель, и даже если человек публикует просто свое творчество, хотя бы в Интернете для близких и знакомых, и его читают только члены семьи, то и это уже хорошо. Я не принимаю категорически религиозную литературу, которую бабушки раздают на улицах. Считаю, что это слишком серьезный вопрос для уличных обсуждений.

Светлана, бухгалтер

1. Проходили в школе, это в основном все.
2. Эно Рауд «Муфта, Полботинка и Моховая борода» читаю детям. "Знаменательный день", автора не помню - читала в детстве, нравилось. Оскар Лутс – «Весна», «Лето»... и т.д. Это все что вспомнилось .
3. В переводе на русский.
4. Ничего, т.к. ничего серьезного не читаю (из эстонских писателей).
- 5.-

Таким образом, эстонских писателей, поэтов многие помнят из курса школы, но и то смутно. Хочется надеяться, что в будущем ситуация изменится. Свое эссе хочу закончить отрывком из стихотворения Яна Кросса «Edasimineja»:

Перевод: Пусть наш дом – Эстония превратится в колодец, который утолит нашу жажду, жажду знаний, жажду жизни.

Э. Зибницкий. Русский след. Эстонское отсутствие // Новый Мир, 2006, №8.

В. Калашников, М. Калашникова. Страсти по-эстонски // Независимая газета, 08.06.2001. www.baltwillinfo.com/Sev/sev-11p.htm

И. Котюх. Эстонцы и русские // Пролог. Интернет-журнал молодых писателей. www.ijp.ru/show/pr.php?failn=03801200471

Национальная специфика славянской фитонимической номинации

(в сопоставлении с германскими, романскими и тюркскими языками)

В языкознании, начиная с В. Гумбольдта, существует идея общего, типичного в языках, положение о том, что наряду с исключительным своеобразием различных языков существуют какие-то общие типологические линии их развития, общие особенности в их структуре. Однако сходство в языках может быть результатом разных причин: общности происхождения этих языков, заимствования или калькирования, случайного совпадения и, наконец, результатом независимого развития по сходным законам, то есть результатом самостоятельной реализации в разных языках одинаковых языковых тенденций.

Оценка человеком животных и растений проявляется не только в их номинации, но и в переносном употреблении этих названий. Интересно в этом отношении явление фитоморфизма, т.е. использование названий растений для обозначения других объектов и среди них - характеристик человека. Возможность такого переноса объясняется, с одной стороны, сложившимися представлениями у человека о растении или животном, а с другой стороны – особенностью мышления древнего человека, склонного к антропоморфизму. Фитоморфизм тесно связан с другим, противоположным явлением, антропоморфизмом — перенесением присущих человеку психических свойств на явления природы или животных.

Образы, т.е. представления, которые вызывают растения и животные у разных народов, могут совпадать. Например, черепаха символизирует медлительность, заяц — быстроту, торопливость, трусость, роза — красоту и колючесть (наличие шипов), лиса ассоциируется с хитростью, лестью, обманом, волк — с жадностью, злобой; береза, сосна — со стройностью. Однако между системой ассоциаций, которая связана у народа с представлением о данном растении, и фитоморфизмом, метафорическим употреблением названия растения, нет полного тождества.

Например, интересные семантические ассоциации у разных народов вызывает фитоним *ягода*. В русском языке *ягодка* (обычно в обращении) — ласковое название женщины. В польском языке *jaгода* “ягода” в поэзии означает щеку. А в сербском и хорватском *bóba* “ягода” имеет три переносных значения: 1. прыщ, 2. рачья икра (*bóbe* – мн. число), 3. гребень индюка.

В русском языке *яблочко* (уменьш.) — центральная часть мишени в виде небольшого черного круга, *яблочко* — название популярного среди революционных солдат и матросов песни и танца на мотив этой песни. В сербском и хорватском *jáбука* имеет следующие значения: 1. яблоко,

2. яблоня, 3. набалдашник (на палке и т.п.), 4. передняя лука (на седле), 5. держава (символ власти монарха), а также новые значения: 1. свадебный подарок жениха, 2. обручение. *Jäbuchiца* (яблочко) — 1. адамово яблоко, кадык, 2. шишечка, набалдашник, а также новое значение: скула (чаще мн. ч.).

Сходны переносные значения слова *яблоко* в польском языке: 1. *jabłko adamowe* — адамово яблоко, 2. *jabłko niezgody* — яблоко раздора, 3. *jabłka* — пятна на шерсти лошади, и тут обнаруживаются несколько новых значений слова: *jabłko* — 1) держава (эмблема власти монарха), 2) коленная чашечка.

Переносные значения слова *яблоко* в таджикском языке совершенно не совпадают с переносными значениями в приведенных выше языках: таджикское *себ* — яблоко, *себак* — яблочко, кусок теста, раскатанный на одну лепешку, *себча* — яблочко, сорт халвы в виде шариков. В итальянском языке *méla* “яблоко” имеет несколько переносных значений: 1) головка, шляпка, 2) щеки, 3) грудь (женская), 4) ягодицы.

Интересно переносное значение фитонимов *семя* и *зерно*: в русском — зародыш, начало, источник чего-либо. То же в украинском *зерно* — *семя* (источник чего-либо); казахское *дэн* — “зерно, начало, зародыш”; чешское *semeno* — “семя”, турецкое *tohum* — “семя”, немецкое *der Same* — “семя”, литовское *sėkla* — “зерно, семя”, *paseti sėklą* (букв. “посеять зерно”) — “заронить зерно”, немецкое *das Korn* — “зерно”.

В таджикском языке появляется новое значение: *тухм* — “семя, зерно, яйцо”, а в сербском *зрно* — “зерно, пуля, снаряд”; в кумыкском *урлукъ* — “семя, род, племя, родственники, сородичи”.

В итальянском языке одно из переносных значений слова *séme* “семя” — масть (в картах).

Фитоним *груша* в русском языке имеет переносные значения “боксерская груша”, “резиновая груша пульверизатора”. А в немецком *die Birne* “груша” имеет переносное значение “электрическая лампочка”.

Ботанический термин *стебель* — надземная часть травянистого растения, несущая на себе листья, цветки и плоды. В переносном значении *стебель* — “название различных частей предметов или устройств, имеющих вид стержня, трубки” — *стебель пера, стебель затвора винтовки, рукоятка ложки*.

В таджикском *сока* — стебель растений, в переносном значении — “ножка” (табуретки), “пята (архитект.) арки или свода”, *тана* — “ствол” (дерева), *стебель*”.

В якутском *умнас* — “стебель, ствол”, в переносном значении — “черенок, длинная ручка, рукоятка, чубук (трубки)”.

Подземная часть растения — *корень*, употребляется в русском языке в переносном значении как “начало, источник, основа чего-либо” (корень зла, корень ошибок, корень слова), “основание, место соединения органа с

телом” (корень языка.). В *корне* — “совсем, совершенно”, на *корню* — “в самом начале, не дав развиться”.

В русском, польском, немецком, казахском, литовском, таджикском, турецком, украинском, сербском, хорватском, чешском находим по 12 значений этого термина. Например, в англ. root of all evil “корень зла” (где root — “корень”); в нем. die Wurzel des Übels “корень зла” (die Wurzel — “корень”); в казахском *кеміліктің түй тамыры* “корень зла” (где *тамыр* — “корень”); в турецком *kötülügün kökü* “корень зла”, *ikinci kuvvetten kök* “квадратный корень” (матем.) (где *kök* — “корень”); в укр. *корінець* “корешок растения, тетради, книги”; сербское *köron речи* “корень слова” (где *köron* — “корень”); кумыкское *сёзю тамурунда* “в корне слова” (где *тамур* — “корень”); чешское *kořen rovnice* “корень уравнения”, *kořen slova* “корень слова” (где *kořen* — “корень”); киргизское *квадраттык тамыр* “квадратный корень” (где *тамыр* — “корень”). В кумыкском языке проявляется новое значение слова *корень*, отсутствующее в других сравниваемых языках: *тамур* (“корень”) имеет значение “сосуд” (медиц.).

Русское *крапивник* (от *крапива*) — поле, заросшее крапивой; польское *rokrywnik* (от *rokrywa* — “крапива”) — “найденный в крапиве, внебрачный ребенок”, аналогичное значение в чешском языке *korřivnik* (от *korřiva* — “крапива”).

Почка цветка, нераспустившийся цветок или *бутон* — в русском языке, *der Bouton* в немецком языке имеют переносное значение “бриллиантовая серьга, серьга в форме бутона”; устаревшее название бутона в немецком языке *der Pickel* имеет переносное значение “прыщик”.

Фитоним *малина* употребляется в русском языке в значении чего-то сказочного, очень приятного. С таким же значением поговорка *не жизнь, а малина*. У этого термина в русском языке есть другое переносное значение, употребляемое в воровской среде: *малина* — воровская квартира, воровской притон.

Не удалось обнаружить в других языках переносное значение фитонима, обозначающего степное и пустынное травянистое или полукустарниковое растение, после созревания отрывающееся от корня и перекатываемое ветром *перекати-поле*. Этот фитоним в русском языке имеет переносное значение “человек, склонный к частой смене местожительства, работы, обычно одинокий”.

Травянистое растение рода земляники и сладкие, душистые его ягоды называются *клубника*. Только в русском языке встретилось переносное значение *клубничка* — отдельная ягода клубники, а также “что-то нескромное, скабрзное”.

Огородное растение *огурец*, в русском языке уменьш. *огурчик* — о ком-либо здоровом, крепком, свежем на вид.

Только в немецком языке встретилось переносное значение огородного растения *салат* *das Salat* “мешанина, каша” (*Filmsalat* — “запутанная пленка”, *Wellensalat* — “две радиостанции на одной волне”). *Da haben wir*

den Salat! “Вот тебе на! Вот тебе раз!” (букв. “у нас тут салат!”). Mach nur keinen Salat! “Не поднимай шум!” (букв. “не делай салат!”).

В русском языке *цвет* (то же, что цветок) — “лучшая часть чего-либо: *цвет* интеллигенции, *цвет* молодежи, *цвет* дворянства”. Такое же переносное значение фитонима *цветок* находим в таджикском (*гул*). Другое переносное значение фитонима *цветок* в таджикском языке — “оспа, сыпь”, оно отсутствует в русском и других языках. В немецком языке *цветок* *die Blume* имеет также необычные переносные значения: 1. пена (на пиве), 2. хвост (охотнич.).

Фитоним *банан* в русском языке имеет во множественном числе переносное значение “брюки свободного покроя, присобранные у пояса и суженные книзу, напоминающие по форме плод банана”. Другое переносное значение этого фитонима в русском языке — неудовлетворительная оценка в школе (разг.).

Южное вечнозеленое плодое цитрусовое дерево и его плод под названием *лимон* имеет в русском языке переносное значение “миллион рублей” (сленг).

Только в русском языке встретилось название ядовитого гриба *мухомор* в значении “дряхлый старик”. Схожее переносное значение имеет фитоним *сморчок* (гриб с короткой ножкой и шляпкой, поверхность которой покрыта извилистыми складками, морщинками) — “маленький, невзрачный или старый, морщинистый человек”.

В переносном смысле отдельно и во фразеологизмах встречается название плода фигового дерева инжира — *фига*. Фига — то же, что кукиш. Такие же значения в украинском (*фига*), немецком (*die Feige*), литовском и других языках. Но в польском *figa* “фига” имеет два переносных значения: 1. кукиш, 2. короткие дамские трусы (*figi* — мн.число).

Образ *дуба* в немецком языке — это символ силы и могущества — послужил основой для ряда сравнений: *er stand fest wie eine Eiche* (букв. “он стоял прочно, как дуб”); *er war stark wie eine Eiche* (букв. “он был сильный, как дуб”, где *Eiche* — “дуб”). О крепком, здоровом человеке в польском языке мы находим сравнение *chłop jak dąb* (букв. “парень, как дуб”). В русском языке выражение для характеристики тупого, бестолкового человека — *дубовая голова*. В турецком *meşe odunu* — “дубовая голова, башка” (букв. “дуб тупой”); чешское *jako když mluvíš do dubu* — “говорить со стенкой, как об стенку горох” (букв. “говорить как с дубом”). *Дать* (*давать*) *дуба* в русском языке имеет значение “умирать”; в украинском *дуба дати* имеет то же значение “окочуриться, протянуть ноги”; *dać dęba* (в польск.) имеет значение “удрать, дать тягу” (букв. “дать дуба”).

Только в русском языке встретилось выражение *ободрать* (*обобрать*, *обчистить*, *облупить*), как *липку* в значении “все дочиста у кого-либо

отнимать, отбирать, т.е. грабить”. Кору у липы обдирали, и она шла на изготовление лаптей, корзин.

Русское выражение *словно белены объелся* “обезумел, одурел, пришел в состояние раздражения, негодования, буйства” объясняется одурманивающими свойствами ядовитого травянистого растения *белена*.

Только в русском языке встретилось выражение *как горькая редька, хуже (пуще) горькой редьки* “надоесть в высшей степени, осточертеть”. *Горькая редька* – говорят о невыносимом, надоедливом человеке.

Фитоним *спаржа* не имеет переносных значений в русском языке, в Германии — это один из любимых овощей (в пищу употребляются длинные белые побеги), в немецком языке есть фразеологизм *den Spargel quer essen können* (букв. “суметь съесть спаржу поперек, в длину”) со значениями:

1. иметь очень большой рот;
2. быть хвастуном.

Название распространенного огородного растения *петрушка* (нем. *die Petersilie*) встречается во фразеологизмах немецкого языка: *einem die Petersilie verhageln* (разг. “насолить кому-либо, испортить удовольствие, отравить радость кому-либо”, букв. “побить кому-либо градом петрушку”). *Petersilie pflücken* “оставаться без партнера на танцах” (букв. “рвать петрушку”). *Petersilie auf allen Suppen sein* разг. “повсюду успевать, быть повсюду первым” (букв. “быть петрушкой во всех супах”).

В чешском языке крепкого, здорового человека сравнивают со свеклой *zdravý jako řepa* (где *řepa* — “свекла”, букв. “здоровый, как свекла”); в польском *baba jak rzepa* (букв. “баба, как репа”, где *rzepa* — “репа”) в значении “ядренная баба”.

Для обозначения сумятицы, неразберихи, беспорядка немцы используют названия двух огородных растений: *durcheinander, wie Kraut und Rüben* “вперемежку, как *трав*а и *репа*”.

Сходны в различных языках переносные значения и устойчивые выражения с фитонимом *роза*, обозначающим декоративный кустарник с крупными ароматными цветами разнообразной окраски и стеблями, покрытыми шипами. “Его путь усыпан розами”, — скажут о человеке, успешно достигшем определенного положения в обществе или в какой-то сфере жизни. И, наоборот, о человеке, с трудом пробивающемся, преодолевшем на своем пути множество препятствий, скажут: “его путь не был усыян розами”. В нем. *j-d ist nicht auf Rosen gebettet*, букв. “кто-то почивает не на розах”; польск. *droga usłana różami* “путь, усыянный розами”; чешск. *nemá na růžích ustlano* “живется ему несладко, его путь не усыпан розами”. У прекрасного цветка на стебле имеются шипы, о которых в переносном смысле говорится в пословицах многих народов. Например, нем. *keine Rosen ohne Dornen* “нет розы без шипов”; то же в чешск. *není růže bez trní* “нет розы без шипов”; в польск. *nie ma róży bez kolców* “нет розы без шипов”; турец. *gül dikensiz olmaz* “цветок (роза)

шипы имеет”, *her şeyi gülistan görmek* “видеть все в розовом свете”. Своеобразны выражения с фитонимом *роза* в таджикском: *асали бе занбӯр, гули бе хор намешавад* “не бывает меда без пчел и розы без шипов”, т.е. нельзя ничего хорошего достичь, не преодолев трудностей (где *гул* – “роза”), *аз сад гулаш як гулаш хам нашукуфтааст* “он еще молод, у него все еще впереди” (букв. “из ста его роз ни одна еще не распустилась”), *гул гулуру мешукуфонад* “цветок, глядя на другой цветок, тоже распускается”, *гул хор дораду асал – ору* “розу стерегут шипы, а мед пчелы”, *хар гуле бўе дорад, хар гулеро як бўе* “у каждого цветка свой аромат”, *гул буридан* “совершить необыкновенный, из ряда вон выходящий поступок, выкинуть штуку, номер” (букв. “вырезать цветы”).

Ботанический термин *цветок* – часть растения, обычно имеющая вид венчика из лепестков, окружающий пестик с тычинками. Можно встретить во многих языках как одиночное употребление этой лексемы, так и во фразеологических оборотах. В русском языке *тепличный цветок* (*тепличное растение*) — человек, оберегаемый от столкновений с жизнью, действительностью, хрупкий и изнеженный. *Срывать цветы удовольствия* означает “эгоистически, беспечно пользоваться удовольствиями жизни, не думая о своем семейном или общественном долге”, выражение взято из комедии Н.В. Гоголя “Ревизор”, слова Хлестакова: “Я люблю поест. Ведь на то живешь, чтобы срывать цветы удовольствия”.

Немецкое *in voller Blüte* – “в полном цвету”, *in der Blüte der Jahre* (*der Jugend*) – “во цвете лет (молодости)”; польское *w kwiecie wieku* (*sił*) – в цвете (расцвете) лет (сил), другое польское выражение *ładny kwiatek* (букв. “хороший, красивый цветочек”) имеет два значения: 1. “вот так штука!”, “хорош сюрприз!”, 2. “ну и фрукт!”, “хорош гусь!”. Чешское *v květu let, sil* – “во цвете лет, сил”, *divka jako květ* – “девушка как маков цвет” (букв. “девушка как цветок”). Сербское *mo je joш цвѣће* – “это еще цветочки”, *у цвѣту младости* – “во цвете лет”. Не встретилось в других языках немецкое выражение *durch die Blume sprechen* — “говорить намеками” (букв. “через цветок говорить”).

Приведенные наблюдения позволяют сделать следующие общие выводы.

В разных странах могут быть известны одни и те же растения, породы деревьев, сельскохозяйственные культуры, однако переносные значения в лексемах, называющих эти явления в разных языках, могут быть весьма различными.

Национальное своеобразие развивающихся в разных языках переносных значений – отражение того, что связь между языком и мышлением не является прямолинейной и однозначной, что мышление, образуя с языком единство, имеет свои внутренние, относительно самостоятельные законы развития и своеобразно влияет на процессы концептуализации одних и тех же явлений разными народами.

Национальная концептосфера народа формируется лишь частично под влиянием отражения объективной действительности – направления концептуализации одних и тех же натурфактов, как показывает исследование, оказываются в значительной степени различными.

Дополнительным аргументом в пользу относительной самостоятельности развития национальной концептосферы и ее слабой зависимости от национального языка является тот факт, что родство языков (в нашем случае славянских и тюркских) не оказывает решающего влияния на направления концептуализации – в родственных языках отраженная в значениях концептуализация растений может различаться ничуть не меньше, чем в неродственных.

Содержание

От редколлегии с.3

Русское и литовское коммуникативное поведение

Лихачева А. (Вильнюс). Об особенностях литовской коммуникативной культуры в связи с понятием «национальный характер»	с.4
Паужа Й. (Шауляй). Особенности русского и литовского коммуникативного поведения в ситуациях проявления речевого этикета	с.15
Стернин И.А. (Воронеж), Лихачева А.(Вильнюс) .Заметки о некоторых особенностях литовского академического общения	с.31
Чичинская Р. (Вильнюс). Риторические страсти в коммуникативном поведении студентов – литовцев и русских	с.34
Лассан Э. (Вильнюс). О коммуникативном поведении СМИ России и Литвы при изображении «своих» президентов	с.46
Макарова В.В. (Каунас). О некоторых отличительных чертах политического дискурса России и Литвы	с.56
Лихачева А. (Вильнюс). Русская тема в медийном дискурсе Литвы	с.69
Беловодская А.(Вильнюс). «Антимир» пародии и аспекты его проявления в современной рекламной и политической коммуникации Литвы.	с.76
Заметки о литовском общении	с.88

Русское и эстонское коммуникативное поведение

Алликметс К. (Таллин). Гость – человек желанный (об отличиях в коммуникативном поведении русских и эстонцев)	с.89
Фрейман А. (Нарва). Общение эстонцев с соседями	с.95
Кеэрберг Л. (Тарту). О некоторых особенностях коммуникативного поведения русских в сопоставлении с эстонцами	с.96
Мусаева О. (Воронеж-Тарту). Из наблюдений над общением и поведением эстонцев	с.99
Архипова Д. (Нарва). Приветствие и прощание в эстонском коммуникативном поведении	с.104
Белова Е. (Нарва). Жаргон русскоязычных эстонских школьников	с.106
Принтс С. (Краков). Русские и эстонцы в общении	с.109
Лаврентьева М. (Нарва). Эстонский характер и поведение	с.110

Силе Т. (Нарва). Семейное общение в Эстонии	с.113
Моисеева И. (Нарва). Домашнее воспитание в Эстонии	с.115
Реесе С. (Нарва). Коммуникативное поведение эстонских болельщиков	с.117
Юхков К.(Нарва). Эстонская культура пения	с.118
Тиидо Я. (Нарва). Формирование эстонской песенной традиции	с.122
Элонен А. (Нарва), Протасова Е. (Хельсинки-Нарва) Отношение к обучению на русском языке: столкновение культур	с.125
Сирош Е. (Нарва). Эстонская школа: новые педагогические традиции	с.136
Борисов А. (Нарва). Стиль русских и эстонских учебников	с.140
Бабушкин А.П.(Воронеж) Эстонский калейдоскоп	с.141
Заметки об эстонском общении	с.143

Русское и латышское коммуникативное поведение

Тамарович Н. (Рига). О коммуникативном поведении латышей	с.146

Русское коммуникативное поведение

Саломатина М.С. (Воронеж). Коммуникативного поведение русского филолога	с.151
Лазуренко Е.Ю. (Воронеж). Коммуникативное поведение российского руководителя	с.162
Стрельникова М.А. (Воронеж). Национальные особенности коммуникативного поведения российского тележурналиста	с.173

Культурология и лингвокультурология

Казакова С. (Нарва). Эстония и Россия: проблема взаимоотношений	с.178
Костюкевич И. (Нарва); Протасова Е. (Хельсинки – Нарва). Эстония: авто- и гетеростереотипы	с.182
Бироци Ю. (Нарва). Современные мифы Эстонии	с.197
Гордеев Р.(Нарва). Эстонский президент в восприятии эстонцев	с.206
Сохромова О. (Нарва). Эстонские праздники и связанные с ними традиции	с.208
Сисаск К., Цопп И. (Нарва). Праздничные традиции эстонцев и русских.	с.212

Будалова И. (Нарва). Отдых эстонцев	с.214
Селезнева Н. (Нарва). Культура еды в Эстонии	с.218
Гаврилова Е., Каргу Ю., Московцева Т., Румянцева О., Слущкая Т. (Нарва). Народная эстонская одежда и приметы	с.221
Лобосок Н. (Хельсинки). Эстонская поэзия и проза в жизни русскоязычного человека и эстонца	с.224
Сетаров Р.Д. (Елец). Русские и литовские зоонимические концепты	с.228